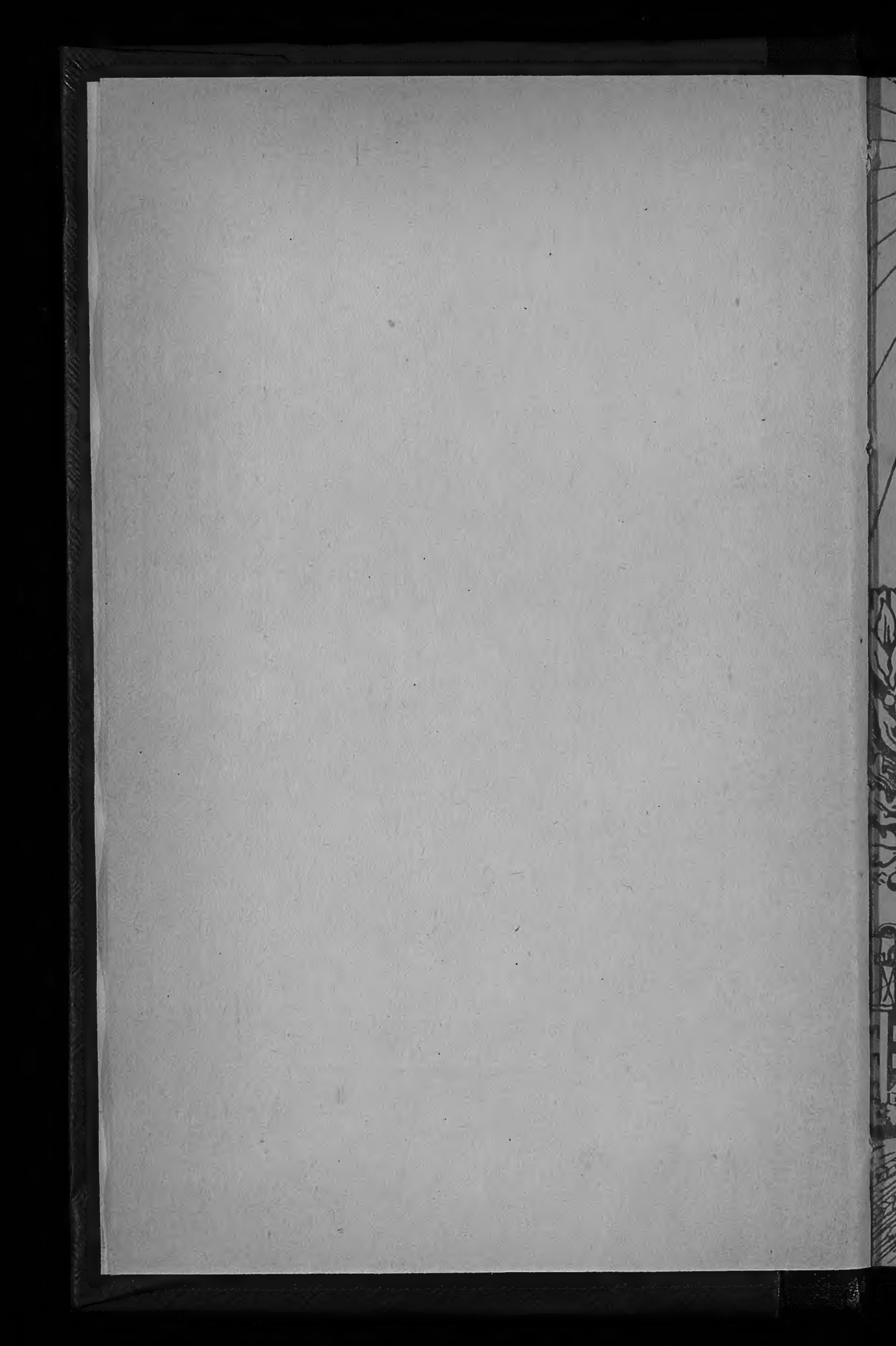

ПОБЕДИТЕЛИ ВРЕМЕНИ

РАССКАЗЫ О НОВАТОРАХ ДОНБАССА

СТАЛИНСКОЕ ОБЛАСТНОЕ
КНИЖНО-ГАЗЕТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1948

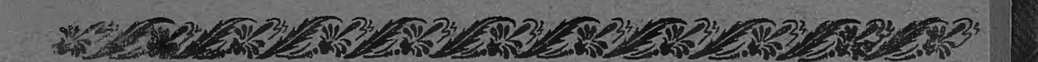

ПОБЕДИТЕЛИ ВРЕМЕНИ

РАССКАЗЫ О ЛЮДЯХ ДОНБАССА, ВЫПОЛНЯЮЩИХ ДОСРОЧНО НОВУЮ СТАЛИНСКУЮ ПЯТИЛЕТКУ

Сталинское областное
книжно-газетное издательство
1948

П. БЕСПОЩАДНЫЙ

ШАХТЕРЫ СЛАВЯТ СТАЛИНА

Мы — забойщики века Коммуны,
Мы — проходчики светлых дорог...
Славят Сталина старый и юный:
— Сталин жить и работать помог!

Мы идем золотыми пластами,
Молоток и упрям, и остер...
И ведет нас на подвиги Сталин —
Наш великий почетный шахтер!

С ним идем мы дорогою ясной:
К самой светлой счастливой поре!
Увенчаем Донбасс наш прекрасный
Самоцветами звезд на копре...

Мы идем золотыми пластами,
Врубов дружен и точен напор...
И ведет нас на подвиги Сталин —
Наш великий почетный шахтер!

Мы — забойщики нового века!
Мы — проходчики верных путей.
В наших думах, и лавах, и штреках
Человек самых честных идей.

Мы шагаем полями-пластами, —
Где подземным комбайнам простор...
И ведет нас на подвиги Сталин —
Наш великий почетный шахтер!

День шахтера и весел, и ясен,
Век желанный в забои пришел...
В нашем Сталинском славном Донбассе
И работать и жить хорошо!

Мы идем золотыми пластами,
Струги смотрят на уголь в упор...
И ведет нас на подвиги Сталин —
Наш великий почетный шахтер!

М. ИГНАТОВ

ДОНЕЦКИЙ ЗАБОЙЩИК АЛЕКСАНДР ТЮРЕНКОВ

Шахтеры — бывалый народ. И далеко не каждого удивишь высокой выработкой забойщика.

— Александр Тюренков вырубил 211 тонн за смену? Отличная работа! Но только в Донбассе бывали рекорды значительней этого.

И забойщики, собираясь перед началом наряда на шахтах, вспоминали минувшие дни, когда в Донбассе гремела слава первых зачинателей всенародного стахановского движения.

— Алексей Стаханов в сентябре 1935 года давал 227 тонн угля за смену.

— А Пузанков — 546...

— Артюхов — все 600 тонн вырубывал.

— Что же, Никиту Изотова никто еще не перекрыл. В 1936 году он вырубил 621 тонну угля.

И действительно этот рекорд Никиты Изотова в Донбассе еще никто не перекрывал. Известно, правда, было, что забойщик Павлов из далекой Анжерки вырубывал за смену 991 тонну угля, а Баннов на прокопьевских шахтах — 1060 тонн. Но нельзя же сравнивать прокопьевских и анжерских пластов с донецкими. В Донбассе первенство так и осталось за Никитой Изотовым — 621 тонна за смену.

Но только Никита Изотов совершенно иначе отнесся к первому рекорду Александра Тюренкова.

— 211 тонн — солидная добыча, — говорил прославленный забойщик, работающий сейчас начальником второго шахтоуправления в Енакиевском районе.

— Во-первых, столько угля после войны еще никто не подрубывал. Во-вторых, у Тюренкова есть что-то новое.

И Никита Изотов решил лично удостовериться в том, что произошло 26 января на горловской шахте имени Калинина.

Спустя несколько дней в Горловке состоялась встреча Александра Тюренкова с Никитой Изотовым. Как раз в день приезда Изотова на шахту, напарник Тюренкова — Константин Сыроедов вырубил 261 тонну угля и перекрыл предыдущий рекорд.

А произошло все это следующим образом.

26 января за Тюренковым крепил Сыроедов и еще три человека. Сыроедов внимательно следил за работой Тюренкова и его поражало высокое мастерство и умение этого забойщика. Когда окончилась смена и все собрались на-гора, Константин Сыроедов подошел к Тюренкову и просто сказал:

— Если говорить откровенно, я завидую тебе, Александр.

Сзади загремел на стыках рельсов электровоз и забойщики спрятались в нишу, уступая дорогу подземному составу.

— Какая же тут может быть зависть, Константин? Это же наше общее дело. Припоминаешь, какие мы с тобой обязательства брали?

Тюренков напомнил, что на собрании, когда обсуждалось письмо ленинградских рабочих о начале соревнования за выполнение пятилетнего плана в четыре года, каждый из них твердо решил: выполнить по две пятилетних нормы.

— Вот в этом и дело, Александр. С двумя пятилетними нормами справиться можно. Ну, а если так работать, как ты сегодня, то можно больше вытянуть.

— Так за чем остановка?

— Кажется мне, что я не смог бы вырубить столько. Не шутейное дело — 211 тонн.

Здесь, по пути к стволу, Тюренков обещал помочь Сыроедову и в следующий раз вызвался поменяться ролями: пусть Константин Сыроедов возьмет в руки отбойный молоток, а он — Александр Тюренков, возьмется за топор и будет крепить.

И спустя три дня Константин Сыроедов удивил друзей новым рекордом. Как раз в этот день и состоялась встреча Ни-

киты Изотова с Александром Тюренковым. Как водится в таких случаях на шахте провели собрание. На нем выступил Александр Тюренков, потом Константин Сыроедов и в самом конце собрания поднялся Никита Изотов.

— В Донбассе вновь наступают горячие дни, — говорил Никита Алексеевич. — Вот точно так начиналось и в 1935 году. Один забойщик устанавливал рекорд, а второй его сразу же перекрывал. Угля мы, донецкие шахтеры, рубили тогда столько, что вся промышленность, все наше народное хозяйство успешно выполняло пятилетние планы.

Никита Алексеевич говорил о новой, послевоенной пятилетке и перед каждым присутствующим на собрании рабочим развертывалась новая гигантская перспектива. Донбасс успешно залечивал тяжелые раны, нанесенные войной, и вместе со всем народным хозяйством страны уверенно двигался к новому под'ему.

Прошло немногим больше месяца, как государство провело денежную реформу и отменило карточную систему— это была первая победа послевоенной пятилетки. Но впереди еще предстояли упорные бои и линия фронта в Донбассе на этот раз проходила глубоко под землей. Трудовое наступление начиналось в забоях угольных шахт и от успешного его осуществления зависела дальнейшая работа всей промышленности, железнодорожного транспорта.

Горловский забойщик—коммунист Александр Тюренков явился одним из тех, кто первым пошел в Донбассе в наступление. Начинал он это наступление вооруженный новой техникой и богатым опытом стахановской работы.

Незадолго до рекорда горловские забойщики направили ленинградскому заводу «Пневматика» письмо, в котором говорили о том, что Донбассу нужны более совершенные отбойные молотки. С «Пневматики» был получен ответ:

—«Дорогие товарищи,—писали ленинградцы,—Ваше справедливое требование об улучшении качества продукции, выпускаемой нашим заводом, мы рабочие, инженерно-технические работники и служащие принимаем к обязательному исполнению».

Ленинградцы направили в Донбасс отбойные молотки новой конструкции ОМ-2. Уже первый рекорд Александр Тюренков установил с помощью ленинградского подарка. Он выгодно отличался от молотков прежней конструкции. Его вес на 1 килограмм 400 граммов меньше обычного. Чтобы

включить сжатый воздух достаточно нажать на кнопку, вместо того, чтобы прижимать рукоятку. Поршень молотка ударяет не по зубку, а по специальной подушке. Новый молоток значительно облегчал труд забойщика.

Когда Александр Тюренков получил новый молоток, он разобрал его и внимательно изучил каждую часть.

— Отличная машинка, — оценил забойщик. И он почувствовал какими крепкими братскими узами связаны народы большой советской страны. Соревнование за досрочное выполнение пятилетнего плана зародилось в Ленинграде. Ленинградцы пред'явили социалистический счет работникам угольной промышленности. Но и сами ленинградцы идут на помощь горнякам—отбойный молоток новой конструкции — свидетельство этого.

В руках Александра Тюренкова новый молоток сразу зарекомендовал себя.

Между тем, соревнование забойщиков принимало все более широкий размах. 10 февраля Николай Масалов, с шахты № 4—5 «Никитовка», вырубил 326 тонн угля, но 13 февраля Александр Тюренков опять оставляет рекорд за собой. Он подрубывает уже 394 тонны угля за смену. Но недолго продержался и этот рекорд.

Спустя три дня, когда Александр Тюренков закончил свой рабочий день, его на штреке встретил бригадир лесогонов Радченко.

Лесогоны на шахте—знающий народ. По роду своей работы они часто поднимаются на-гора за лесом и, таким образом, всегда доставляют в шахту последние новости о всех значительных событиях. А то, что узнал на этот раз Радченко, он не мог не сообщить немедленно Тюренкову.

— Сальников твой рекорд перекрыл, Александр.

У Тюренкова учащенно забилось сердце. Его радовал каждый новый успех забойщиков, которые по его примеру добивались все новых успехов. Но, с другой стороны, он ревниво относился к каждому новому рекорду: неужели он потеряет первенство в этом большом соревновании, которое разворачивалось в Донбассе.

— Александр Сальников с шахты им. Сталина?

— Ну да... 509 тонн вырубил!

Тюренков улыбнулся, глядя на взволнованного лесогона.

— Что же, теперь нам за 600 тонн подниматься следует.

— За 600 тонн? Так это значит, что мы и Никиту Изотова перекроем?

— Очень свободно. Времена теперь совсем другие.

Радченко был соучастником всех успехов Александра Тюренкова. Именно от его бригады зависело обеспечат ли забойщика лесом. Но надо отдать должное лесогонам, они трудились на славу. У крепильщиков лес всегда находился под рукой и забойщик, не оглядываясь, мог продолжать свою вырубку. 13 февраля, когда Тюренков вырубил 394 тонны угля, лесогоны разложили по уступам 292 обапола, 438 стоек и 338 затяжек. На крутопадающих пластах доставка и раскладка крепежного леса—серьезная работа.

Так началась подготовка к новому рекорду.

В день Советской Армии бригада Александра Тюренкова вырубила 669 тонн угля.

Рассказывают, что когда Никита Изотов узнал об этом успехе горловского забойщика, он совсем не удивился тому, что все известные в Донбассе рекорды на этот раз были перекрыты Тюренковым.

— У Тюренкова новая техника и, самое главное, коллективный стахановский труд. В этом и сила — в коллективной работе.

Но, достигнув вершин мастерства, горловские забойщики не остановились на достигнутом. Борьба за высокую выработку, за первенство в социалистическом соревновании продолжалась с прежней настойчивостью. 2-го марта Николай Масалов доводит выработку своей бригады до 801 тонны, а буквально на следующий день забойщик Николай Дурнев с шахты № 8 им. Сталина дает 860 тонн угля за смену. Высокой выработки добивается бригада енакиевского забойщика Ивана Валегуры, который становится серьезным «соперником» Тюренкова.

Успехами передовых забойщиков заинтересовались научные работники. Из Донецкого индустриального института в Горловку приехал профессор С. Герчиков, чтобы изучить и обобщить новый метод стахановского труда.

Профессор Герчиков провел много дней на шахте им. Калинина, беседовал с командирами, организовавшими коллективную стахановскую работу, провел много времени в бригаде Тюренкова.

Вывод, к которому пришел профессор, был таков: бригада Александра Тюренкова удачно обобщила, собрала воеди-

но все то новое, что родилось в Донбассе и в первые дни развития стахановского движения и в послевоенные годы. Она применила новую технологию выемки угля и на этой основе показала какие неограниченные резервы для дальнейшего роста производительности труда имеются на угольных шахтах.

Александр Тюренков взял у Алексея Стаханова самое главное—удлиненные уступы. Десятиметровые уступы он удлинил до 30—35 метров. Это не только расширило фронт работы каждому забойщику, но и давало возможность сократить самую трудоемкую операцию по нарезке кутков. Если при коротких уступах на тридцатиметровом участке забоя приходилось нарезать три кутка, то теперь всего один.

Но не только в этом заключается преимущество удлиненных уступов. Когда линия забоя приобретает более прямолинейный вид — облегчается доставка леса в забой, так как стойки, обаполы и затяжки передаются по более прямой линии.

При удлиненных уступах в лаве требуется меньше отбойных молотков, а это повышает давление сжатого воздуха и также способствует росту производительности труда.

У Евгения Пастухова Александр Тюренков взял способ отжима угля. Как известно, Пастухов устанавливает крепежные стойки не у самого пласта, а на расстоянии 30—35 сантиметров от него. Тогда кровля сжимает уголь, разрыхляет его и делает более мягким и податливым. К этому Тюренков добавил более глубокую подбойку угольного пласта, до двух метров, что дает возможность еще больше использовать отжим.

У зачинателей стахановского движения Александр Тюренков воспринял также и разделение труда. Он не только разделил труд забойщика на две операции: вырубку угля и крепление забоя, но и строго разграничил труд каждого крепильщика. 13 февраля, когда Тюренков вырубил 394 тонны угля, в бригаде работало шесть крепильщиков. Они составили два самостоятельных звена.

Первое звено возглавлял Константин Сыроедов. Он ставил стойки под обапол, заводил затяжки. Весь этот лес подавал Сыроедову Марк Дрыжак, а подгонял его под необходимый размер Сергей Фоменко.

Так работало и первое и второе звено, и крепильщики легко справлялись со своей стороны.

Но Александр Тюренков внес в опыт работы бригады и свои новшества, которые были разработаны им совместно с главным инженером шахты тов. Алексеевым и начальником шахты тов. Гвоздырьковым.

Речь идет о предварительной нарезке кутков. Вот как определил профессор Герчиков это замечательное нововведение.

— Вместо засечки клинообразного кутка на 0,8—0,9 метра, теперь нарезается печь в два метра высотой и в 3,5—4 метра глубиной (по простиранию). Причем нарезка печи происходит в смене, предшествующей выемке угля. Это создает невиданный ранее отжим и «самоход» угля. Трудоемкость выемки угля в уступе, подготовленном таким образом, уменьшается настолько, что один забойщик производит об'ем работы пяти, шести, восьми и больше человек.

Много нового и интересного внесли в коллективную организацию стахановского труда и другие последователи Александра Тюренкова. Все эти новшества были подчинены единой цели: использованию всех резервов для увеличения производительности труда и всегда исходили из местных условий.

Но стахановская работа не ограничивалась забоем. Разве смогут забойщики вырубить много угля, если цепочка стахановского труда оборвется где-нибудь на подземном транспорте, или в подготовительном забое? Стахановские методы применяют не только забойщики и крепильщики, но и лесогоны, машинисты электровозов, насыпщики, проходчики.

Все это и обусловило небывалый рост производительности труда.

Соревнование ширилось по всему Донбассу. 21-го марта на Енакиевской шахте № 1—2 «Красный Октябрь» бригада коммуниста Ивана Валегуры вырубывает 918 тонн. Но Александр Тюренков вскоре вновь возвращает первенство.

Вести об успехах Александра Тюренкова докатились до родного села на Смоленщине Буднивцев. Как-то Александр получил от сестры Дарьи письмо из родных мест, которые он оставил в 1930 году, когда приехал для работы в Донбасс.

Сестра писала о том, что колхозники гордятся успехами своего земляка. По этому поводу состоялось даже колхозное собрание, на котором колхозники говорили, что и они должны работать по-шахтерски, с огоньком.

Когда Тюренков получил письмо с родины, перед ним

встал в памяти 1943 год. Он вел тогда бои за Белоруссию и недалеко от родных краев был ранен. Это было самое тяжелое ранение из тех четырех ранений, которые он получил на фронтах Отечественной войны.

Тюренкова направили в госпиталь в гор. Климовичи, который находится совсем по соседству с Будничвцами, где находилась его семья.

Сестра навестила брата в госпитале. Он встретил ее лежа в постели. Тяжелая рана еще не затянулась. Дарья Ефимовна рассказала брату о тяжелых днях немецкой оккупации. В Будничвцах оставался его брат Иван Ефимович. Он партизанил. Однажды немецкие ищейки напали на след партизана, схватили его вместе с младшей сестрой Тюренкова Марией и жестоко расправились с ними.

Немцы согнали на площадь крестьян и здесь закололи штыками брата Ивана Ефимовича и повесили его сестру Марию Ефимовну.

Тяжело пережил Тюренков это семейное горе, но его сердце наполнялось еще большей ненавистью к врагу и когда он снова встал на ноги, сержанта Тюренкова не узнавали его однополчане. Подразделение автоматчиков, в котором находился Тюренков, нещадно истребляло врага, топтавшего родную землю.

После демобилизации из Советской Армии, Александр Тюренков сменил автомат на отбойный молоток и сухая дробь молотка в забое часто напоминала о фронтовых буднях. Но здесь тоже фронт, новый трудовой фронт. Разве мог Александр Тюренков, прошедший боевую закалку в годы Отечественной войны, сейчас остаться в стороне от нового наступления, которое разворачивалось от предгорий Карпат до Тихого океана?

Александр Тюренков написал ответное письмо односельчанам и пожелал им новых успехов в выращивании высоких урожаев.

— И мы, донбассовцы, будем двигаться вперед,—писал Тюренков.—Уж такая закваска у донецких шахтеров.

И вскоре односельчане вновь убедились в том что донецкий шахтер Александр Тюренков не бросает слова на ветер.

Когда на шахтах началось соревнование за достойную встречу Дня шахтера, Александр Тюренков приехал в гости к Ивану Валегуре на шахту № 1—2 «Красный Октябрь».

Тюренков рассказал Валегуре о своих встречах с криво-

рожским мастером Яковом Трояном и нефтяником Али Мардановым. Ведь донецкие шахтеры не первый год соревнуются с рудокопами Кривого Рога и нефтяниками Баку. И сейчас забойщики толковали о том, чтобы первенство в этом соревновании осталось за донбассовцами.

И каждый забойщик решил, что для этого следует повысить свою среднемесячную выработку до 1050 тонн угля.

Вскоре после от'езда Тюренкова, Иван Валегура со своей бригадой вырубил 1007 тонн угля за смену. Эта цифра поразила многих, а Тюренкова заставила серьезно призадуматься.

Прошло десять дней. И вот Иван Валегура узнает о том, что Тюренков вновь вернул рекорд на свою шахту. Он подрубил 1069 тонн угля за смену. Больше, чем забойщик Павлов в Анжерке и даже больше, чем вырубил в 1935 году прокопьевский забойщик Баннов. Такой производительности не знала никогда вся история угольной промышленности.

— Упорный мужик,—усмехнулся Валегура, когда узнал о новом рекорде горловского забойщика.—Но мы еще потягаемся с ним.

Последний рекорд был достигнут в результате работы большого коллектива. Вместе с бригадиром рубили уголь в забое Макар Дрыжак, Александр Нещадин, Петр Гвоздев и Григорий Ерашков. А крепила забой целая бригада крепильщиков: Иванников, Грибанов, Коновалов, Хоменко, Ващевайлов, Петрусенко, Загребальный, Фалин, Дударев и Поляков. Лес, как всегда, доставила и разложила бригада Радченко. Десять крепильщиков в этот день использовали три вагона крепежного леса. Горные мастера тт. Кротюк, Масиец и Бойко умело организовали труд на участке.

По поводу нового рекорда на шахте состоялся традиционный митинг и от имени всей бригады говорил Александр Тюренков.

— Сегодняшний рекорд мы посвящаем Дню шахтера,— сказал забойщик.—Но дело не только в рекордах. Наша цель—добиться в бригаде выработки 1050 тонн угля в месяц на отбойный молоток.

Тот, кто знает Александра Тюренкова, прекрасно знает, что это слово не брошено на ветер. У Тюренкова крепкое шахтерское слово. И можно быть уверенным в том, что прославленный мастер вскоре порадует Родину новыми успехами.

Шахта им. Калинина.
Июль 1948 г.

П. БЕСПОЩАДНЫЙ

СЛОВО СТАРОГО ГОРНЯКА

Я сегодня стар и молод,
Мне шестьдесят и двадцать лет;
Иду к забою с комсомолом—
Я бригадир, ваш юный дед.
Я говорю вам:—Все в порядке!
Прошли «проклятые года»...
О санках и о лимонадке—
Вы не слыхали никогда
— И не услышите! Счастливей
Не отыскать на свете штрек.
В родном советском коллективе
Воспрянул старый человек.
А «День шахтера» только ль праздник,
Друзья!—В нем торжество труда!
Я не мечтал в землянке грязной
Об этой чести в те года...
И в лихолетье сердце стыло,
И горе надрывало грудь...
Мне революция открыла—
Почетный человечий путь.
Старик, а сердцем не хладею
И молодею потому,
Что я сокровищем владею;
— Донбасс—название ему!
Зовет Правительство Родное
На подвиг армию свою,
Неустрашимую в забое,

Несокрушимую в бою!
И старикам, и юным вместе,
Пути в грядущее ложить.
Работать в шахте—дело чести,
А честью—надо дорожить!
Лежит спокойный пласт холодный,
А мы поднять его должны,
В нем сила славы всенародной,—
Богатство сталинской страны.
В нем плуг и молот, меч и струны,
В нем самолет, и танк, и свет...
В нем лучезарный свет Коммуны,
В нем счастье ваших юных лет.
Мы все познаем, все постигнем,
Верны союзу своему.
Мы все построим, все воздвигнем—
Порукой—партия тому!

А. ЯРМАЛЬ

КОММУНИСТ-ЗАБОЙЩИК ИВАН ВАЛЕГУРА

Высокие горы, нахлобучив тяжелые снежные шапки, еще не пробудились от зимней спячки, а здесь, в долине стояла весна. Все сильнее пригревало яркое солнце, покрывались пестрым цветным нарядом сады и поля.

Иван Трофимович Валегура удобно расположился в тени широколистного платана, развернул газету, которую только что принесли в санаторий, и углубился в чтение.

В последнее время он особенно внимательно следил за событиями, нарастающими на донецких шахтах.

Еще в те дни, когда он собирался на курорт, всех горняков шахты, на которой работал Иван Трофимович, взбудоражила весть о рекорде горловского забойщика Александра Тюренкова. Мастер отбойного молотка вместе с бригадой подрубил за смену 211 тонн угля.

Шахтеры горячо обсуждали в нарядной успех своего собрата по отбойному молотку и серьезно задумались над тем, чтобы и самим померяться силами.

А в Горловке тем временем соревнование забойщиков принимало все более широкий размах. Спустя несколько дней на той же шахте им. Калинина, где работает Александр Тюренков, забойщик Константин Сыроедов вырубил 261 тонну угля, после чего Николай Масалов с шахты № 4—5 «Никитов-

ка» довел сменную выработку бригады до 326 тонн. Но Тюренков не желал уступать своего первенства. 13 февраля он вырубывает 394 тонны угля, а спустя десять дней—669.

Прощаясь с парторгом Захаровым перед от'ездом на Кавказ, Иван Трофимович сказал:

— Вот так же начиналось и в тридцать пятом году. Сначала Стаханов, потом Концедалов, Артюхов, Изотов...

Парторг улыбнулся:

— Тогда отбойные молотки только появились на шахтах. Не все еще шахтеры владели ими. Алексей Стаханов показал пример, как надо использовать новую технику. А вот теперь—отбойный молоток не новинка. Теперь дело шире пойдет.

Парторг рассказал о том, что партийная организация намерена поднять и своих забойщиков на соревнование.

— А пока — отдыхай. Набирайся сил. Значительный год предстоит впереди. Ведь помнишь, какие обязательства взяли мы перед товарищем Сталиным?

И теперь здесь, на курорте, Иван Трофимович всегда с нетерпением ожидал почтальона со свежими газетами.

Иван Трофимович быстро просмотрел различные сообщения. На Украине готовились к весеннему севу, на Урале — пустили новый завод, в Сталинграде—восстановили еще один квартал...

— Щербинков! — вдруг вскрикнул Валегура. — Именно Щербинков...

Он торопливо пробегал глазами газетные строки, в которых рассказывалось о том, что енакиевский забойщик шахты № 1—2 «Красный Октябрь» Иван Щербинков 28-го февраля вместе с Семеном Анистратенко и Григорием Кондрой вырубили за смену 752 тонны угля.

— Вот они, наши! — обернувшись, заметил Валегура, но рядом с ним никого не оказалось. Только проходившая мимо девушка с недоумением обернулась на человека, который находил удовольствие в том, чтобы разговаривать с собой.

Иван Валегура поторопился к товарищам и стал всем показывать заметку в газете и рассказывать о забойщиках.

— Это ведь из нашей лавы. Вместе в уступах уголь клюем. И Щербинков, и Кондра, и Анистратенко.

Товарищи тоже интересовались соревнованием, развернувшемся в Донецком бассейне, и в который раз просили рассказать об угольных пластах, о работе забойщиков.

А на следующий день Иван Трофимович пришел к директору санатория и попросил выписать домой.

— Так срок же еще не истек,—удивился директор. Или так уж плохо у нас, что не выдержал?

— Не в том дело, товарищ директор. Там на шахте такие дела, а я здесь загорать, что ли буду? Не могу. Теперь я зачахнуть свободно могу.

Долго уговаривал директор забойщика отдохнуть до конца отпуска, но Валегура настоял на своем и его отпустили.

А спустя два дня Валегура вернулся на шахту. Его приветливо встретили друзья, с ним долго говорил парторг. Валегура толковал с Щербинковым, с начальником участка Водинским и пришел к выводу:

— Можно достигнуть еще больших успехов. Возможности есть. А самое главное, пожалуй, не в рекорде, а в том, чтобы весь участок работал по-стахановски.

— Совершенно верно,—заметил парторг.—Ты коммунист, партгруппорг к тому же, покажи пример.

Этим временем из Горловки шли новые вести. Рекорд Щербинкова, Анистратенко и Кондры перекрыл вначале забойщик шахты № 4—5 «Никитовка» Николай Масалов, вырубивший 2-го марта 801 тонну угля, а затем и Николай Дурнев с шахты № 8 им. Сталина, отбивший 860 тонн.

Все это было результатом нового, коллективного метода стахановской организации труда.

В 1935 году забойщик Алексей Стаханов впервые показал, что может дать разделение труда и применение новой технологии в забое. С того времени стахановское движение приняло широкий размах и охватило всех горняков Донбасса. Александр Тюренков дополнил стахановский метод тем, что он применил его в целой бригаде.

— Чтобы достигнуть новых успехов, стахановским методом должны работать не только забойщики, но и лесогоны, машинисты электровозов, проходчики—все без исключения рабочие шахты,—к такому выводу пришли коммунисты шахты № 1—2 «Красный Октябрь», когда они намечали пути для того, чтобы обеспечить досрочное выполнение плана на шахте.

Партийная организация привлекла главного инженера шахты тов. Костерина, начальника участка тов. Водинского для разработки нового графика коллективной стахановской работы на четвертом участке. Коммунисты Валегура, Анист-

ратенко вносили свои предложения. Предложения горячо обсуждались: деловой разговор нередко превращался в горячий спор, но вскоре все находили общий язык и началась подготовка.

Прежде всего, удлинили уступы. Раньше их насчитывалось семь, оставили два. Удлинение уступов не только давало возможность увеличить фронт работы для каждого забойщика, но и ликвидировало нарезку пяти дополнительных кутков, которые нарезаются в каждом уступе. А шахтеры знают, какая тяжелая и непроизводительная работа нарезка кутков.

Затем решили оставить на участке только одну добычную смену с таким расчетом, чтобы перед этой сменой специальными забойщиками производилась предварительная нарезка кутков, а еще в одной смене—доставка крепежного леса и другие подготовительные работы.

15 марта участок перешел на новый стахановский график. И несмотря на то, что количество забойщиков на участке сократилось с 12 до 8 человек, а также уменьшилось количество подсобных рабочих, угледобыча в забое резко увеличилась.

А 21 марта Иван Трофимович Валегура, вместе со своими товарищами забойщиками Анистратенко, Кондрой, Кузьменко, Козловым и Щербинковым спускались на новый рекорд.

О том, что бригада Валегуры пошла на рекорд, вскоре узнали и на соседних шахтах и в кабинете начальника шахты тов. Осипенко, не переставая, звонил телефон. Все интересовались тем, как идут дела на четвертом участке.

А там, глубоко под землей, шло настоящее трудовое наступление.

В верхнем уступе расположился Иван Трофимович. Перед началом смены он осмотрел забой и остался очень доволен—подготовка была проведена как следует. Десяток дополнительных аккумуляторных ламп освещали уступы. Через каждые два метра лежали комплекты крепежа. Бригады лесогонов Сандрыгайло и Потапова потрудились на славу. Они доставили в забой 600 обаполов, столько же распилов и 2000 затяжек. Лес под рукой. На определенном расстоянии подсоединены шесть отбойных молотков.

Иван Трофимович взял отбойный молоток в руки и сказал своим напарникам Козлову и Кузьменко.

— Что же, пожалуй, начнем?

Он включил сжатый воздух и направил пику отбойного

молотка в угольный пласт. Забой наполнился равномерной дробью работающего молотка, а снизу ему откликнулся другой. В нижнем уступе рубал уголь Иван Щербинков, за которым крепили Анистратенко и Кондра.

Уголь с шумом и грохотом посыпался в магазин и машинист электровоза тов. Сердюк наполнил первый состав вагонеток.

Иван Валегура умело направлял пику молотка в узловые связки пласта, перерезал струи и огромные глыбы отваливались вниз. Козлов и Кузьменко шли следом за ним и крепили лаву. Здесь же в лаве находился и главный инженер. Он с удовлетворением наблюдал за тем, с каким мастерством и умением рубит уголь Валегура.

Прошло немного времени. Отбойный молоток в руки взял Козлов и опять уголь широким потоком обрушивался вниз. Иван Трофимович следом крепил, на-ходу делая свои замечания. Ему казалось, что быть может и не следовало бы передавать отбойный молоток Козлову. Но график предусматривал такой порядок, чтобы дать возможность забойщику через определенные промежутки времени переключаться на другой производственный процесс, а это давало возможность сохранять силы и не снижать темпа вырубки угля.

Уже давно в забое сняли первую полоску—первый цикл. Сейчас приступили ко второй, а до смены еще далеко.

— Будет рекорд!—удовлетворенно сказал Валегура, когда Козлов передал молоток Кузьменко.

Его лицо покрылось угольной пылью и в свете аккумуляторных ламп блестели возбужденные глаза.

По штреку непрерывно мчался к стволу один состав вагонеток с углем за другим.

Работающие возле ствола подсчитывали:

— 200 вагонеток.

— 225...

— 250...

— Да что там вагонетки считаете, — заметил машинист электровоза Сердюк. — Там угля в магазине — на другую смену хватит еще.

Рабочие понимали, что Сердюк, пожалуй, и не отставал бы от забойщика, если бы только в одной бригаде заключалось все дело. А тут со всех участков уголь потоком идет: и с тринадцатого, и с пятнадцатого. Всем порожняк необходим, а его не так уж много на шахте.

Наконец, закончилась смена, приступили к обмеру оголенного от угля забоя. Иван Валегура не стал ожидать результатов подсчета и спустился на штрек. Здесь уже собралась вся бригада.

— Как дела?—спросил Анистратенко у машиниста электровоза.

— К девятой норме подбираюсь,—ответил Сердюк.— Больше трехсот вагонеток угля вывез.

Забойщики переглянулись. Они видели магазин, наполненный углем, и поняли, что новый рекорд за ними.

На шахте состоялся митинг. Начальник шахты тов. Осипенко сообщил результаты работы бригады: 918 тонн. Горняки дружными аплодисментами приветствовали бригаду. На трибуну поднялся Иван Валегура.

— Что же, товарищи, рекорд — дело хорошее. Но только одними рекордами пятилетки досрочно не выполнишь. Тут всей массой наступать необходимо. Верно я говорю?

— Правильно, — поддержали шахтеры. И тут же один за другим стали выступать и говорить о своих планах работы по-новому.

На шахту приехала группа рабочих из комбината «Ростовуголь», чтобы на месте ознакомиться с преимуществом бригадного метода. Ростовчане — горный мастер Дубровин, забойщик Мирошниченко и другие были в шахте спустя несколько дней после рекорда. Это был обычный, будничный день, но тем не менее Валегура смог продемонстрировать гостям преимущества коллективной организации труда. Гости были удивлены теми результатами, которые дал коллективный метод в первый же месяц работы по-новому. Продвигание забоя увеличилось с 0,65 метра в смену до 1,17 метра. Сменная производительность труда увеличилась с 7,2 тонны до 16,4 тонны. Среднесуточная добыча угля на участке поднялась на 83 тонны.

Вместе с увеличением производительности труда выросла и заработная плата рабочих. Если в феврале забойщики зарабатывали в среднем 84 рубля 80 копеек в смену, то теперь — 142 руб .50 коп.

Партийная организация шахты широко пропагандировала среди рабочих новый метод коллективного труда. Были проведены совещания по профессиям. Забойщики единодушно решили довести среднюю выработку до 160 тонн угля в месяц. В соревнование включились лесогоны, крепильщики, про-

ходчики, работники подземного транспорта. Парторганизация провела специальное совещание подсобных рабочих, на котором изучался опыт работы по доставке леса, ремонту выработок, прохождению штреков на четвертом участке.

А тем временем бригада Ивана Валегуры, закрепляя успехи, готовила новые рекорды.

9 мая страна отмечала День Победы над фашистской Германией. Иван Валегура решил отметить этот день новой высокой выработкой.

У него еще свежи воспоминания о жарких боях под Орлом, под Калугой, под Берлином.

В 1941 году Иван Трофимович ушел защищать свою родину от нападения фашистской нечисти. Он оставил шахту, которая в годы Сталинских пятилеток преобразилась на его глазах. Тяжело было расставаться с друзьями, с которыми он в 1929 году впервые спустился в забой. Но враг вступил на священную советскую землю и надо было отбивать нападение фашистских варваров.

Иван Валегура громил фашистов в составе артиллерийского подразделения Героя Советского Союза тов. Иванова и удостоился нескольких правительственных наград. На его груди горит орден Отечественной войны, «Красная Звезда» и несколько боевых медалей.

В 1946 году Иван Трофимович был демобилизован и вернулся на родную шахту. Он знал, что фашисты уничтожили его шахту, нанесли огромный ущерб всей угольной промышленности Донецкого бассейна. Но размеры разрушений, которые он увидел в родном городе, поразили его. Целые кварталы сожженных домов, взорванные и поверженные здания под'емных машин, копров и других сооружений.

Восстановительные работы шли полным ходом. Уже подходила к концу откачка воды из затопленных шахт. Нарастала добыча угля на оживавших шахтах. Иван Трофимович сразу включился в работу. Он вел нарезку гезенков — его всегда видели на самых решающих участках. Но главное свое призвание после возвращения в Донбасс Иван Валегура видел в передаче своего опыта, в обучении молодежи. За годы войны и оккупации поредела старая шахтерская гвардия. Впереди предстояла большая работа по под'ему добычи угля. Донбасс нуждался в квалифицированных кадрах и Иван Валегура обучает молодых горняков.

Иван Трофимович не мог поступить иначе. Он—коммунист и своими личными трудовыми усилиями он должен активно

участвовать в возрождении Донбасса, увлекать горняков на досрочное выполнение грандиозного сталинского плана новой пятилетки.

Сейчас, когда идет борьба за утверждение нового метода коллективной стахановской работы, он решает одну задачу: стране нужен уголь и донецкие шахтеры должны его дать.

В памяти Валегуры возникает рабочее собрание, когда горняки обсуждали призыв ленинградских рабочих об организации социалистического соревнования за выполнение пятилетнего плана в четыре года. Это собрание было наредкость активным. Горняки выступали на собрании с совершенно определенными обязательствами и единодушно решили выполнить пятилетний план шахтой в 1949 году.

Успехи бригады явились достойным вкладом в дело досрочного выполнения новой пятилетки.

9 мая бригада Ивана Валегуры подняла свою выработку до 957 тонн. Это был настоящий шахтерский подарок Дню Победы. Но бригада на этом не остановилась.

Совсем недавно, когда развернулось социалистическое соревнование за достойную встречу Дня шахтера — 5 июля — бригада Валегуры подрубила 1007 тонн угля за смену. Это почти вдвое превышало все известные предвоенные рекорды забойщиков.

Примеру Ивана Валегуры следовали и другие рабочие. Каждый день на участок приходил кто-либо с соседних участков и просил бригадира «на практике» показать и технику выемки угля, и организацию труда.

Руководители шахты приступили к внедрению метода коллективной работы на другие участки. Первым последовал тринадцатый участок, где начальником тов. Иванов. Уже в первый месяц работы по-новому добыча угля на этом участке поднялась на 35 процентов, а производительность забойщика увеличилась в три раза и составляет сейчас 24 тонны. Бригады тт. Евдокименко и Рогожкина восприняли опыт валегуровских забойщиков и сейчас дают такую же выработку. Готовятся к переходу на коллективную стахановскую работу и другие участки.

Эти результаты внедрения новых методов дали возможность резко поднять добычу угля на шахте в целом. В прошлом году шахта выполнила свое задание всего на 66 проц. Когда на шахте брали обязательство о досрочном выполнении новой пятилетки, многие сомневались в том, сможет ли шахта набрать необходимые темпы. Уж очень большая дистанция от-

деляла шахту № 1—2 «Красный Октябрь» от передовых коллективов.

Но в новой организации труда были найдены колоссальные резервы для под'ема угледобычи и шахта вскоре преодолела отставание. Непрерывно стала расти производительность труда. Если в январе она составила 77,8 тонны на забойщика, то в феврале поднялась до 102,1 тонны и в марте до 109,9 тонн. Но резкий скачок был достигнут в апреле, когда четвертый участок уже приобрел опыт работы по-новому и ширилось соревнование на других участках. В апреле производительность труда увеличилась до 143,3 тонны, в мае до 156,1 тонны. 23-го июля из шахты была поднята на-гора последняя вагонетка угля в счет полугодовой программы. Это была большая победа коллектива, рожденная самоотверженным трудом горняков, массовым социалистическим соревнованием шахтеров.

Недавно в городской газете был опубликован лицевой счет забойщика Ивана Валегуры. Газета сообщала, что Иван Трофимович уже имеет на своем стахановском счету 1.203 тонны сверхпланового угля. Эта скупая цифра говорит о многом — больше эшелона сверхпланового угля дал Валегура, несколько эшелонов—бригада в целом. Вполне достаточно для того, чтобы завод средней мощности работал на этом угле несколько месяцев.

Так работает коммунист-забойщик шахты № 1—2 «Красный Октябрь» треста «Орджоникидзеуголь» Иван Трофимович Валегура. На него равняются тысячи горняков Донбасса, борющиеся за досрочное выполнение ко Дню шахтера своих обязательств, взятых перед товарищем Сталиным.

Шахта № 1—2 «Красный Октябрь».
Июль, 1948 г.

В. ХМАРА

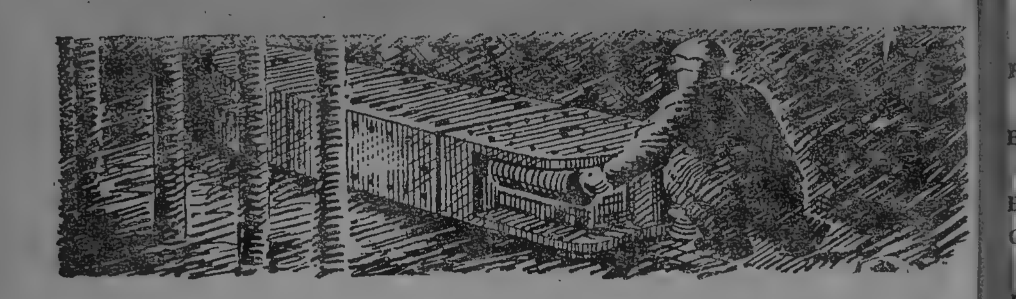
ДЕНЬ ШАХТЕРА

Шахтерский труд овеян славой,
Заботой сталинской согрет.
Вперед, друзья, к подземным лавам,
Дадим стране тепло и свет!

Мы на добро—добром ответим,
Ударным доблестным трудом,
И «День шахтера» песней встретим,
Наполнив радостью наш дом.

Лучи Кремля проникли в шахту
И осветили путь в забой,
С сознаньем гордости на вахту
Встает отряд передовой.

Мы в бой спешим подземным ходом,
Чтоб ленинградцам дать ответ:
Пройти свой путь в четыре года,
Что был рассчитан на пять лет!

В. СВЕТЛОВ

ТРУДОВАЯ СЛАВА

Год 1945-й приближался к концу. В один из теплых сентябрьских дней, когда в воздухе уже чувствовалось дыхание осени, из вагона поезда, только что прибывшего на станцию «Острая», вышел военный. В правой руке он держал небольшую походную сумку, через левую была перекинута шинель. Два ордена «Красной Звезды» и медали «За отвагу», «За взятие Будапешта» и «За победу над Германией» украшали грудь воина.

— Донбасс! Наконец-то дома!—тихо сказал он, останавливаясь, и жадно вдыхая с детства знакомый донецкий воздух. Счастьем и радостью светилось в этот момент лицо прибывшего. Видно не год и не два ждал он дня, когда его ноги, прошедшие тысячи километров фронтовых дорог, снова коснутся донецкой земли.

Через минуту, радостно улыбаясь и приветливо кивая встречным, Василий Чабанов уже шагал туда, где в сизой дымке виднелись терриконы родных кураховских шахт. Это было начало другой жизни, другого фронта—фронта труда.

— Давно, давно поджидаем тебя, Василий Арсентьевич. Что ж, опять на врубовку? — спросил начальник шахты, приветливо встречая Чабанова в своем кабинете.

— Соскучился я по ней,—ответил Чабанов,—кажется горы готов перевернуть, так хочется скорей на работу.

Начальник шахты улыбнулся и крепко пожал руку Чабанова.

— Вот и замечательно. А то с машинистами у нас туговато, нехватает. Отдыхай с дороги, а там...

— Нет, нет... Какой там отдых. Я так по работе стосковался, что теперь дома и часу не высижу. Вы уж разрешите оформиться, да завтра и в лаву.

Побежали трудовые будни, декады, месяцы. И каждый день, по графику, в середине первой смены, в шестой северной лаве шахты № 38—10 «Кураховка», появлялась плотная коренастая фигура врубмашиниста Чабанова.

— Ну что ж, Николай, начнем, — обычно говорил он, обращаясь к своему помощнику Ханыгину. — Время не ждет. График любит точность.

— Начнем, Василий Арсентьевич,—отвечал помощник. — Пойду готовиться.

Подвесив на шею аккумулятор, Чабанов быстро поднимался по лаве, торопил переносчиков конвейера, проверял крепление, по-хозяйски осматривал дорогу для машины и на ходу бросал замечания, когда был чем-либо недоволен.

Все, кто работал в лаве, хорошо знали натуру своего врубмашиниста, знали, как не любит он тех, кто задержит или нарушит общий ритм работы.

— Лучше не отставай,—частенько говорили на участке.— На первом же рабочем собрании Арсентич так отутюжит, что потом вовек не забудешь.

И каждый старался во-время, точно по графику, закончить свою работу, как можно лучше подготовить дорогу для машины.

Проверив лаву, Чабанов так же быстро возвращался обратно к тому месту, где внизу лавы, в ожидании хозяина, стояла врубовка.

Вместе с помощником Василий Арсентьевич еще раз тщательно проверял машину, готовя ее к очередному циклу. Они ставили зубки, делали смазку, растягивали канат и заводили бар. В каждом движении врубмашиниста чувствовались спокойствие и уверенность. Все было рассчитано по минутам и секундам.

Переносчики еще закручивали на рештаках нижнего привода последние гайки, посадчики заканчивали кладку костров, а Чабанов уже включал мотор. Мощное тело врубовки вздрагивало и вбирало в себя, натянутый как струна, канат,

начинало ползти вверх лавы. Острые стальные зубки вгрызались в искрившийся от света аккумуляторов пласт, оставляя позади черную щель вруба. Начинался очередной цикл. Склонившись над врубовкой, Чабанов чутко прислушивался к ровному гудению мотора, и как бы сливался с машиной в одно целое.

Лава работала полным ходом. Все шло хорошо по определенному, ставшему законом, порядку. Когда навалопереносчики заканчивали выгрузку угля с верхней части лавы, Чабанов уже успевал подрубить 50—60 метров—половину всей линии забоя — и делал небольшую остановку.

— Отбой!—улыбаясь, кричал он помощнику. Они осматривали машину, устраняли мелкие неисправности, если такие были.

В это время менялись смены. Бригада навалоотбойщиков начинала брать подготовленный вруб по нижнему приводу, три человека переносили верхний привод, а машинисты, отработав еще пару часов, дорубывали остаток лавы.

Спустив машину вниз, Чабанов и его помощник Ханыгин, усталые, но довольные отправлялись на-гора. Норма в 60 квадратных метров была выполнена на 250 процентов. И так каждый день.

С приходом на участок Чабанова, и после того, как он вместо трех врубовых бригад взялся работать один, шестая северная лава стала работать строго по графику.

Трудовая слава про его успехи быстро разнеслась по всем шахтам треста «Красноармейскуголь», а вскоре перекинулась и в другие тресты.

Свои фронтовые навыки, а главное—благородное стремление быть всегда впереди, коммунист Чабанов перенес на угольный фронт.

— В труде, как в бою, — часто говорил он своим друзьям. — Тут уже не теряйся, не отставай. Будешь смелым — всегда победишь. На войне не такие крепости брали, а уж уголек-то как-нибудь осилим, коллектив у нас дружный, крепкий.

И победа была завоевана. В лаве врубмашиниста-стахановца начали ежедневно брать более цикла. Кривая угледобычи по участку уверенно ползла вверх.

Конец второго года пятилетки был ознаменован в жизни Василия Чабанова радостным событием. Ему—бывшему заслуженному фронтовику, ныне знатному врубмашинисту, было присвоено высокое звание — «Почетный шахтер». Министр

поздравил его с победой и рядом с боевыми орденами и медалями, на груди стахановца засверкал значок отличника социалистического соревнования.

Прошли первые два года послевоенной пятилетки. Василий Чабанов—один из инициаторов соревнования врубмашинистов, подрубил за это время около 57 эшелонов угля. Это было четыре годовых нормы.

На одном из совещаний, где собрались лучшие люди треста, врубмашинист-новатор заявил:

— Наш участок никому не уступит своего первенства. Мы шли и будем итти только в авангарде. Мне осталось подрубить 28 тысяч тонн. Даю слово фронтовика выполнить это задание до июня и закончить свою пятилетку. Встретим День шахтера так, чтобы Родина порадовалась нашим успехам. Теперь наша норма в работе — это наше обязательство.

...Секретарь шахтной партийной организации заканчивал подготовку к докладу, который он собирался сделать в общежитии молодого пополнения, когда в кабинет зашел партгруппорг шестого участка Василий Чабанов.

— Не помешал?— спросил он, взглянув на разложенные по столу газеты и журналы.

— Нет, нет, я уже освободился,—ответил секретарь, протягивая Чабанову руку.—Хорошо, что зашел. Ты мне нужен. Садись. Еще утром хотел к тебе забежать, да так и не успел.

Он встал, прошелся по кабинету и продолжал:

— Был я вчера в райкоме, на совещании, а потом зашел в отдел нормирования треста. Есть новости. И надо прямо сказать, новости тревожные. И тебя, и всех нас касается.

Чабанов с удивлением взглянул на секретаря парторганизации.

— Тревожные?—переспросил он, заметно волнуясь,—не понимаю. Что же случилось?

— Обогнал ведь тебя Заварза в прошлом месяце, здорово обогнал. Около 10 тысяч тонн рубанул. Каково? Теперь на первое место по району выходит. Не ожидал? И еще есть одна новость. Участок Заварзы, с которым вы соревнуетесь, тоже крепко подтянулся, уже идет с вами на одном уровне и вот-вот обгонит. Досадно будет. Столько месяцев держали первенство, а тут — на тебе...

Чабанов ничего не ответил. Он сидел молча и о чем-то напряженно думал. Но по выражению его лица было видно,

что этот человек не из тех, кто отступает от намеченной цели и сдает завоеванные позиции.

Врубмашинист с соседней шахты № 1 «Центральная» Петр Заварза был его старый «соперник». Несколько месяцев тому назад они подписали договор и каждый взял обязательства. Между двумя почетными шахтерами, знатными врубмашинистами района началось производственное состязание. Цель была одна — досрочно выполнить свои пятилетние нормы.

Соревнование разгоралось. Оба мастера угля, оба с большим производственным стажем. И вполне естественно, никто не хотел оказаться побежденным. Вот почему каждый постоянно и внимательно следил за показателями работы другого.

Правда, успехи одного никогда не вызывали чувства зависти или недоброжелательства у другого. Наоборот—они радовали. Тем более, что Чабанов и Заварза были давнишними друзьями.

При встречах они передавали друг другу «секреты» своих производственных успехов, делились своими планами на будущее. И все же ни один и мысли не допускал, чтобы потерять первенство, попасть в отстающие. Если впереди оказывался Чабанов, то Заварза немедленно требовал от командира производства улучшить организацию труда, торопил переносчиков, навалоотбойщиков, проходчиков и коллектив еще более подтягивался. Производительность врубовки еще больше возрастала. Так же поступал и Чабанов, когда видел, что Заварза начинает вырываться вперед. Вот почему из месяца в месяц, они шли почти на одном уровне. И вдруг «соперник» оказался-таки впереди, а тут еще вот-вот потеряет первенство и участок в целом.

— Задумался? Да, браток, тут есть о чем подумать. Неудобно как-то передовикам сдавать позиции. Вроде бег на месте получится,—прервал молчание секретарь.

— Никогда не сдавал, не сдам и на этот раз,—решительно заявил Чабанов.—Слово шахтера должно быть законом. А то что же получится? Обязательство взял, а как дошло до выполнения, так в кусты? Болтуном оказаться? Никогда этому не бывать, никогда.

— Хорошо ты работаешь, очень хорошо,—глядя на могучую фигуру машиниста, проговорил секретарь,—еще фронтовая закалка чувствуется.

— Так и должно быть. Ведь здесь сейчас тоже фронт.

— Знаю и то, что ты не сдашь темпы, что будешь работать еще лучше. Но в данный момент этого мало. Это еще не все.

— Один я, как бы хорошо ни работал, все равно ничего не сделаю. Надо всем сообща взяться. Тогда мы горы перевернем.

— Об этом я и хотел сказать. Не одиночки решают успех дела, а коллектив. Именно в нем, в слаженности всех производственных звеньев—сила. А раз так, значит...

— Значит надо весь коллектив поднять,—перебил секретаря Чабанов.—Навалоотбойщиков, крепильщиков, проходчиков, плитовых—всех поднять, но первенства участка не упустить. И не упустим.

От секретаря парторганизации Чабанов ушел крайне взволнованный. Не дожидаясь гудка, он спустился в шахту и пошел к себе на участок, где заканчивала работу очередная смена. Около трансформаторной будки врубмашинист увидел начальника участка. Тот разговаривал с кем-то по телефону.

— Да нас куры заклюют, если мы, располагая такими возможностями, отстанем,—кричал он в телефонную трубку. — Что? График? Сегодня же пересмотрим. Вруб? Да мне его машинисты на два цикла в сутки заготовят. И порожняк будет. Сейчас же пойду разговаривать с начальником транспорта.

— Ай да соседи! Ты видел чего надумали,—воскликнул начальник участка, вешая трубку и здороваясь с Чабановым. — Обогнать решили. Ну это еще мы посмотрим. Перестраиваем сегодня же график на 1,3 цикла. Как, партгрупорг, думаешь, справимся? А?

— И сомневаться нечего, Петр Антонович. Не первый раз. Главное порожняком обеспечьте, а мы, как говорится, лицом в грязь не ударим. Каждому дорога честь своего участка.

— Вот и добре. Сегодня же и начнем наступление. Положение в лаве хорошее. Вруб первому приводу выгрузили. Дорога вам готова. Пока подрубите половину лавы, навалопереносчики заберут вруб вверх. Третья смена, сколько успеет, возьмет внизу лавы. Понял? Получится немного более цикла. А завтра уже полностью войдем в график. Ну—действуй!

Подхватив аккумулятор, начальник участка скрылся в черной глубине штрека. Чабанов подошел к лаве, из которой один за другим спускались навалоотбойщики.

— Теперов,—обратился врубмашинист к одному из них,— идем-ка быстренько со мной, дело есть.

Они прошли мимо лавы и, пригнувшись, нырнули в забой штрека, откуда доносились глухие удары.

— Дмитриев,—крикнул Чабанов,—иди-ка сюда на минутку.

— Иду,—послышалось из раскоски, и через минуту к ним приблизился, раздетый до пояса и весь покрытый угольной пылью, проходчик. Он поздоровался и все трое вышли на штрек.

— Вот и партгруппа наша в сборе,—сказал Чабанов. — Маловато, но ничего. Справимся. Есть срочное задание. Появилась угроза, что мы не выполним своего обязательства. Дело в том, что соседи, с которыми мы соревнуемся, догнали нас и хотят оставить позади. Врубмашинист Заварза меня уже обогнал. Можем мы примириться с таким положением? Как по-вашему?

— Ни в коем случае,—решительно заявил Теперов.—Шли все время впереди, а тут извольте радоваться... После этого и в глаза людям будет стыдно смотреть.

— Подзазнались немного,—иронически заметил Дмитриев,—успокоились, думали само собой все пойдет. А соревнование этого не любит. Вот и дождались.

— Наш долг—исправить положение,—продолжал парт-группорг,—и исправить немедленно. За успех в соревновании, в первую очередь, отвечаем мы—коммунисты. Недаром нас троих поставили на самые решающие участки. С нас в первую очередь и спросят.

— И правильно сделают, — заявил Теперов.

— Какая наша задача? Начальник участка вводит новый график. Пока—на 1,3 цикла в сутки. Мы в этом деле должны ему всемерно помочь. Не справимся—окажемся в хвосте, значит надо буквально весь участок поднять на ноги, вроде как бы мобилизацию об'явить. Это возлагается на нас. Ты, Теперов, сегодня же соберешь навалоотбойщиков своей бригады, расскажешь им в чем дело и что от каждого требуется. Возьмите повышенное обязательство. Врубом обеспечу до отказа. А ты, Дмитриев, побеседуешь с проходчиками. При новом графике штрек придется гнать в несколько раз быстрее. Будешь отвечать за прохождение. Я поговорю с бригадой Наткина и переносчиками. Надо добиться того, чтобы уже со второй и третьей смен начался под'ем. Вот и все.

А теперь по местам и за дело. Помните только, что дорога каждая минута...

К концу смены уже весь коллектив шестого участка знал о намеченном наступлении. В лаве и штреке, на откатке и уклоне—всюду, от забоя до поверхности, люди работали как-то особенно энергично, с азартом, с огоньком. Благородное стремление отстоять первенство участка захватило всех. Чабанов подрубил лаву на полтора часа раньше обычного, бригада Теперова выполнила задание на 170 процентов, комсомольско-молодежная бригада Наткина — на 160, бригада проходчиков Дмитриева дала отход штрека почти на 2 метра. В целом по участку задание было выполнено на 118 процентов.

Начало было положено. Достигнутый уровень не только закрепили, но и превзошли. Победа снова осталась за горняками шестого участка. Новый график стал законом. Каждые сутки в 6-й северной лаве начали брать по 1,3 цикла.

В настоящее время участок № 6—один из передовых в тресте «Красноармейскуголь». Это один из тех участков, где все до одного рабочего перевыполняют норму, где коллективный стахановский труд прочно вошел в производственную жизнь горняков.

Пример в борьбе за уголь, за первенство в социалистическом соревновании, показывает партгруппорг участка, дважды орденоносец, почетный шахтер врубмашинист Василий Арсентьевич Чабанов. По нему равняются все остальные, у него учатся.

В первом квартале этого года он выполнил более шести месячных норм. Упорство и настойчивость, требовательность и инициатива обеспечили победу. Цель в соревновании была достигнута: в мае Чабанов закончил свою пятилетку. Правда, не отстал и «соперник». К этому же времени закончил пять годовых норм и врубмашинист Петр Заварза.

— А ведь крепко помогло нам соревнование,—сказал он как-то при встрече Чабанову.—Хорошо свой праздничек встречаем.

— В том и сила соревнования,—ответил Чабанов,—что оно заставляет нас все время подтягиваться и итти дальше.

Отличный производственник-новатор, Василий Чабанов в то же время и активный общественник. Он член райкома партии и депутат райсовета. Это один из тех героев, которых родила пятилетка: смелых, решительных, инициативных.

Сейчас коллектив шестого участка готовится к переходу на еще более повышенный график—на полтора цикла в сутки.

— Освоим и полтора,—говорит Василий Арсентьевич.— Все трудности преодолеем, а уж первенство в соревновании никому не отдадим. Дню шахтера—нашему родному празднику подготовим настоящую стахановскую встречу.

В свободное от работы время, Василий Чабанов частенько вспоминает фронтовые дни, боевых друзей, свои частые мечты о Донбассе, где родилась его трудовая слава. И теперь, когда эти мечты уже давно осуществились, он стремится к одному—работать все лучше и лучше. Его девиз:

— Только вперед!

Шахта № 38—10 «Кураховка».
Июль, 1948 г.

В. ХМАРА

ШАХТЕРСКИЙ ПРАЗДНИК

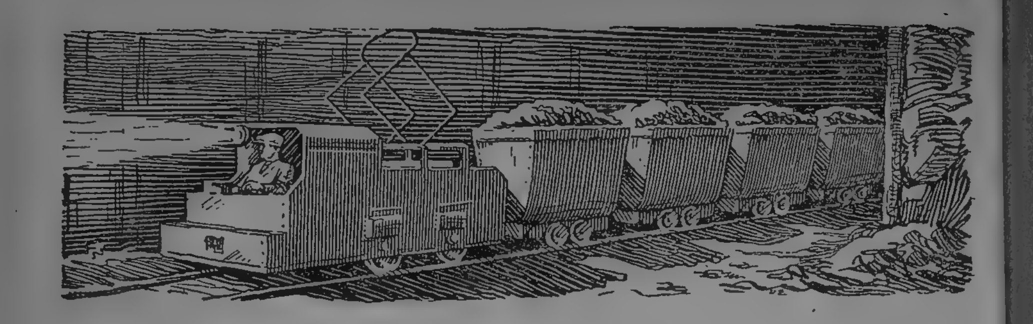
В осеннюю ночь прозвучали слова,
Огнем зажигая сердца,
В ту ночь говорила столица—Москва
О нас, о шахтерах-бойцах.

О тех, кто залечивал раны войны,
О тех, кто дерзал и творил...
То голос народа. То слово страны.
То Сталин родной говорил.

С волненьем мы слушали голос Кремля,
Торжественно звуки плыли.
Пред нами вставала родная земля,
Дороги, что с боем прошли.

Вождем и учителем создан указ,
Заботою дышат слова.
Урал, Подмосковье, Сибирь и Донбасс
На щит поднимала Москва.

За светлый наш праздник!
За честь и почет!
За все, что шахтеру дано,
Мы время обгоним, шагая вперед,
С любимой Советской страной!

П. ЧЕБАЛИН

БОЕВОЙ ГОРНЯЦКИЙ КОЛЛЕКТИВ

I

Из ОКНА начальника шахты Ивана Трофимовича Коновалова хорошо виден весь шахтный двор. Восточная сторона его почти сплошь запружена штабелями досок и бревен. Немного правее лесного склада возвышается копер. Почти до самых шкивов он плотно обшит досками. Шкивы то быстро вращаются, то на некоторое время замирают. Из эстакады появляется вагонетка, доверху груженная породой, и быстро взбирается по крутому склону террикона. Вскоре сквозь открытые окна доносится шум высыпанной породы, напоминающий шум водопада.

Иван Трофимович то сосредоточенно смотрит на карту горных разработок, разостланную у него на столе, то, отойдя от нее, подходит к окну и все рассказывает о шахте, о ее ближайшем будущем. Интересное и большое это будущее! По всему видно, что оно волнует, увлекает Коновалова, и ему страшно хочется, чтобы оно, это будущее, как можно скорее стало действительностью.

— С пуском второго ствола,—говорит он своим спокойным, ровным голосом,—мы увеличим добычу антрацита почти вдвое. Ждать этого не так уж долго.

Коновалов, снова склонившись над картой, некоторое вре-

мя молчит. Но вот карандаш, зажатый в его правой руке, почти не касаясь кальки, медленно поплыл над четкими линиями чертежа.

— Здесь мы в этом году открываем новую — 180-ю лаву.

И Коновалов ставит на карте почти невидимую точку.

— Здесь—21-ю восточную. Это будет по счету пятая лава.

Невысокого роста, со сдержанными манерами, Коновалов в эту минуту скорее похож на ученого, исследователя, чем на начальника шахты. Казалось, он долгие годы только и занимался тем, что изучал земные недра в этих местах, хорошо знает, какой угольный пласт и где залегает, в какой последовательности их надо разрабатывать.

— А вот западное крыло нашей шахты, — указывает Коновалов на карту. — Здесь замечательные антрацитные пласты, но пока что они затоплены.

Он нетерпеливо, как бы досадуя, отодвинул карту в сторону, хотел было сесть на стул, но почему-то раздумал и зашагал по кабинету. Половицы чуть-чуть прогибались под его ногами.

— Восемьсот тысяч кубометров воды, — сказал он громче обычного и тут же повторил, не понижая голоса и только придавая ему оттенок какого-то внутреннего напряженного беспокойства. — Восемьсот тысяч!

Такое количество воды надо выкачать из западного крыла, чтобы оживить в нем шахтные выработки, снова вдохнуть в них жизнь. Это большая, трудоемкая работа, требующая много времени и нередко сопряженная с опасностью. Об этом хорошо знает начальник шахты. Вот почему при воспоминании о западном крыле он становится немного раздраженным, то как-то по-особенному сосредоточенным, задумчивым. И это понятно. Коновалов отлично помнит, сколько довелось вложить поистине героического труда всего коллектива шахты, чтобы выкачать воду из подземных горизонтов ствола № 1. Забыв об отдыхе, люди работали день и ночь. Несмолкающий ни на минуту беспрерывный мощный поток воды устремлялся из глубин шахты на поверхность. Ее выкачали столько, что если бы собрать воедино всю эту воду, она составила бы огромное озеро глубиной не менее 2-х метров. Западное крыло шахты хранит в себе не меньше, а, пожалуй, еще больше воды. С ней уже начата борьба. Пока что работает один мощный насос. Но в ближайшее время их будет работать три.

— В начале 1949 года, — говорит Коновалов, — «Западок» будет сдан в эксплоатацию. Тогда же мы полностью освоим довоенную мощность шахты. Больше того: в начале следующего года мы будем давать значительно больше угля, чем давали до войны.

Когда-то до войны горняки шахты мечтали о такой высокой суточной добыче. Цифра эта неизменно красовалась на длинном красном полотнище у ворот шахты. Она была написана в нарядной, о ней говорили на всех собраниях, ее повторяли в общежитиях—всюду. Такого количества добычи шахта достигла бы уже к концу 1941 года. Помешала война. Но она только на несколько лет приостановила этот уверенный хорошо продуманный шаг коллектива к намеченной цели. Приостановила, но не в силах была заставить забыть про эту заветную мечту. Об этой высокой добыче шахты горняки помнили, уходя на фронт.

Иван Трофимович Коновалов рассказал, как ранним осенним утром 1943 года, когда немцы только что были выброшены Советской Армией из рабочего поселка, небольшая группа горняков, придя к полуразрушенной нарядной, увидела: на изуродованной каменной стене, сквозь обмытую дождем побелку, отчетливо проступали крупно написанные цифры довоенной добычи угля шахтой.

Уже спустя несколько часов лозунг этот чьей-то заботливой, умелой рукой был обновлен свежими красками. Он напоминал шахтерам о прошлом и в то же время словно говорил, что какой бы вред ни причинили фашистские изверги, шахта будет жить, будет давать стране то, что от нее требуется, а потом и больше.

II

Но здесь не только мечтают о завтрашнем дне. К нему готовятся сегодня, готовятся каждый час, каждую смену. С первого взгляда это трудовое напряжение почти невозможно уловить во всем его разнообразии. Трудно пока только, как говорят, с головой не окунешься в жизнь шахты, в ее будничную обстановку.

Начальник третьего участка Кожуховский знает, что он ежемесячно должен увеличивать план добычи угля по участку на 5—6 процентов. Но это в месяц. А в сутки? В сутки, выходит, надо давать сверх плана не менее 20 тонн антрацита. И все это, конечно, не за счет увеличения рабочей силы, а за счет неиспользованных резервов, повышения произво-

дительности труда. Именно это заставляет начальника участка почти ежесменно спускаться в шахту, видеть, изучать все на месте.

Когда однажды начальник шахты упрекнул его, что он большее время проводит в лаве и тем самым невольно подменяет горных мастеров, глушит их инициативу, Кожуховский недоумевая посмотрел на него. Он явно не понимал упрека Коновалова.

— Никого я не подменяю, Иван Трофимович, но, не побыв день в шахте, мне потом очень трудно ориентироваться в работе, — признался он.

Начальник шахты хотел ответить на его слова, но Кожуховский опередил его:

— Знаю, знаю, что вы хотите сказать: на хорошо налаженном предприятии руководителю не обязательно за всем следить лично самому, так ведь?

— Угадал, — улыбнулся начальник шахты, обрадовался догадливости Кожуховского.

—Налажу дело и я так буду работать.

Но проходили дни, а начальник третьего участка оставался все таким же. Его худощавую юркую фигуру почти всегда можно было встретить то в лаве, то на откаточном штреке, то у ствола. Своими действиями он не подменял горных мастеров, не отбирал у них инициативу. Напрасно обвинял его в этом начальник шахты. Кожуховский ежечасно контролировал работу горных мастеров, давал им необходимые советы. Делал он это спокойно, без крика, хотя каждую, даже малейшую ненормальность на участке воспринимал с болью в сердце.

В первый месяц работы по графику, Кожуховский строго-настрого приказал своим горным мастерам, чтобы те всякий раз, как только по какой-либо причине остановится врубовая машина, тотчас же ставили его в известность. Случится ли это днем, или глубоко в полночь—безразлично. Начальник участка отлично понимал, что раз остановилась врубовка, значит — нарушен весь жизненный ритм участка.

Так поступал не только один Кожуховский, но и все начальники участков. Следил за графиком работ неотступно и сам Коновалов.

Когда, бывало, он с запозданием узнавал о какой-либо ненормальности в шахте, тотчас же вызывал к себе в кабинет дежурного, строго спрашивал;

— Почему я не знаю, что произошло на вашем дежурстве?

И когда тот пытался ему об'яснить, что, собственно, ничего особенного не случилось, неполадки были устранены без особенного труда, начальник шахты, не дав ему договорить, как бы наступая, повторял все с той же настойчивостью:

— Нет, вы мне об'ясните—почему? Я должен был знать обо всем немедленно, тотчас же.

И лишь спустя некоторое время, немного успокоившись, он говорил ровным своим голосом:

— Это хорошо, что вы сами сумели устранить ненормальности. Но учтите, я должен знать о любой из них тотчас же. Нашему графику без году неделя. За ним надо следить всем нам. Как за малым ребенком следить.

И действительно, командиры шахты—все, начиная с начальника, главного инженера, кончая бригадиром навалоотбойщиков,—все неотступно следили за исполнением графика работ, приучали людей всех профессий к новому трудовому ритму.

Шахта из месяца в месяц стала выполнять свой план на 110—115 процентов. График сделал свое нужное дело.

Однажды Иван Трофимович Коновалов проанализировал эти цифры. И не только эти. Он взял производительность одного рабочего. В один месяц она составляла 18 тонн против плановой 17,5. В другой 19 тонн, в третий — 20, Был, хотя и незначительный, но заметный рост производительности труда. Но рост этот не мог удовлетворить его. Чтобы выполнить пятилетний план в 4 года по всем участкам надо, чтобы все рабочие выполняли свое задание на 120, а то и 125 процентов. Это само собой говорило за то, что общая производительность труда на шахте должна увеличиться в месяц не на один, а, по крайней мере, на 5—7 процентов.

Коновалов поделился своими мыслями с секретарем партбюро шахты. В тот же день было решено созвать совещание начальников участков и партгруппоргов. Интересно было узнать—задумывались ли они над всеми этими вычислениями?

Было это в конце мая 1948 года, на другой день после того, как коллектив шахты рапортовал о досрочном выполнении месячного задания. У всех еще не улеглось приподнятое настроение за свой успех и никто из участников этого совещания даже не подозревал, что разговор примет такой неожиданно-серьезный оборот. Но произошло это именно так.

Коновалов начал с того, что потребовал от начальников

участков, чтобы те коротенько рассказали о людях, не выполнивших своего производственного задания за минувшие сутки. Уже одно это сразу же насторожило всех присутствующих. Обычно такие деловые совещания в кабинете руководителя шахты начинались с его же команды: «Ну, рассказывайте, что там у вас...» И начальники коротко информировали о делах на участках.

Прежде, чем ответить на вопрос Коновалова, начальник второго участка извлек из бокового кармана блокнот и, пока перелистывал его, Иван Трофимович терпеливо ждал, изредка бросая в его сторону недовольный взгляд.

— Вы обязаны знать своих отстающих рабочих напамять. Они должны вас преследовать даже во сне, — сказал он строго.

Несколько смущенный, руководитель второго участка торопливо и, видимо, наугад назвал цифру 8. На третьем участке невыполнивших норму оказалось пять человек. На участке «шурф № 9» невыполнивших своего задания не было.

— Ну, вот с вашего участка, товарищ Новиков, и начнем,— сказал он начальнику шурфа № 9.

Новиков удивленно посмотрел на Коновалова, стараясь по выражению его лица узнать, что он задумал. Начальник шахты внимательно рассматривал какие-то цифры, лежащие перед ним на столе. Вид у него был такой, будто он совершенно забыл о присутствующих и ничто его не интересует, кроме этих цифр.

Но вот он медленным движением привстал из-за стола, прислонился к стене и посмотрел на всех своим пристальным долгим взглядом. Партгруппорг шурфа № 9 Гусаков достал блокнот, раскрыл его, положил перед собой, и приготовился слушать. Коновалов заметил это и сказал, обращаясь ко всем:

— Кое-что из сегодняшнего разговора рекомендую записать каждому.

Начальник шахты начал с того, что нарисовал полную картину работы передового участка «шурф № 9». По его словам выходило, что даже этот участок не выполняет своих обязательств, взятых в письме к товарищу Сталину. Для многих это была неожиданность. Как это могло случиться? Ведь шурф № 9 из месяца в месяц дает сверх плана десятки тонн угля. Вначале, видимо, недоумевал и сам начальник участка Новиков. Он поминутно менялся в лице, чертил карандашом

в блокноте какие-то завитушки, стесняясь взглянуть на Коновалова.

Только спустя несколько минут Иван Трофимович заметил, как тени недоверчивой настороженности и недоумения исчезли на лицах присутствующих. Значит, его доводы убедительны.

Теперь все слушали, не спуская с него пристальных взглядов. Даже сам Новиков, прикрыв блокнот ладонью и навалившись грудью на стол, смотрел ему прямо в глаза, схватывая его слова, стараясь не пропустить ни одного из них.

— Мы не собираемся, — все более оживляясь, говорил Коновалов, — отбирать у коллектива шурфа № 9 его первенства. Работают здесь лучше, нежели на остальных участках. Уже одно то, что на шурфе нет ни одного рабочего, не выполняющего своей нормы, — большая победа.

При этом он внимательно посмотрел на Новикова. Тот, уловив его взгляд, выпрямился, сидя на стуле.

— На сколько процентов ваш участок выполняет своё задание? — мягко спросил Коновалов.

— Вам известно. На 105 процентов.

— На сто пять, — как бы для самого себя повторил начальник шахты и, подумав, продолжал: — А чтобы выполнить пятилетку в четыре года по участку, надо выполнять сто двадцать пять процентов нормы, так ведь?

— Совершенно верно, — конфузливо ответил Новиков и снова стал чертить что-то в своём блокноте.

Коновалов немного помолчал, крепко потирая лоб ладонью, будто силясь вспомнить что-то весьма важное.

— На словах-то у нас получается действительно все верно, — сказал он, хмурясь, — а на деле мы фактически не выполняем своих обязательств. Ориентируем людей на выполнение пятилетки не в четыре года, а в пять лет.

Тут партгруппорг Гусаков, сидевший все время безмолвно, усмехнувшись, сказал, что это не совсем верно.

— Ориентируем мы народ правильно, но не всегда у нас получается так, как бы этого хотелось.

— Значит, плохо ориентируем, — тотчас же ответил ему Коновалов. — Выходит, плохо работаем с людьми. Не всегда умеем пробудить в них высокую сознательность за выполнение своего долга перед Родиной.

Он прошелся по кабинету, затем снова вернулся к столу и продолжал:

— Учтите, не каждый дорожит своей шахтерской честью, своим словом. Таких немного, но они есть. Пробудить в них тревогу за добычу, суметь обеспечить им необходимые условия работы — это значит добиться выполнения производственного плана не на 110, а на 120—125 процентов.

Совещание, начатое еще с вечера, затянулось далеко заполночь. На нем были вскрыты все недостатки в организации труда, в массово-воспитательной работе, в организации социалистического соревнования. Как выяснилось на совещании, некоторые шахтеры не выполняют своих обязательств не по своей вине, а по вине горных мастеров, которые не всегда обеспечивают рабочее место. Среди отстающих шахтеров обнаружились и такие, которых знали руководители только по фамилии и кем работают. А вот в каких условиях он живет, какая у него семья, нуждается ли он в какой-либо помощи, — об этом ни партгруппорги, ни начальники участков ничего вразумительного не могли ответить.

Тогда же было решено немедленно провести по всем участкам совещания с отстающими рабочими.

III

Собрания проходили по сменам. Они не были особенно многолюдными, но были бурными. На этот раз разговор шел по душам. Начальникам участков, горным мастерам приходилось меньше говорить, а больше слушать. Начальник шахты и секретарь партбюро присутствовали на каждом собрании. Как показали результаты собраний, много ценных предложений в работе шахты могут внести не только передовые рабочие, но и отстающие. Выяснилось, что большинство из отстающих шахтеров не выполняли своей производственной нормы по вине руководителей участков и горных мастеров.

Навалоотбойщик Евстафьев долго не решался выступать, все время сидел молча, устремив неподвижный угрюмый взгляд себе под ноги. Все уже потеряли надежду, что этот навалоотбойщик скажет хоть слово. И только когда, казалось, все уже было переговорено, Евстафьев выступил.

— Для настоящего горняка клеймо «отстающий»—больнее больного. — Он обвел присутствующих возбужденным взглядом, как бы желая узнать, понятна ли его душевная боль всем остальным.— Носить это пятно для шахтера—позор,

Выходит, что отстающий вроде бы не человек. Будто спускается он в шахту не уголь рубать, а чтоб время зря убить, вымазаться да лишний раз в бане помыться. Большое удовольствие! — протянул он с явным злорадством. На лицах присутствующих появилась одобрительная улыбка. Правду, мол, говоришь, Евстафьев.

— Нет, в шахту я спускаюсь, чтоб уголек стране давать, чтоб славу шахты поднять, чтоб жилось мне хорошо. Иду на наряд и все думаю: ну Евстафьев, сегодня ты должен дать не меньше 150 процентов нормы. Вчера не удалось—сегодня удастся.

Слегка прищурясь, он посмотрел на начальника шахты, мол, то, что скажу — тебя касается.

— Учтите, Иван Трофимович, такой думки каждый шахтер, когда он идет на работу. Ну, прихожу на место, а там ерунда получается: то лесу недостает, то вруба не окажется, то рештак отказывает качать. И выходит, что час работаешь, а два отдыхаешь. А для горняка в шахте отдых — это истинная каторга. А потом и говорят: отстают. Организация дела у нас отстает, вот в чем секрет.

Навалоотбойщик уселся на свое место и, как прежде, опустил неподвижный взгляд себе под ноги.

Выступление Евстафьева было началом разговора по душам. Те, кто уже однажды выступил, брали еще слово, говорили пространно, горячо, о самом наболевшем.

Коновалову явно нравилось собрание. Он давно уже не слышал от этих рабочих такого откровения и жалел, что не пришла ему в голову раньше мысль заняться отстающими. Сколько потеряно ценных часов, сколько угля недодано стране из-за этого!

Начальник шахты слушал каждого выступавшего с большим вниманием, иногда задавал вопросы, наталкивая ораторов на все большую откровенность.

— А как вы расцениваете поступок навалоотбойщика Остапчука? — спросил он.

В помещении некоторое время было тихо. Навалоотбойщик Остапчук в ночную смену большую половину своего времени проспал в шахте и выполнил производственную норму всего лишь на 70 процентов. Все знали, что этот шахтер, вообще недобросовестно относится к труду, не дорожит шахтерской честью.

Евстафьев сказал с места:

— Такой поступок надо осудить. Не выполнять норму позорно для советского человека.

Взял слово бригадир навалоотбойщиков Сердюков. Его бригада каждую смену дает сверх плана 15—20 тонн угля. Сердюков говорил коротко:

— Сегодня я выполнил свою норму на 130 процентов, а Остапчук на 70. Выходит, что мои тридцать процентов я не государству дал, а Остапчуку додал.

Остапчук, присутствовший на собрании, бросил недовольный взгляд в сторону бригадира, но не сказал ни слова.

— Молчишь! —не унимался Сердюков, — а молчать тебе не позволим. Что же это получается? Для нас честь шахтерская дорога, а для тебя она вроде пятого колеса до воза, так что ли?

Тут уж Остапчук не выдержал, выкрикнул с места:

— А зачем же честь затрагивать?

Однако все выступающие говорили именно о шахтерской чести, о том, что за работой горняков следит весь народ, радуется их хорошим делам и печалится неудачам.

Руководители шахты извлекли из этих собраний много ценного. Теперь начальники участков, партгруппорги, горные мастера каждую смену докладывали по инстанциям о том, как работает каждый горняк, почему тот или иной не выполняет своей нормы. Необходимые меры принимались немедленно. Агитаторы стали регулярно проводить беседы с группами рабочих по квалификациям. Интересовались бытом каждого горняка.

На шахте из месяца в месяц число отстающих рабочих все уменьшалось.

В результате всей этой работы коллектив выполнил полугодовую программу на несколько дней раньше.

IV

В Донбассе были и есть шахты, слава которых неминуемо связана с именем одного или группы мастеров-новаторов, ставших в короткое время известными всей стране. Сюда приезжают журналисты, делегации шахтеров с соседних и более отдаленных шахт и даже научные работники. Они тщательно изучают и обобщают передовой опыт, делают его достоянием горняков всего Донбасса.

У шахты «Красная звезда» иная судьба. Здесь как-будто бы ничего нового не открыли, нет и такого врубмашиниста

или навалоотбойщика-рекордиста, который бы прогремел, как это наблюдается с другими. Однако на всех участках «Красной звезды» есть свои герои-стахановцы, страстные последователи передовых методов труда. Это — творческие люди, идущие в ногу с временем. От их пытливого, зоркого взгляда не ускользает ни одно новшество.

Когда снежнянский знатный врубмашинист Очепира дал небывалый рекорд на своей врубовке, врубмашинисты Фролов, Чесноков, Кравчук и Локтионов, узнав об этом, зашли к главному инженеру шахты все вместе.

Пока главный инженер рассказывал все подробно, врубмашинисты сидели молча и на их лицах не было даже и тени удивления. Казалось, что инженер рассказывал о самых обыкновенных, простых вещах, в которых они не видели ничего особенного. И, действительно, в методе знатного врубмашиниста не было ничего сногсшибательного. Все дело было в знании врубовки, в согласованной четкой работе всех бригад, в умении дорожить временем.

Когда главный инженер закончил, врубмашинист Локтионов, как бы чему-то обрадовавшись, сказал:

— А, ведь, рекорда-то никакого и нет.

Присутствующие посмотрели на него испытующе и в то же время с явным недоумением. Абакум Васильевич Фролов, разглаживая короткие седеющие усы, спросил строго:

— А какой бы ты рекорд хотел?

— Нет рекорда, не вижу я его! — все больше возбуждался Локтионов. — Ведь так, как работает Очепира, все мы можем работать. Какой же это рекорд? А рекорд нам дозарезу нужен.

Голос врубмашиниста становился все громче, возбужденнее. По всему видно было, что он придумал что-то очень интересное и от души рад, что может поделиться им, обрадовать главного инженера и своих коллег.

— Нашей шахте нужен рекорд. Сколько шахт в Донбассе прославились рекордами, а мы вроде бы последние.

Он обвел всех своим быстрым, ярким взглядом, как бы ища подтверждения своим словам . Но все сидели молча, безучастно. Главный инженер чему-то улыбался. По его улыбке трудно было понять, нравится ли ему горячность молодого врубмашиниста или он уже догадался, о чем тот хочет сказать и в душе радуется за него.

— Не мне он только нужен этот рекорд. А для шахты его надо бы сделать, — продолжал врубмашинист. — Подготовьте мне лаву для двух циклов хоть на один денек, и я грохну уголька столько, что весь Донбасс ахнет.

Улыбка на лице главного инженера расплылась и он вдруг рассмеялся громко и весело.

— Видали, какой рекордист отыскался, — говорил он сквозь смех. — Мы его ищем, а он под руками у нас.

Абакум Васильевич Фролов, разглаживая усы, искоса глядел на Локтионова строгим взглядом.

— Ты мне эти свои рекорды выкинь из головы, — сказал он так, словно перед ним был в чем-то провинившийся родной сын. — Выкинь и забудь про них. Уголь не рекордами берется, а хорошей систематической работой, методом правильным. Уж я это знаю.

Молодому врубмашинисту тогда же доказали, что он ошибается, что такие рекорды, о которых он мечтает, не делают шахте славы и никакой пользы не приносят Родине. Молча выслушав упреки товарищей, Локтионов конфузливо проронил:

— Ведь не для себя же я выдумал этот рекорд, шахте удружить хотел...

Да, здесь действительно никто не стремится к рекордам одиночек, хорошо зная, что не одиночки решают судьбу угледобычи, а коллективный стахановский труд.

Сейчас на шахте почти нет рабочих, не выполняющих своей нормы. Это не значит, что на «Красной звезде» все работают на одном уровне. Есть и передовики, средние рабочие, имеются и отстающие.

Большое количество горняков шахты «Красная звезда» уже выполнили пятилетний план. Более 70 рабочих изо дня в день выполняют и перевыполняют обязательства, взятые в письме к товарищу Сталину. В результате хорошей организации труда, массово-воспитательной работы производительность труда растет изо дня в день. Ко Дню шахтера коллектив горняков выдал на-гора несколько эшелонов угля сверх плана.

Начальник шахты, Иван Трофимович Коновалов, выступая на рабочем собрании, сказал:

— Свое обязательство мы с честью выполнили. Это еще

раз доказывает, на какие славные трудовые дела способен наш коллектив. В результате упорной работы мы отыскали новые резервы. Они дадут нам возможность выполнить пятилетний план не в четыре года, а в три с половиной.

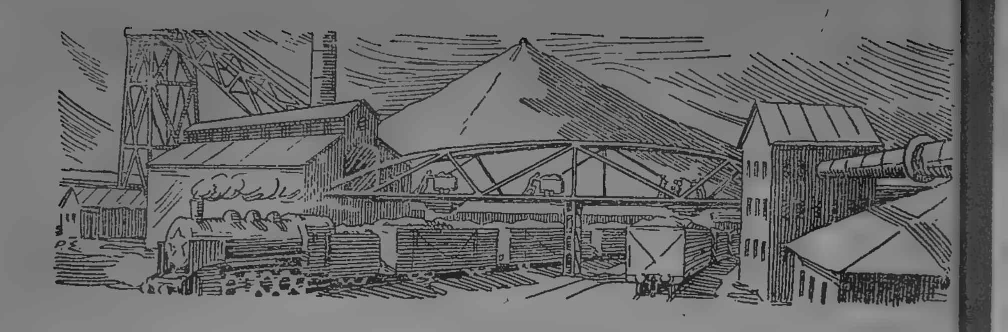
Коллектив шахты «Красная звезда» это повышенное обязательство выполнит с честью.

Шахта «Красная звезда».
Июль, 1948 г.

М. ФРОЛОВ

СЛОВО ПОЧЕТНОГО ШАХТЕРА

И дед, и отец мой
мечтали о том,
Чтоб радость увидеть в работе,
Чтоб счастье дружило
с подземным трудом,
Чтоб были шахтеры в почете.
Мечтали об этом они
до могил,
Хрипя в полумраке забоя.
Лишь я у Отчизны своей
заслужил
Почетное имя Героя.
За честность в делах,
За сноровку ценя,
За труд с огоньком и задором —
Родная страна именует меня
Любовно —
Почетным шахтером.
Как радостно мне
наработаться всласть!
Гудит потрясенная лава...
А песня — ты слышишь? — в груди
родилась:
— Да здравствует наша
советская власть
И наша горняцкая слава!

Б. ГАЛИН

ЧЕЛОВЕК ОПТИМАЛЬНЫХ ПЛАНОВ

I

Весь день вплоть до самого вечера Бридько был занят. Мы условились встретиться в семь часов. Он сам назначил это время. Признаюсь, я с волнением ждал этой встречи. Сидя, в тесной комнате, которую на шахте называют «нарядной»,—здесь начальник участка принимает рапорты смен, выдает наряды на горные работы, — и, дожидаясь Бридько, я перебирал в памяти свои встречи с горными мастерами, проходчиками, врубовыми машинистами, из которых каждый был новатором в своей области труда. Я вспомнил молодого шахтера Николая Лукичева, проходчика с шахты «Десять-бис»,— вместе со своим товарищем крепильщиком они создали в горном деле так называемый «широкий шаг», ускорив темпы прохождения горных выработок. В Снежном я встретился с врубовым машинистом Герасимом Запорожцем—он сломал обычные нормы добычи угля, создал скоростные методы зарубки. Теперь мне предстояло встретиться с горным техником Бридько с шахты имени Димитрова, начальником участка второй северной лавы,—этот человек разработал и внедрил в жизнь стройную систему цикличной работы, связывавшей воедино усилия врубовых машинистов, навалоотбойщиков, проходчиков, крепильщиков, бутчиков, слесарей.

Точно в назначенное время Бридько вошел в комнату. Он только что поднялся из шахты. Его лицо, руки, плечи были запорошены угольной пылью. Он тяжело опустился на скамью, усталым движением расстегнул ворот косоворотки, опустил у ног лампу, предварительно выключив аккумулятор. Широкой ладонью он стер со лба черный пот и тихим, охрипшим голосом сказал:

— Вода... Сильный приток воды в лаве.

И попросил меня подождать его минут пятнадцать, пока он сходит в баню. Из кармана брезентовой куртки он выложил на дощатый стол записную книжку в потертом клеенчатом переплете, карандаш и рулетку.

Вскоре он вернулся. Густые влажные волосы его блестели, бледные скулы слегка порозовели, поперечный шрам глубокой морщиной пересекал широкий лоб.

— Теперь я свободен, — сказал он, садясь рядом на скамью, — задавайте вопросы.

Я задал ему один вопрос, касавшийся стиля его работы. Бридько открыл ящик стола, вынул и положил передо мною плотный лист — график цикличности.

— Тут все, — сказал он, придвигая ко мне этот, слегка запорошенный угольной пылью, лист, графически изображавший работы лавы во времени и пространстве.

Я приготовился к долгой, интересной беседе, и поэтому столь краткий ответ привел меня в смущение. Я имел ввиду не столько суммарное, графическое выражение стиля Бридько, сколько те особенности его характера, которые должны будут помочь мне понять весь облик этого человека. И я решил повести с ним разговор, так сказать, издалека: где он родился, кто был его отец, как он жил до войны, где он был в годы войны?..

Бридько внимательно выслушал меня и чуть заметно усмехнулся.

—Ах, биография! — сказал он, явно разочарованным голосом.— Вас интересует моя биография...— И он отрывисто заговорил:—Бридько, Иван Бридько. И отца моего звали Иваном. И село, в котором я родился, — Ивановка. Это в четырех километрах от Щербиновского рудника. Отца я потерял рано. Помню, мать повела нас зимой по дороге к руднику... Впрочем,— резко оборвал он себя,— все это история давно минувших дней... Что же касается главного—вопроса о стиле работы нашей второй лавы, то тут все сказано.

И он снова настойчиво пододвинул ко мне циклограмму — графический рисунок, охватывавший работу лавы от зарубки врубовой машины до выгрузки угля на поверхность. Он привлекал мое внимание к этому документу, как бы давая мне понять, что все остальное неважно. А главное — именно в этом плотном листе, запорошенном угольной пылью, в этом графике цикличности, который выражал сущность его жизни и работы. На все последующие мои вопросы он отвечал очень конкретно, и по всему видно было, что его занимают какие-то другие мысли.

Вся наша беседа длилась около десяти минут. Прощаясь с Бридько, я взял со стола график работы лавы. Бридько встал и, словно прислушиваясь к чему-то, тихо сказал:

—Вода... Сильный приток воды...

II

Вот уже пятый день я живу в поселке шахты Димитрова, и с каждым днем я все больше и больше убеждаюсь в том, что творческой осью этой шахты, как и многих других шахт, окружающих тихий, глухой поселок в донецкой степи, является человек с густой копной русых волос, с широким шрамом, пересекающим лоб, — горный техник второй северной лавы, расположенной на 163-м горизонте.

Впервые я услышал о Бридько весной нынешнего года на областном партийно-хозяйственном активе в городе Сталино. Главный вопрос, который обсуждали хозяйственники, партийные работники, был вопрос о наиболее эффективном использовании технических мощностей угольных шахт. По существу, это был вопрос о большевистских темпах работы, о качестве хозяйственного и партийного руководства, об умении партийных работников, начальников угольных комбинатов, управляющих трестами, заведующих шахтами, начальников участков привести в движение творческие силы шахтеров.

В работе актива принимал участие Л. М. Каганович. Вел совещание секретарь обкома партии. Горный техник Бридько сидел между тучным управляющим треста «Красноармейскуголь» и седым, с обветренным лицом, секретарем райкома. Докладывая о работе треста, широкоплечий управляющий сказал об опыте работы второй северной лавы. В этом месте его прервал секретарь обкома. Он и Л. М. Каганович обратились с рядом вопросов к начальнику участка. Бридько отве-

чал деловито и очень коротко. Все участники совещания с огромным вниманием слушали выступление горного техника — человека оптимальных планов. Он опережал время, ломал установленные нормы. Достаточно сказать, что средняя норма продвигания очистной линии забоев у Бридько достигает свыше 80 метров в месяц, в то время как средняя норма по Донбассу — 23,5 метра. Бридько говорил об этом, как о вещах само собой разумеющихся. Он строит свою работу из расчета два цикла в сутки и добивается положительных результатов: изо дня в день, из месяца в месяц вторая северная лава идет впереди по темпам и добыче угля.

Л. М. Каганович вышел из-за стола и, подойдя вплотную к горному технику Бридько, спросил его, как старого своего знакомого:

— Два цикла в сутки—это не предел в вашей работе?

Бридько покачал головой: это не предел.

— Можно лучше работать?

Бридько ответил:

— Можно и нужно...

Л. М. Каганович долго и молча всматривался в Бридько, словно изучал лицо горного техника. Где-то они, кажется, встречались?.. Бридько напомнил. Осенью тридцать седьмого года они встретились в городе Сталино, на областном слете стахановцев Донбасса. Цикличный метод работы в угольной промышленности имеет свою историю, свою борьбу. Именно тогда, в тридцать седьмом году, горячо обсуждался вопрос о цикличном методе. Уже тогда стало ясно многим руководителям шахт и трестов, что при большом числе индивидуально хорошо работающих стахановцев-шахтеров часто бывает так, что результаты работы всей шахты в целом остаются невысокими—плохо организовано дело, нет слаженности. И вот эту **слаженность** должен обеспечить график цикличности, основа которого — врубовая машина, вернее ее оборот— от начала одной зарубки до начала второй зарубки.

Вот о чем шел разговор много лет тому назад.

Второй раз они встретились в Кремле, у товарища Сталина. Это было на совещании стахановцев и руководящих работников металлургии и угольной промышленности. Бридько приехал на это совещание вместе с донбасской делегацией, в которую входили Стаханов, Коробов, Дюканов, Рябошапка... Он был тогда помощником начальника участка.

Он разрабатывал пласт «Л—7»—мощный, богатый пласт.

Он давал на своем участке полтора цикла в сутки. Да, он хорошо помнит это совещание и тост, несколько необычный и своеобразный, который произнес товарищ Сталин в честь средних и малых руководителей народного хозяйства. Они скромные люди, говорил товарищ Сталин, они не лезут вперед, их почти незаметно. Но было бы слепотой не замечать их. Ибо от этих людей зависит судьба производства во всем нашем народном хозяйстве. Значит, от них зависит и судьба нашего хозяйственного руководства.

И, обращаясь к средним и малым руководителям, собравшимся со всех концов страны, к доменщикам, сталеварам, прокатчикам, забойщикам, врубовым машинистам, горным мастерам, подчеркивая их вес и значение в народном хозяйстве, товарищ Сталин сказал: только народ бессмертен. Нужно уметь дорожить доверием народа.

Да, много воды утекло с тех пор, много событий произошло в нашей стране! Бридько учился, воевал, был дважды ранен — под Клетской в августе 1942 года и на ближних подступах к Сталинграду. Домой он вернулся в сорок шестом, пласт «Л—7» был затоплен, и он стал работать во второй северной лаве, разрабатывая угольный пласт «Л—6» в более тяжелых, чем до войны, условиях.

Вот, кажется, и все.

Теперь настала очередь управляющего трестом и секретаря райкома. Вопросы были обращены к ним. Сколько участков на шахтах треста «Красноармейскуголь»? Сколько участков работает по методу цикличности? Перенимают ли руководители шахт, начальники участков передовые методы работы горного техника коммуниста Бридько? Что делается райкомом и руководством треста для того, чтобы вторая северная лава на шахте Димитрова стала творческой лабораторией для всех шахт треста?

III

Три дня спустя после областного партийно-хозяйственного актива секретарь райкома и управляющий трестом собрали всех начальников участков и парторгов шахт на доклад-лекцию горного техника Бридько о методе цикличности.

Два с половиной часа длилась эта лекция.

Бридько говорил о хорошо знакомых всем фактах, он как бы вел своих слушателей по своей стометровой лаве, расположенной на 163-м горизонте, он знакомил их с условиями

работы, с геологией лавы, он шел последовательно от одного элемента цикла к другому, от зарубки врубовой машины до конечного результата труда — выдачи угля на поверхность. График работы лавы, рассчитанный на два цикла, оживал в докладе Бридько. Система высокопроизводительной слаженной работы, пронизывающей все звенья единым ритмом, возникала перед слушателями как плод долгого труда.

Бридько заставил призадуматься и начальников участков, и парторгов шахт, и управляющего, и главного инженера треста, и секретаря райкома. Слушая этого русоволосого человека с голубым шрамом на лбу, каждый из них должен сказать себе: «Вот человек, который работает в равных с нами условиях. И у него часто отсутствует «порожняк», и он наверное испытывает знакомые всем нам трудности, но сила этого человека в том, что он преодолевает все и всякие трудности, всей своей работой доказывает, что можно работать ритмично, высокопроизводительно, организуя труд по-инженерски, культурно».

И, словно понимая мысли своих слушателей, Бридько сказал:

— Как видите, все просто.

Он точно просил прощения у товарищей за те, на первый взгляд, элементарные идеи, которые он перед ними излагал. Бридько задумался, подыскивая слово, которое наиболее точно выразило бы весь его стиль работы.

На дощатом столе у Бридько лежит набросанный карандашом эскиз лавы. Но даже если бы у него и не было этого эскиза, он все равно прекрасно держит в памяти весь фронт работ, фронт, который находится в движении. Бридько ежедневно бывает в лаве — это стало непременным правилом в его жизни. Он должен видеть, он должен проверить работу горных мастеров, врубмашинистов, навалоотбойщиков, крепильщиков, проходчиков, слесарей, ремонтных рабочих. Он приучает работающих с ним людей к мысли: я с вами, я всегда с вами.

Он спускается в лаву в первой половине дня. В технической бане он переодевается в рабочий костюм — быстро и ловко натягивает сапоги, надевает брезентовую куртку и старую потертую кепку. Он проходит в аккумуляторную, где девушки заряжают лампы, выбирает свою постоянную лампу с длинной закругленной медной ручкой, прилаживает аккумулятор, пробует свет лампы. Из аккумуляторной он идет к

под'емной клети. Стволовой желает ему спуститься в шахту в добрый час, Бридько входит в клеть, которая плавно скользит вниз.

На 163-м горизонте Бридько выходит. Сначала он держит лампу в руке, но, дойдя до второго северного штрека, откуда начинается его хозяйство, Бридько прилаживает лампу к шее. Так ему удобнее двигаться, работать. Свет лампы отражается в мутном ручье воды. Бридько здоровается с крепильщиком Сердюковым и его напарником. Они раскрепляют штрек, ставят рамы из сосновых стоек — верхняк и ножки ставят их так, чтобы стойки вытянулись в ровную струнку. Запах воды и породы смешивается с острым, свежим запахом сосны, который идет от стоек, стоящих вплотную одна к другой. Бридько вынимает из кармана куртки рулетку. Один конец он передает Сердюку, а сам уходит вперед, замеряя в метрах сделанную крепильщиками работу. Потом Сердюк шагает к остановившемуся Бридько. Они разговаривают вполголоса. По лицу Бридько крепильщик видит: начальник участка работой доволен. Бридько поднимает лампу и некоторое время молча смотрит на уходящую вдаль свежую крепь.

Он идет от пикета к пикету, замеряет работу крепильщиков, проверяет работу ремонтников, настилающих пути, проверяет работу девушек, стоящих у вентиляционных дверей. Еще не доходя до самой лавы, где врубовая машина производит зарубку угля, а навалоотбойщики отбивают этот уголь на железный конвейер, Бридько уже знает, как идет работа, сколько вагонов прошло с углем, что тормозит работу. Об этом ему говорят ремонтники, слесари, крепильщики, проходчики, девушки, на обязанности которых содержать в порядке путевое хозяйство. И это происходит потому, что все они работают, как здесь принято говорить, от цикла—работа каждого шахтера зависит от работы всей лавы в целом.

Бридько наклоняется, и свет лампы, висящей на шее, вырывает из темноты дверь людского ходка. Бридько толкает эту дверь—в лицо ударяет сильная струя свежего воздуха. Обычно он пробирается в лаву, в которой добывают уголь, снизу вверх. Так лучше проверить фронт работы. На этот раз он начинает обход лавы сверху. Это делается главным образом из-за меня: сверху мне легче будет пробираться по лаве вслед за Бридько, который ползет быстро и ловко. Он ползет на коленях, и свет раскачивающейся лампы, попреж-

нему висящей на шее, вырывает из тьмы молча работающих навалоотбойщиков, широкими лопатами наполняющих железную ленту конвейера. На полдороге Бридько встречает ползущего навстречу горного мастера в измятой, покрытой угольной пылью солдатской фуражке. При виде начальника участка, горный мастер снижает свой голос, — это дается ему с трудом, он говорит громким хриплым полушопотом, видимо зная характер Бридько, который не любит шумливых и крикливых работников.

Я долго искал слово, которое охватило бы все впечатления мои от работы лавы и, кажется, я нашел это слово: **слаженность**—вот, что ощущалось на 163-м горизонте в северной лаве. Слаженность была во всем — и в том, как крепильщики раскрепляли штрек, и в том, как девушки содержали в порядке путевое хозяйство, и в том, как ровно и ритмично работал конвейер у груди забоя, и в том, как люди без крика и шума, каждый на своем месте, делали свое дело.

IV

На другой день, — это было в воскресенье, — собираясь уехать с шахты, я пошел к Бридько домой проститься с ним. На пороге маленького одноэтажного дома с этернитовой крышей меня встретила жена Бридько, черноволосая, с блестящими глазами пожилая женщина.

Бридько дома не оказалось, он был на охоте. Я собрался было уйти, но жена Бридько удержала меня, сказав, что Иван Иванович скоро придет принять рапорт смены.

Дом Бридько выходил окнами в степь. Они недавно только переехали сюда,—старый дом, в котором они жили до войны, был сожжен немцами. Нет, она не жила при немцах на шахте. Они, немцы, ворвались в поселок осенью сорок первого, и в тот же день, или, вернее, в ту же ночь, она захватила детей, маленьких девочек, и ушла из дому. Куда она пошла? Она пошла в степь, куда многие уходили, потом она много дней шла пешком, пробираясь на Дон, к своим родным. Да, она покинула этот поселок осенью сорок первого года. Много позже, когда она встретилась снова с Бридько, он рассказал ей, что в эту осень он защищал в Высшей школе горных техников в Москве дипломный проект. Это было за несколько дней до 16 октября 1941 года, а 16 октября, когда Москва была об'явлена на осадном положении, Бридько в звании младшего политрука ушел в армию. В свой солдат-

ский мешок он уложил кое-какие дорогие ему книги и эскизные наброски дипломного проекта, тема которого была — работа механизированного участка по методу цикличности. Да, все это он рассказал ей много позже, после войны, при встрече в Донбассе.

Она говорила, глядя на дорогу, на которой должен был показаться Бридько. Был тихий осенний вечер, лето давно уже ушло, и в холодном воздухе плыли светлые паутины. Жена Бридько спросила меня:

— За опытом приезжали?

Я ответил:

— Да, за опытом.

— К нам многие приезжают за опытом.

Она хорошо знала положение дел на шахте, все, что касалось лавы, в которой работал ее муж, было ей близко и дорого.

Она первая увидела Бридько. Он шел, сдвинув на затылок старенькую кепку, закинув за плечо ружье. Весь, начиная с сапог, забрызганных болотной грязью, он был пропитан запахом осени. Когда жена сказала ему, что звонил горный мастер Пукалец, Бридько быстро, точно он ждал этого звонка, сказал:

— Ну, что он все сделал, что должен был сделать?

Она ответила, что горный мастер сам позвонит Бридько и все расскажет ему. В обычный свой час Бридько принял по телефону рапорт о работе смен, а вскоре ему позвонил тот самый горный мастер, о котором сказала жена. Они о чем-то поговорили между собой коротко. Бридько положил трубку.

— Говорят—переживает,— сказал он жене, улыбаясь.

И по тому, как вспыхнуло лицо жены, как просияли ее блестящие черные глаза, я понял, что этот разговор был для Бридько очень важным.

Жена оставила нас вдвоем. Она закрыла дверь, чтобы дети, находившиеся в соседней комнате, не мешали нам. Она несколько раз прикрывала эту дверь, и Бридько каждый раз, стараясь, чтобы дверь не скрипнула, открывал ее. Ему, повидимому, доставляло удовольствие видеть детей. Самая маленькая черноволосая, как и мать, забравшись с ногами на старый сундук, вся ушла в чтение книги. Девочка постарше, с такой же светлорусой, как у отца, головой, сидела у окна, положив на раскрытую книгу нежные смуглые руки. Прислонившись головой к косяку окна, она смотрела на степь,

на темнеющее небо и читала, вернее, повторяла заданный урок. Это были стихи, которые она произносила скороговоркой, видимо, стремясь запомнить их. Бридько стоял боком у самой двери, стараясь не пропустить ни одного слова.

В стихах часто встречалось слово «я мушу», которое означает «я должен». Это слово она произносила особенно твердо.

Девочка шевельнулась, и Бридько быстрым движением прикрыл дверь. То ли прогулка в степи, то ли разговор с горным мастером, который сказал ему что-то очень важное, то ли рапорт о хорошей работе смены, то ли стихи, которые читала его дочка, — с лица Бридько не сходила счастливая улыбка.

—...Говорит — переживает,— снова сказал Бридько, имея в виду свой разговор с горным мастером.—Дело видите ли, пустяковое, но принципиальное. Можно сказать касается самой сердцевины работы по циклу. Приходит ко мне сегодня утром этот мастер, сдает смену, рапорт о работе. Все как будто сделал. В это время мне звонит снизу, из шахты, второй мастер, и говорит, что Пукалец забыл или не успел,—это неважно,—очистить верхний куток для разворота машин. Понимаете, оставил частицу своей работы другому. Я рапорта не принял и наряда не подписал. «Иди,—говорю,—обратно в шахту, сделай свою работу и тогда отчитаешься». Он сначала в амбицию: не пойду—и все, потом видит, что я не шучу, и говорит: «Ну, ладно, Иван Иванович, пойду и доделаю».— «Что значит «ну ладно?» Я ведь требую доделать работу не потому, что у Бридько такой тяжелый характер, а из принципа. Цикл требует уважения к работе. Я не могу,—и, точно перед ним был горный мастер, он заговорил несколько громче обычного,—пойми, я не могу переложить частицу твоей работы на плечи другого! Это же не простая бумажка. Это цикл! Тут и моя жизнь, и твоя... Тут все связано воедино».

И в первый раз за все дни нашего знакомства я вдруг с наибольшей глубиной понял, что в этих словах—весь Бридько, весь этот человек, для которого метод цикличности—это наиболее полное и глубокое выражение высококультурной работы, при которой все и вся связано.

— Уголь—это фронт,—говорю ему.

Оба мы люди фронтовые, и я напоминаю ему эпизод из моей военной практики. Было это на рубеже Клетской в августе сорок второго...

Бридько легче было говорить с карандашом в руках. Он раскрыл записную книжку и стал набрасывать рубеж под Клетской, на котором стоял в обороне в те тяжкие дни. Весь рубеж, по его словам, был длиной в лаву—что-то около ста метров.

— «Пробьются они через мой рубеж,—думал я,—не увижу я тогда ни своей шахты, ни своего Донбасса. Я должен удержаться, во что бы то ни стало удержаться!..» И удержали! Меня в том бою контузило и ранило. Осколочное — в голову и ногу. Ночью бойцы вытащили меня в безопасное место. Лежу в санбате, времени много, размышляю о своей жизни, довершаю начатую в Москве в сорок первом году дипломную работу: вот какой у меня будет горный участок. Я ведь в тот проект весь свой опыт плитового, уборщика породы, забойщика, врубмашиниста вкладывал... Вернулся я в сорок шестом на шахту, Уманский, главный инженер треста, говорит: «Пойди на пласт «Л—6», дай высокую добычу».

И на том самом листке записной книжки, на котором Бридько рисовал свой рубеж, он стал набрасывать эскиз второй северной лавы.

— Многие думают,—говорил он,—Бридько работает в каких-то особых условий, которые ему созданы. Дескать, создали человеку тепличную обстановку, он и дает добычу. А какая у Бридько геология!—горько усмехнувшись, сказал он.—Почва—сильно «дующий» глинистый сланец, а ниже его идет «кучерявчик», кровля над углем—тонкий слой мягкого сланца в семь десятых метра, а над ним—основная кровля—водообильный известняк. Вода, «капеж» парализуют нормальную работу лавы. Стоит только задержаться—и почву вздувает, как хлеб—мощность пласта с семидесяти восьми сотых метра снижается до шестидесяти сотых метра. Принимаю решение...

И он сказал то самое слово, которое услышал от своей дочки: «я мушу»—я должен.

— Принимаю решение: я мушу—понимаете, я должен,—со сдержанной силой сказал он, — быстрее подвигаться лавой! Выиграть во времени и в пространстве.

Он спрашивал себя: может ли его родная шахта, как и все шахтеры треста, работать более высоким темпом, ровно и ритмично? И отвечал: да, можно. Можно и должно.

Суровое лицо его осветилось молодой, почти детской улыб-

кой человека, знающего секрет, заключающийся в одном слове.

— Каждый,— сказал Бридько,— должен сказать себе это слово: я мушу—я должен!

V

В поезде, который шел из Донбасса в Москву, я снова услышал имя горного техника Ивана Ивановича Бридько.

Я проснулся ночью от того, что за окном что-то полыхало ровным, немеркнущим светом. Это над Алчевском, над доменными печами старого завода, вставало розовое, нежное пламя. Где-то близко от этих мест, глубоко под землей, проходят недра шахты «Центральное-Ирмино». Много лет тому назад в глубине этой шахты, на участке «Никанор—Восток», в забое созрело зерно великого движения, имя которому дал шахтер Алексей Стаханов. Когда он в августе тридцать пятого года, ставил свой первый рекорд, сломавший обычное представление о нормах добычи угля, ему светил своей шахтерской лампой парторг участка, такой же забойщик, как и он, маленький, приземистый забойщик Мирон Дюканов. Новаторское начинание этих двух шахтеров имело на первых порах скромные границы—участок, шахта. Эхо отбойного молотка Алексея Стаханова разнеслось по всему Донбассу и подняло к творчеству многих людей, в том числе и Ивана Бридько.

Великий Сталин, обобщая мысли народа, раздвинул границы этого стахановского опыта, ставшего наиболее жизненным и непреодолимым движением современности. Советуя присмотреться к опыту товарищей стахановцев, Сталин сказал пророческие слова: стахановское движение открывает нам тот путь, на котором только и можно добиться тех высших показателей производительности труда, которые необходимы для перехода от социализма к коммунизму.

Поезд шел по донецкой степи, мимо городов и поселков, которые тянулись один за другим, связанные одной индустриальной нитью. Утром к нам в вагон сели два новых пассажира. Один из них—седой, с крупными чертами лица. Седая голова его контрастировала с молодым обветренным лицом. Он не был склонен вступать в разговор. Он сидел, облокотившись о столик, и смотрел в окно на мелькающие поселки, на проходящие составы, груженные углем и стальными слитками. Второй пассажир, помоложе, видимо, очень томился.

Он несколько раз пробовал вступить в разговор с седым, но тот отмалчивался или же отвечал коротко, односложно.

— Годовой отчет везете в Москву?—спросил молодой пассажир седого, явно стремясь завязать беседу.

Седой ответил что-то неопределенное и, взглянув на молодого опытным глазом, безошибочно определил в нем горняка.

— Вы с какой шахты?—спросил он.

— С шахты «два—семь»,—быстро ответил молодой.—Я, видите ли, на этой шахте недавно. Сейчас еду в отпуск, на курорт.

— А где ваш главный инженер, Михаил Тихонович Тарасенко?—спросил седой пассажир.

Молодой охотно ответил:

— Михаил Тихонович недавно только с курорта вернулся.

— А Фокин ваш где? — снова спросил седой пассажир. — Тоже на курорте побывал?

Слово «курорт» он произносил с какой-то злостью, точно ненавидел его.

Оказывается, и Фокин побывал на курорте.

— Ну, вам можно ездить на курорт, — сердито сказал седой пассажир. — У вас кровля устойчивая.

И у них сразу же вспыхнул, разгорелся спор о работе. Седой оказался заведующим шахтой. Вопрос о кровле, то-есть о геологических условиях шахты, был для него очень важным. Именно в этом, в неустойчивости кровли, он видел главную причину тяжелой работы своей шахты. Но никто, по его словам, с этим не хочет считаться. Ни районное партийное начальство, ни трест, ни, тем более, комбинат. Все требуют высокой добычи, которую он давал два квартала подряд. Он смолк, задумался и тихо проговорил: «Эх, если бы вы знали!» Молодой инженер с шахты «2—7» задел и растравил какую-то рану в душе седого заведующего шахтой.

Седой вдруг спросил:

— А что, имеется ли у вас живительное?

Молодой инженер, повидимому, сразу же понял, о чем идет речь, потому что сконфуженно ответил:

— Тары, знаете ли, не было.

— Сдал темпы, — думая о своем, наболевшем, проговорил седой, — и тебя сразу же берут в работу, никто не считается с тем, что ты вчера хорошо работал.

— Отстающих, — осторожно сказал молодой инженер,

он хотел было сказать «бьют», но заменил его более вежливым словом:—отстающих критикуют.

—Это верно,— согласился седой заведующий шахтой.

И по тому, как он вздохнул, чувствовалось, что он хорошо знает, как критикуют отстающих. Он раскрыл свой портфель и осторожно вынул оттуда сложенный вчетверо сверток.

— Вот оно — переходящее счастье мое, — сказал он, с грустью разворачивая шелковое красное знамя, то самое переходящее красное знамя, которое как он говорил, в течение двух кварталов присуждалось шахте за высокие показатели в работе и которое теперь, в третьем квартале, после того как шахта качнулась вниз, он должн был отвезти в Москву, в министерство.

Кто-то прошел мимо нашего купе, и седой заведующий шахтой, торопясь, свернул знамя, вложил его обратно в портфель. Некоторое время оба молчали. Первым заговорил седой инженер. Причины плохой работы шахты он об'яснял тяжелыми геологическими условиями в лавах.

— У вас кровля устойчивая, — сказал он, обращаясь к молодому инженеру с шахты «2—7», — вам можно ездить по курортам.

— Это верно, — согласился молодой инженер, — кровля у нас хорошая. Но, знаете ли, — начал он осторожно, как бы боясь своими словами еще больше растравить рану человека, везущего в Москву переходящее знамя, — дело ведь не только в кровле. Я мог бы вам назвать тысячи причин, которые тоже влияют на работу в шахте. Но если вы уж все зло видите в кровле, то я назову вам человека, у которого кровля, насколько я могу судить, очень и очень даже неустойчивая. Вы, кажется, из треста «Красноармейскуголь»? Бридько вы знаете?

— Ивана Ивановича?

— Да, Ивана Ивановича.

— Ивана Ивановича я хорошо знаю, — сказал седой инженер. — Во-первых, мы с ним работаем в одном тресте, во-вторых, мы вместе учились в Высшей школе горных техников и, в-третьих, я только на-днях имел с ним встречу... Должен вам сознаться, что когда управляющий трестом предложил мне поехать к Бридько, так сказать, на выучку, я как-то уперся. Ну, что, думаю, ехать к товарищу, с которым мы когда-то шли рядом, плечом к плечу, и что, собственно говоря, он может мне дать? — у каждого ведь свое. Но поехать приш-

лось. Все к нему теперь ездят — и начальники участков, и заведующие шахтами, и даже управляющие трестами. Да... Поехал я к нему налегке — послушаю, мол, лекцию.

Он засмеялся, вспомнив что-то очень веселое.

— Сделал Бридько нам доклад, графики свои показал, потом ему стали задавать вопросы. Один начальник участка говорит ему: «В чем дело, товарищ Бридько? Вот у вас дело ладится, а у нас наоборот. И энтузиазма у нас немало, и решимость, кажется, имеется в избытке, а все не ладится...». Ну, надо знать Бридько. Он человек малоулыбчивый. «Энтузиазм, — отвечает Бридько, — вещь, конечно, хорошая, но нужно этот энтузиазм подкрепить хорошей организацией работ. Энтузиазм плюс точность и аккуратность в работе». Подхожу к Бридько, здороваюсь с ним, благодарю его за дельную лекцию и говорю: «Хорошую кровлю ты мне не дашь, Иван Иванович». А он отвечает: «Почему не дам? Может быть, кое-что дам». И приглашает с собою в шахту. И пробыл я у него вместо одного дня или даже вместо одного вечера семь дней.

Седой заведующий шахтой молчал. Из соседнего купе послышался голос:

— В металлургии самое главное для сталевара — это попасть в анализ...

При этих словах седой горняк широко улыбнулся.

— У них — попасть в анализ. А у нас — работать по циклу... А по существу речь идет о высоких требованиях, о том, чтобы равняться на людей оптимальных планов. Отсталых критикуют, или попросту говоря, бьют, — ожесточившись, сказал он, — и правильно делают: вчера хорошо работал изволь удержать темпы, изволь итти вперед.

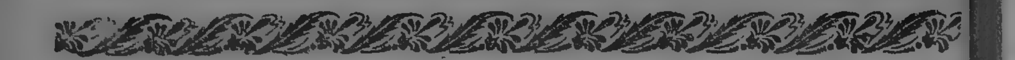
Он сунул руку в боковой карман просторного пиджака и вынул оттуда несколько плотных листов.

— Простился я с Иваном Ивановичем, а он на прощанье вручает мне свои графики: возьми, авось пригодится. Сунул я их к себе в портфель, а дома, на шахте, развернул. И что всего удивительнее, это то, что графики-то были разные. Один был рассчитан на полцикла, второй на один цикл, и третий — на полтора цикла в сутки... Дескать, начинай, дорогой товарищ, с полцикла и медленно, но уверенно набирай темп...

Молодой инженер взял у седого горняка все три графика Бридько. Он долго разглядывал, прежде чем передать их

мне. И я долго смотрел на эти графики, слегка запорошенные угольной пылью. Сквозь тонкий рисунок, графически изображавший работу лавы методом цикличности, мне казалось, я вижу, как проступают черты характера горного техника Ивана Бридько, человека, одержимого одной идеей — жить и работать так, чтобы опережать положенное ему по норме время.

Донбасс.
Октябрь — ноябрь 1947 г.

Ю. ЧЕРКАССКИЙ

ОГНИ СОРЕВНОВАНИЯ

Стучат на стыках поезда,
Взлетает пламя в поднебесье,
Гудят, гудят высокой песней
Обветренные провода.

Любимый, мужественный край!
Не остывай в цехах и лавах,
Гудками гулкими играй
И опаляй дыханьем плавок.

И пусть впервые за века
Над степью слышится далече
Веселый голос человечий,
Победный голос горняка.

— Взгляни, мой друг, увидишь, друг,
Донбасс, охваченный сияньем,
Как птицы гордые вокруг
Парят огни соревнованья.

И эти жаркие огни
Мелькают в штреках и забоях,
Зовут к работе, словно к бою
Моих товарищей они.

Мои товарищи в строю,
Мои товарищи в бою.

И смена смене вызов шлет,
И стонут угольные горы,
И радостно следит народ,
Как соревнуются шахтеры.

Как дружно наши мастера
Идут в подземные уклоны.
И посылают на-гора
Огня спрессованного тонны.

Как седоусый ветеран
Пласты взрывает, полный жизни,
Чтоб не было на свете стран
Богаче солнечной отчизны.

Чтоб не вернулись никогда
Былое горе, тьма землянок,
Гора нужды и горьких пьянок,
И жизни каторжной года.

Чтоб расцветали рудники,
Сады шумели, пели дети,
Чтоб слышно было всей планете,
Как рубят наши горняки.

Взгляни, мой друг, увидишь, друг,
Донбасс, охваченный сияньем,
Как птицы гордые, вокруг
Парят огни соревнованья.

Н. ДОБРУСИН, М. ЮГИЛЕВИЧ

СЛАВНЫЙ ПОЧИН

ТАКОВА уж величавая сила нашей советской действительности: каждый подвиг человека, совершенный на советской земле, становится достоянием всего советского народа. Им гордятся всюду, он находит своих горячих последователей.

...В комитете комсомола шахты № 17—17-бис и лично у бригадира комсомольско-молодежной бригады забойщиков Ивана Кабанова хранятся десятки писем со всех концов нашей Родины и от советских людей, проживающих за рубежом.

Вот несколько из них:

«Ваш трудовой подвиг возвеличивает нашу страну, славу и доблесть советского народа, укрепляет могущество любимой Родины.

Гвардейцы-танкисты заверяют вас, что советские воины, несущие свою ответственную и почетную вахту за рубежом родной земли, будут и впредь еще с большим воодушевлением выполнять свой воинский долг перед Родиной».

Пишут моряки-черноморцы:

«Весть о вашем патриотическом почине быстро облетела всю нашу страну. Мы, моряки-черноморцы, горячо одобряем почин и инициативу комсомольца Кабанова и его последователей, героически работающих над восстановлением шахты № 17—17-бис им. Папанинцев.

Мы призываем вас трудиться не покладая рук на своем посту, повышать производительность труда, стремиться выдать как можно больше угля, столь необходимого нашей стране».

А совсем недавно на имя комитета комсомола пришло письмо от воина комсомольца Александра Шишигина:

«Пишет вам совсем незнакомый человек, — говорится в этом письме, —но наше общее дело роднит нас, армию и народ, роднит всех советских людей.

В газете «Комсомольская правда» я прочел статью о работе молодежной бригады Кабанова. И я решил написать вам несколько слов.

Пока я нахожусь в рядах вооруженных сил—я буду бдительно охранять ваш созидательный труд, совершенствовать свои знания. В то же время хотелось бы получить от вас материалы по горному делу, чтобы после окончания службы стать шахтером. Я очень хочу стать навалоотбойщиком, работать так, как работают в бригаде Кабанова. От всей души желаю комсомольской организации выполнить взятые на себя обязательства».

Но особенно глубоко запали в душу каждого молодого горняка слова из приветственной телеграммы, полученной в сентябре прошлого года от товарищей Л. М. Кагановича и Н. С. Хрущева. В этой телеграмме сказано:

«Центральный комитет КП(б)У горячо одобряет патриотический почин о переходе на работу в забой угольных шахт, где решается судьба выполнения плана угледобычи. Славная советская молодежь, воспитанная большевистской партией в духе преданности нашей социалистической Родине, всегда проявляла почин и инициативу, выступала ударной силой на важнейших участках социалистического строительства. Патриотическое движение, начатое комсомольцами Кировского района г. Сталино о переходе на работу в шахту, имеет большое народно-хозяйственное значение.

Центральный комитет КП(б)У выражает твердую уверенность, что тысячи юношей и девушек последуют примеру комсомольцев Кировского района г. Сталино, пойдут работать в забои шахт, успешно освоят горняцкие профессии забойщиков и навалоотбойщиков и своим самоотверженным трудом внесут огромный вклад в дело успешного восстановления угольного Донбасса, дальнейшего укрепления могущества советского государства».

Так оценили подвиг комсомольцев Кировского района партия и советский народ.

Кто-же эти люди, благородный почин которых нашел столь горячую поддержку у государства и в народе, чьи трудовые подвиги растят ряды последователей?

Организатору и бригадиру комсомольско-молодежной бригады Ивану Кабанову сейчас 24 года. Свою трудовую жизнь он начал учеником школы фабрично-заводского обучения трамвайного парка в гор. Сталино, в 1943 году пошел на фронт. Мало кто вначале думал, что щуплый, худощавый паренек вскоре станет прославленным командиром орудия. А старший сержант Иван Кабанов мужал, с каждым новым боем росло его воинское мастерство и в бесстрашных подвигах советских воинов, гнавших вражеские полчища с родной земли, а затем освобождавших от фашистского ига народы Польши, Чехословакии, громивших гитлеровцев на их территории,— была почетная доля и артиллериста Кабанова. Орденом—«Красная Звезда» и медалями отметила Родина его вклад в дело нашей победы.

Отгремели бои Великой Отечественной войны, но открылся новый фронт—борьба за восстановление разрушенного хозяйства, за дальнейшее развитие страны, победное шествие которой временно прервал враг. Одним из решающих участков этого мирного фронта был Донбасс, его шахты.

Вернувшись домой, Кабанов пошел на шахту № 17—17-бис треста «Рутченковуголь» запальщиком. Учился на курсах, затем работал на участке вентиляции. Все это, однако, мало удовлетворяло Кабанова.

— Не то, не то,— часто говорил он в кругу своих друзей. — Все равно, что бьешь с закрытых позиций, не видя «противника». А я хочу—на прямую наводку, чтобы в лоб бить.

И глядя на несколько недоумевающих товарищей, он высказал давно созревшую идею:

— Уголь надо добывать, бригаду создать!

В шахтном комитете комсомола и в Кировском райкоме ЛКСМУ идее Кабанова придали определенную форму. Не вообще бригаду, а бригаду из молодежи, добровольно идущей с поверхности в забой.

Клич был брошен: молодежь в забой!

На заводах Донбасса и в колхозах многих районов Украины призыв комсомольцев Кировского района обсуждался на собраниях, он волновал юношей и девушек, звал их на

передовые позиции великого трудового наступления советских людей.

Так в бригаде Кабанова оказались трое рабочих машиностроительного завода им. Хрущева,—Александр Сучков, Валентин Писарев и Григорий Нечипуренко, демобилизованный воин Михаил Гордеев, родом из Запорожской области, Михаил Перевертень—из Черниговщины, Степан Козачковский—из Винницкой области. Четырнадцать молодых патриотов со всех концов Украины составили комсомольско-молодежную бригаду забойщиков на шахте № 17—17-бис, во главе которой стал бывший командир орудия старший сержант Иван Кабанов.

Никто из членов бригады, за исключением Кабанова, еще в шахте не был. И то, что в самом начале казалось столь простым делом, потребовало серьезной и упорной учебы. Но и на курсах техминимума не смогли дать ответа на все вопросы. Мастерство горняка куется в напряженном труде.

Теперь это кажется далеким и пройденным.

Михаил Перевертень—19-летний юноша из колхоза имени Сталина вспоминает:

— И я, и Власик, да почти все ребята не знали сразу, как держать в руках свой инструмент.

Помогли молодежи старые горняки. Кадровый шахтер коммунист Петр Григорьевич Кулешов каждый день приходил в бригаду и показывал, как нужно брать уголь, чтобы рук не набить и меньше сил затратить. Много раз повторял он новым рабочим:

— Старайтесь уголь брать снизу, а сверху он и сам отвалится.

И тут же делал зарубку, показывал, как поставить стойку, чтобы закрепить вырубленное пространство.

Но не только Кулешов помогал бригаде. Кадровые горняки: Петр Сидорович Федорчук и горный мастер Борис Титович Глотка передавали бригаде свой многолетний опыт, помогали освоить новую профессию, повышать производительность труда.

И горячее желание советских патриотов дать больше угля нашей Родине победило: уже на второй месяц работы комсомольско-молодежная бригада Кабанова стала перевыполнять план. А в первом квартале нынешнего года на шахте № 17—17-бис разнеслась горделивая весть:

«Кабановцы», соревнуясь с бригадой кадрового горняка

Кожухина, вышли победителями. Они выполнили квартальное задание на 118 процентов, а бригада Кожухина — на 102,5 процента. Сотни тонн сверхпланового угля дала стране комсомольско-молодежная бригада и во втором квартале.

Минул год с момента организации новой бригады Ивана Кабанова. Позади—год настойчивого овладения профессией горняка. В прошлом рабочие, плотники, рядовые колхозники — ныне стали угольщиками-профессионалами. Все они идут сейчас в первых рядах прославленного трудовыми подвигами коллектива шахты.

Одной мыслью, одной идеей живет сейчас комсомольско-молодежная бригада тов. Кабанова:

— К 30-й годовщине трижды орденоносного Ленинско-Сталинского комсомола выполнить свой годовой план! И нет сомнения в том, что одно из учрежденных ЦК ЛКСМУ красных знамен для лучших бригад Украины будет реять на третьем участке шахты № 17—17-бис, где работает бригада Ивана Кабанова, где зародился славный патриотический почин.

Шахта № 17—17-бис.
Июль, 1948 г.

П. ШАДУР

ТВОРЧЕСТВО

Среди ученых и поэтов
Отмечен был страной и он.
Народ поставил имя это
В ряды прославленных имен.
Как он поднялся до вершины,
И кем он был до этих пор?—
Водитель врубовой машины,
Донецкий рядовой шахтер.
Он полюбил свою работу,
Где новое творить дано,
Как композитор любит ноты
И живописец полотно.
Боев суровое дыханье
Пронес он сквозь огонь преград
Шахтер—
конструктор и механик,
Исследователь и солдат,
Таким становится повсюду
Шахтерский благородный труд,
Угля сверкающие груды
И песни —
рядом создают.

С. КАРНАЧЕВ

КОМСОМОЛЬЦЫ

Приближалась полночь. Луна то заливала серебристым светом землю, то уходила за тучу. Вырисовываясь темным силуэтом, на пригорке стоял Часов-Ярский кирпичный завод. Где-то в глубине его двора, громыхая гусеницами, тарахтел тягач, отвозивший готовую продукцию, гудели автомашины. Сдав смену, помощник мастера по изготовлению шамотных изделий Федор Освальд и молодая работница Тоня Швагерова вышли за ворота завода.

— Не по душе мне моя работа. Негде развернуться.. — жаловался Федор своей спутнице Тоне. — Тесно здесь моей натуре.

— А какую же ты считаешь работу по душе? — с девичьим задором и любопытством спросила Тоня.

Федор улыбнулся, хотя его улыбки в темноте Тоня не могла видеть. Он вынул из-за борта спецовки свернутую газету.

— Читала? «Комсомольская Правда» напечатала обращение ленинградских комсомольцев ко всем комсомольцам с призывом переходить на шахты...

— Читала, — не дала договорить Федору Тоня. — Ну и что же?

— Я решил переменить свою специальность. Хочу пойти на более ответственный участок работы...

Вынашивая мысль перейти на работу в шахту, в забой, и

именно в забой, Федор никому об этом не говорил. Громкая слава о трудовых успехах шахтеров, прокатившаяся далеко за пределы Донбасса, еще больше увлекала его пылкую натуру. Каждый успех шахтеров, каждая новая производственная победа были для Федора большой радостью. Рабочие цеха, в котором работал Федор, его друзья и знакомые часто подшучивали над ним: Эх, ты, шахтер! А шахту ты видел?

Такие замечания Федор Освальд обычно слышал в тех случаях, когда вдохновленный успехами шахтеров начинал с увлечением рассказывать об этом. Сколько раз, бывало, придя домой с завода, Федор подолгу обдумывал беспокоивший его вопрос. Он стремился к осуществлению своей заветной мечты. Долго он держал в секрете свои намерения, но все же не выдержал. Нараставшая с каждым днем потребность с кем-нибудь поделиться заставила его начать разговор с Тоней. Но вместе с этим желанием, его удерживала другая мысль: поймет ли Тоня? Одобрит ли она его решение? Ведь она для него авторитет и с ее мнением он всегда считался. Иначе поступать он не мог. Они любили друг друга. На новый год намечали сыграть свадьбу. А теперь? Что скажет теперь Тоня, когда узнает о его желании уехать на шахту. Разумеется, его от'езду придаст свое значение и рассматривать желание Федора будет по-своему.

Выслушав Федора, Тоня почти ничего не поняла из его рассказа. Для нее было непонятным, почему это Федор заговорил вдруг о шахте, о забое, о громкой славе людей других специальностей. Она не могла понять, почему он должность помощника мастера по изготовлению шамотных изделий считает менее ответственной. Сейчас, думала Тоня, когда всюду кипит напряженная борьба за быстрейшее восстановление разрушенных городов, фабрик, заводов, когда весь народ борется за досрочное выполнение послевоенной Сталинской пятилетки — каждый участок работы является важным и ответственным и каждый рабочий дорог для того или иного предприятия. А Федор именно здесь являлся ценным рабочим, который не только выполнял, но и перевыполнял свои нормы, а участок работы, которым он руководил, являлся не менее важным, чем работа в забое. Тоня соглашалась с тем, что Родине нужен уголь. Больше того, она знала, что чем больше угля получит наша страна, тем сильнее возрастет производство стали, проката и других необходимых государству материалов. Уголь — хлеб промышленности. Это она знала. Но ни-

как не могла согласиться с тем, что во время большой строй-
ки, на которой так необходимы такие материалы как кирпич,
глина, песок, специальность Федора не так важна. Думая над
этим вопросом, Тоня молчала. Несколько минут молчал и
Федор.

Заметно сгущалась темнота сентябрьской ночи. Милли-
онами сверкающих жемчужин рассыпались по небу звезды.
Утихал постепенно шум над Часов-Яром. Только попрежнему
доносился со стороны кирпичного завода грохот гусениц тя-
гача, гудки машин и время от времени где-то вдалеке разда-
вался свисток паровоза.

— Какая хорошая сегодня ночь, — нарушив молчание,
проговорил Федор. — Осень, а напоминает весну. Тихо...

— Меня сейчас красота ночи меньше интересует,—прер-
вала его Тоня. — Лучше скажи, когда ты думаешь порывать
с заводом и куда собираешься уходить?..

— Как можно раньше и притом — на шахту, — не заду-
мываясь, ответил Федор.

Теперь Тоня поняла, что Федор не зря повел разговор о
шахте. С минуту они оба молчали, думая каждый о своем
и в то же время об одном. Наконец, собравшись с силами,
Тоня проговорила:

— Ну что ж, Федя, возможно ты и прав. — И пожимая
его руку, добавила:

— Желаю успеха. — Затем, осмотревшись по сторонам,
едва слышно произнесла: — Пора домой. Может быть в
последний раз, но все же проводи меня...

Проводив Тоню, Федор Освальд пришел домой позднее
обычного, углубился в раздумье. Он думал о том, что Тоня
не поняла его. Осталась недовольна его решением. Его уход
с завода она считает началом конца их дружбы, встреч. Она
даже не хочет верить тому, что он ей сказал, хотя сказано
было очень понятно: «Устроюсь на шахте, поработаю, потом
приеду, сыграем свадьбу и вместе возвратимся на шахту».
Вспомнив о предстоящей свадьбе, Федор улыбнулся. Он ве-
рил, что все будет именно так, как он наметил. Своему слову
он не привык изменять.

На следующий день Федора Освальда вызвал секретарь
Артемовского горкома комсомола. Вызвал именно по тому во-
просу, который на протяжении многих дней так беспокоил
Федора. Поэтому долго договариваться им не пришлось. В
этот же день на заводе, где работал Федор, птицей пролетела

весть о его уходе на шахту. Вся молодежь говорила об этом:

— Правильное решение принял Федор.

— Ничего, пусть пойдет, испытает счастьица, — иронически посмеивались некоторые.

— Пусть едет. К чужой славе примазаться хочет, — говорили всегда завидовавшие успехам Федора.

— Не из таких Федор Освальд, чтобы к чужой славе примазываться, — возражали те, которые больше и лучше знали Федора. — Он и сам создаст ее себе.

— Создаст, да не на шахте, — не унимались не верившие в силы и способности Освальда.

20-го сентября Федор прибыл на шахту № 3 «Кочегарка». На ней он был первым из откликнувшихся на призыв ленинградских комсомольцев. Под'езжая к шахте, Федор подумал: «Так вот, значит, где мне придется работать». Он радостно улыбнулся. Какое-то приятное волнение охватило его. Он почувствовал как учащенно бьется его сердце и как все больше возрастает это приятное волнение. Шахта... Ведь он никогда не только не работал в ней, но даже и близко здесь не был. Как все для него здесь ново.

С первых же дней Федор приступил к изучению шахтерской профессии. Нужно было многое познать, ко многому присмотреться, а дней на это отведено было очень мало.

Не жалея времени, не считаясь с отдыхом, Федор почти в каждую смену спускался в забой. Присматривался к приемам работы старых опытных шахтеров, учился у них шахтерскому искусству. Чаще старался сам браться за отбойный молоток.

Глядя на первые попытки Федора, старые горняки видели его способности и говорили:

— Будет толк с парня. Дельный шахтер выйдет. По хватке видно. Да и силенка есть. Вот таких бы нам побольше присылали.

— Учись, учись, парень, — напутствовали старики Федора, — не пожалеешь. Шахтерское дело — почетное дело. А тебе до почета рукой подать. Только не ленись, у тебя впереди еще вся жизнь.

Слушал стариков Федор. Дельные советы давали. Вскоре Федор Освальд получил назначение на участок № 26, работавший на пласту «Соленый». Такое название за пластом закрепилось еще с давних времен, когда шахтеры киркой рубили уголь, трудясь до пота, высыхавшего на их спецовках

и оставлявшего осадок соли. В 53 сантиметра мощностью, средней твердости пласт «Соленый» требовал большого умения работать. И несмотря на то, что некоторые шахтеры пытались запугать Федора сложностью и трудностью работы на «Соленом», он не унывал. Относящийся к категории людей, видящих смысл своей жизни и вообще жизни в честном и самоотверженном труде, Федор не боялся предстоящей работы на «Соленом». Не все еще разгадали твердость характера Федора, не все знали насколько крепка его сила воли, как велики желания и стремления обрушить всю свою силу и энергию на упорствующий пласт.

Участок № 26 считался самым отстающим на шахте. Он ежемесячно выполнял только половину своей нормы, а порою не давал и этого. На всем участке был только один человек, завоевавший почетное звание мастера угля.

Спускаясь в первый день в шахту на правах самостоятельно работающего шахтера, Федор Освальд вспомнил слова с иронией когда-то произнесенные некоторыми рабочими завода перед его уходом на шахту: «Пусть идет, пусть к чужой славе примажется». И засмеялся. Это еще больше вызывало в нем желание скорее стать опытным, бывалым шахтером.

— Это, пожалуй, вернее будет,—тихо говорил он, направляясь в забой.

Работать на пласту «Соленый» было действительно тяжело. Но Федор не сдавался. Он прикладывал все усилия, пуская в ход, как он говорил, весь «запас своих знаний», которые успел приобрести с момента прихода на шахту. Рвался к победе. И она от него не ушла. В первый же месяц работы он завоевал звание мастера угля.

— Вот это взлет! — говорили о нем старые рабочие. — Вот это парень! Орел! Быстро расправил крылья. Молодец, — хвалили они Федора.

— Быстро расправил, но еще быстрее обломит их. Дело случая, вот и вырвался в мастера. Посмотрим, что он в следующем месяце запоет. Как взлетит, — говорили другие, не верившие в успех Федора. Но, как бы ни называли некоторые шахтеры успех Федора, с каким бы безразличием ни относились к его труду, все же они вынуждены были признать его способность работать. Второй месяц принес Федору еще больший успех. Работая на том же пласте и участке, он значительно перекрыл нормы мастера угля. Его имя стало уже

широко известно на шахте. Из месяца в месяц Федор Освальд наращивал темпы работы, повышал производительность труда. Не оправдалось предсказание сомневавшихся в успехе Федора. Не исполнилось их пророчество. Не обломались крылья молодого орла. Изо дня в день укреплялась его трудовая слава, рос авторитет, один успех сменялся другим, новым, более крупным, чем предыдущий. Всюду можно было слышать его имя. Но только он, Федор, был недоволен своими успехами.

— Мало, — говорил он, — мало того, что я перекрываю свои нормы. Я комсорг участка, я обязан показывать пример остальным комсомольцам, молодежи, всему коллективу участка. Что успех одного человека? — спрашивал Федор и сам же отвечал на свой вопрос: — капля воды в море. Нужно, чтобы увеличилось число передовиков на участке. Нужно... — Федор задумался, подбирая слова для более точного выражения своего желания. Он стремился вывести весь 26 участок в число передовых по шахте. Нужно выйти из отстающих в передовые. Вот это будет победа! Вот это будет слава!

Часто по этому вопросу беседовал Федор с помощником начальника участка Петром Хахелевым. Молодой, сильный душой и телом, скромный, с простым и добрым русским лицом Петр Хахелев расположил к себе Федора с первых же дней его прихода на шахту.

—У тебя, Петр, опыт работы значительно богаче, — обращаясь как-то к Хахелеву, заговорил Федор Освальд. — Ты в 1937 году закончил горпромуч, в 1946 году — горный техникум, тебе больше приходилось быть с шахтерами, скажи, как легче и лучше организовать людей, чтобы добиться общего успеха, чтобы не одиночки шли впереди, а весь коллектив участка.

— Ах, вон ты о чем, — слушая Федора, шутил Петр Хахелев, — да ты, я вижу, птица дальнего полета, — и улыбаясь, добавил: — об этом, Федя, я и сам давно думаю.

В последних числах января по решению Горловского горкома комсомола комсоргом на шахту № 3 «Кочегарка» был направлен Юрий Асмолов. Дела на шахте в то время были не плохие. Отставал только участок № 26. Отдельные стахановцы участка — Александр Ивашкин, Владимир Шевцов, Степан Измер, Владимир Зайко и другие во главе с комсоргом Федором Освальдом не могли исправить положения. Подавляющее большинство шахтеров участка были отстающими. Особенно в запущенном состоянии находились верхний и

нижний штреки, которые отставали: первый — на 10, а второй — на 19 метров. Плохо была налажена работа лесогонов, имелись частые случаи перебоев с порожняком и ряд других недостатков, тормозивших работу участка. Для ликвидации отставания участка нужно было преодолеть много трудностей. И в этом деле комсорг участка Федор Освальд проявлял большую инициативу. Посоветовавшись с Петром Хахелевым, они решили внести предложение о создании на участке комсомольско-молодежной бригады, которая должна была стать в авангарде социалистического соревнования и повести за собой все остальные бригады участка и этим самым вывести его из отстающих.

— Я считаю создание комсомольско-молодежной бригады очень важным делом, — говорил Федор Освальд комсоргу шахты, рассказывая о своих планах.

Юрий Асмолов не замедлил сообщить начальнику шахты об инициативе комсорга участка. Утром следующего дня он подробно передал ему весь разговор с Освальдом.

— Дельная мысль и вполне осуществимая, — выслушав Асмолова, согласился начальник шахты Логвиненко. В это время в кабинет начальника шахты вошел главный инженер Ларченко. И комсорг шахты его также ввел в курс дела.

— Говорите, бригаду? — переспросил Ларченко. И не ожидая ответа, продолжал:—А я бы для этой цели предложил создать комсомольско-молодежный участок. Почему? Вот почему: комсомольско-молодежная бригада, созданная на участке, будет вести за собою только остальные бригады этого же участка. В лучшем случае, следуя ее примеру, развернут большую стахановскую работу бригады некоторых других участков. Если же создать комсомольско-молодежный участок, то он поведет за собою все участки шахты.

Кончив говорить, главный инженер посмотрел на своих собеседников таким взглядом, который без слов спрашивал: ну, как вы на это смотрите?

— Участок?—вопросительно повторил начальник шахты.— Пожалуй, Михаил Борисович, вы правы. В таком случае для этой цели можно назначить 22-й, 22-бис или 23-й участок,— предложил Логвиненко. Юрий Асмолов утвердительно кивнул головой.

— Эти? Нет, друзья мои, я с вами не согласен,—возразил Ларченко. — Все перечисленные вами участки выполняют и перевыполняют свои задания. А в чем наша цель? К чему мы

должны стремиться? Мы должны стремиться к тому, чтобы наш самый отстающий участок № 26 вышел в число передовых. Поэтому, для наименования участка комсомольско-молодежным я выставляю 26-й участок.

Ларченко замолчал. Обычно решительный, всегда высказывающийся прямо и без сомнений, начальник шахты на этот раз говорил осторожно, словно прислушивался к звучанию своего голоса, слова произносил медленно, как бы проверяя самого себя из-за опасения допустить ошибку.

— Это хорошо, Михаил Борисович, что вы предлагаете отстающий участок. Я без сомнения теперь могу сказать, что его отставание вам так же «приятно», как и мне, — глядя с улыбкой на главного инженера, хитро говорил Логвиненко.— Но кто возглавит его?

— Комсомольско-молодежный участок должны возглавлять комсомольцы, — вставил Юрий Асмолов. — А насколько мне известно, среди них есть много, правда, хотя еще молодых шахтеров, но с большими задатками. Надеюсь, на должность начальника участка можно подобрать кого-либо.

Здесь же решили начальником комсомольско-молодежного участка назначить Петра Хахелёва.

Организации комсомольско-молодежного участка придали большое значение. Этот вопрос был поставлен на обсуждение комитета комсомола. В обсуждении приняли участие все свободные от работ комсомольцы и молодежь участка. Главный инженер поставил перед коллективом участка конкретные задачи:

— Для того, чтобы участок выполнял задания нам нужно, в первую очередь, ликвидировать отставание штреков по подготовительным работам, — говорил он. — Добиться удлинения уступов в лаве с 9—12 до 16—18 метров, а также обратить особое внимание на правильность крепления горных выработок. Главное, товарищи, таится в нас самих. Все зависит от нашей же работы и мы должны ее улучшить.

— Производительность труда забойщика во многом зависит от бесперебойной работы лесогонов, — говорил Федор Освальд. — Поэтому ее надо наладить так, чтобы забойщик всегда имел лес под руками. А это разве дело, когда работаешь вверху, а лес доставлять приходится снизу. Такое обеспечение лесом, конечно, никогда не может содействовать повышению производительности труда забойщика. Но, — Федор сделал небольшую паузу, обвел взглядом присутствовав-

ших, как бы проверяя все ли его слушают и все ли понимают так, как понимает он сам. — Одновременно, — продолжал он, — и забойщики должны добиваться повышения производительности труда, экономить каждую минуту.

Далее Федор Освальд остановился на работе отстающих шахтеров, сказал о соревновании двух городов — Горловки и Макеевки, призвал весь коллектив участка бороться за достойную встречу шахтерского праздника.

На комсомольско-молодежном участке началась боевая работа. Инициаторы социалистического соревнования Кузьма Токаренко, Александр Ивашкин, Владимир Шевцов, Степан Измер, Владимир Зайко во главе с Федором Освальдом показывали образцы работы. Зажигали личным примером весь остальной коллектив. Федор Освальд пошел на рекорд и дал 940 процентов нормы. В феврале он установил новый рекорд —1050 процентов нормы за смену. Следуя его примеру, большинство комсомольцев и молодежи участка добилось значительных производственных показателей. Пятнадцать человек завоевали почетное звание мастеров угля. Участок быстрыми темпами пошел вперед к завоеванию первенства по шахте и спустя два месяца достиг поставленной перед ним задачи. Четкая, слаженная и организованная работа дала свои положительные результаты. Об участке № 26 всюду на шахте заговорили, как об одном из лучших, начали ставить его в пример другим. Чувство радости охватывало Федора, когда он слышал: «Здесь, на этом участке, работают настоящие шахтеры». Эти слова невольно напоминали ему его разговор с Тоней и он, улыбаясь, часто повторял их.

— Я, Тоня, настоящий шахтер. Пусть пока еще только в душе, но рано или поздно буду им и на деле.

Теперь он вправе мог заявить ей об этом. Он чувствовал себя самым счастливым. Мечта, над осуществлением которой он так долго думал, осуществилась. Он шахтер и к тому же передовой. Теперь ему не стыдно будет говорить кому бы то ни было об этом. Но главное — он счастлив. Здесь, на шахте в Горловке, Федор чувствовал себя на своем месте. Полюбив шахту, шахтеров, свою работу он твердо решил на всю жизнь связать себя с этим коллективом, остаться навсегда на шахте.

Вскоре среди молодежи 26-го участка пошла молва о том, что Федор Освальд собирается жениться. Потом об этом заговорили все рабочие шахты. Этот слух донесся и до на-

чальника шахты. Вызвав как-то Федора, Михаил Ильич Логвиненко побеседовал с ним. Убедившись в том, что комсорг лучшего на шахте участка действительно собирается жениться, Михаил Ильич принял активное участие в оказании помощи по подготовке к свадьбе. Он отдал распоряжение о выделении в распоряжение Федора Освальда автомашины, о предоставлении ему отпуска, а вблизи шахты—квартиры. Начальник комсомольско-молодежного участка Петр Хахелев стремился ознаменовать день свадьбы своего друга новым успехом по участку.

— Поднажмем, ребятки, поднажмем, — говорил он, появляясь у каждого места работы. — Завтра свадьба нашего комсорга, нельзя же опозориться.

— Надеемся, что погуляем на славу,—отвечали комсомольцы, — а поднажать нам, безусловно, следует.

...Не отгуляв положенного отпуска, Федор Освальд пришел на шахту.

— Что это ты преждевременно? — спрашивали его друзья. — Или отдыхать устал?

— Тоня не разрешила, — шутил Петр Хахелев, и, улыбаясь, обнял Федора.

— Отдохнул, довольно, — говорил им Федор. — Пора и за работу браться. Ведь скоро «День шахтера» и я хочу встретить его не в отпуске, а в забое.

В комитете комсомола нам пришлось встретиться с начальником комсомольско-молодежного участка Петром Хахелевым, комсоргом участка Федором Освальдом и комсоргом шахты Юрием Асмоловым. Завязался разговор.

— Вы спрашиваете, который из участков нашей шахты является передовым? — говорил Хахелев, — я, собственно, затрудняюсь ответить на этот вопрос. Люди, знаете ли, у нас такие, что трудно сказать, кто из них работает лучше. По-моему — все хорошие, все передовые. Инициативные люди. Настоящие шахтеры... Если вас очень интересует этот вопрос, обратитесь к парторгу, начальнику шахты или комсоргу. Им это лучше известно и вы получите от них интересующие вас сведения. А я... — Петр Хахелев слегка пожал плечами и улыбнулся. — Я знаю только свой участок, своих людей...

— В таком случае расскажите о людях своего участка.

— О людях моего участка? — переспросил Хахелев. С этими словами он еще раз улыбнулся, взглянул на сидев-

шего рядом с ним Федора Освальда, перевел взгляд на Юрия Асмолова и ничего не сказал. И только спустя некоторое время, негромко, как бы извиняясь за долгую задержку ответа, произнес: — Что же я могу сказать? Люди как люди. Работают... Короче говоря... вот комсорг шахты. Спросите у него... И Петр Хахелев указал на Асмолова.

Начальник передового на шахте участка из скромности ничего не мог сказать не только о себе, но и о своих людях. Да это и не так важно, что он ничего не сказал. О них говорят сами дела. А о людях, творящих большие дела, говорят всюду, даже в самом отдаленном уголке нашей великой Родины: — «их слава — наша слава. Их успехи в труде — наши успехи, успехи всего многомиллионного советского народа». Так говорят всюду о героях послевоенной сталинской пятилетки, о неутомимых восстановителях Всесоюзной кочегарки — Донбасса.

Шахта № 3 «Кочегарка».
Июль, 1948 г.

В. ШУТОВ

КОМСОМОЛЬСКАЯ-ШАХТЕРСКАЯ

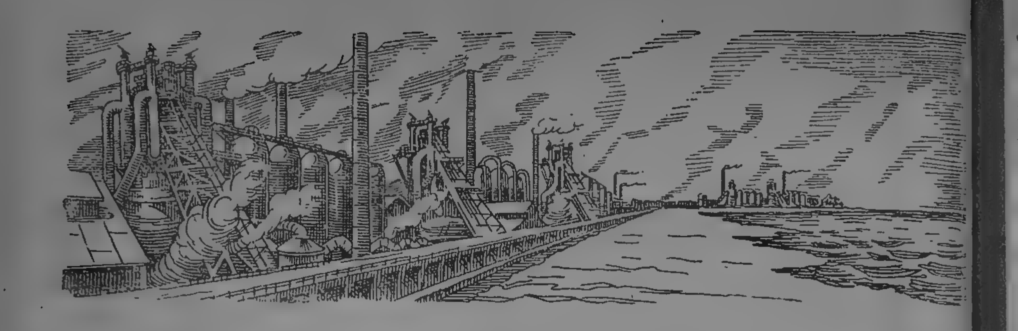
Золотыми яркими лучами
Молодая жизнь озарена.
Мы проходим стройными рядами,
Нас зовет на подвиги страна.

Мы идем бригадами в забои,
Нам земля богатства отдает.
Эх, Донбасс, — мы все твои герои —
Комсомольский боевой народ.

Навсегда мы стали горняками,
И семьей шахтерской дорожим.
Молодыми, сильными руками
Мы дела победные вершим.

По стране, бегут, бегут составы,
Над полями голубой дымок, —
Всюду наша трудовая слава,
Всюду наш донецкий уголек.

Мы проходим стройными рядами,
Нас страна на подвиги зовет.
Славь Донбасс шахтерскими делами,
Комсомольский боевой народ!

А. ВИННИК

ВЫСОКИЙ КЛАСС

МАЛО кто из приезжавших на «Азовсталь» журналистов не бывал у Федора Семеновича Деркачева в нормативно-исследовательской станции. И мало кого ждало здесь разочарование. Выходя отсюда, люди имели об'ективное представление о стройке. Хотя слово «об'ективное» несколько неточно. По роду своей деятельности Федор Семенович Деркачев больше соприкасался с отрицательным. Нормативно-исследовательская станция вскрывала пороки в организации труда и производства. Неслучайно поэтому в разговоре с Федором Семеновичем Деркачевым преобладали отрицательные факты. И это вовсе не потому, что Деркачев пессимистически настроенный человек, и видит все в черных красках. Отнюдь нет! Это энергичный, подвижной, оптимистично настроенный человек, преданный своему делу, горячо любящий стройку. И, встретив журналиста, он рассказывал ему о всех пороках, надеясь, что статья в газете поможет излечить болезни. Он не ограничивался тем, что рассказывал о недостатках в организации труда, а уговаривал пойти на место, лично посмотреть.

— Вот увидете сами, тогда зло напишите.

И мы ходили и смотрели, и вместе с Деркачевым возмущались виденным.

У бетонного завода стоят автомашины. Одна, две, три, четыре. А еще пять вот-вот подойдут.

Деркачев позабыл о нас, он бросился к какому-то диспетчеру и начал «распекать» его за плохое использование автотранспорта.

— Бригады стоят без бетона, а вы еле поворачиваетесь. Машины и наполовину не используются. Безобразие!

И хотя диспетчер вовсе не подчинялся Деркачеву, он все же виновато слушал его. Но Деркачев уже сам вспомнил, что его обязанность не вмешиваться в производство, а вести исследовательскую работу, и бросился к своим хронометражистам.

— Записывайте, записывайте. Точно все зафиксируйте. Каждую секунду. Попляшут они тогда... Безобразие!

Мы не успели сделать и пяти шагов, как Деркачев снова остановился.

— Ну, вот, смотрите. Эту машину засыпят, так и знаю. Темпы, конечно, нужны, блуминг нужно быстро пустить, но зачем гробить машины? Их здесь столько, что механизмами перестали дорожить. Засыпят, определенно засыпят, так и чувствую. Безобразие!

И еще показал нам Деркачев «безобразия». Галлерею, которую соорудили для подачи бетона от бетонного завода непосредственно в цех. Разумное, хорошее дело, облегчающее труд, ускоряющее работы. Но пока строили галлерею, бетонщики ушли далеко.

— И что с ней теперь будут делать, неизвестно.

И еще видели мы изрытую выбоинами дорогу, где спотыкались машины и люди. И Деркачев возмущался тем, что тот, кому надлежит следить за этим, забыл о своих обязанностях.

Но возмущение Деркачева дошло до предела, когда мы остановились у котлована в рельсобалочном пролете.

Несколько человек заступами ковыряли едва оттаявшую землю.

— Над людьми издеваются! — возмущался Деркачев.— Разве нельзя механизировать здесь работу? Это же дикость! Это же безобразие!

И действительно, это было безобразием. И об этом надо было писать в газету, об этом надо было говорить на соб-

раниях с таким же возмущением, с каким говорил об этом Деркачев. И ничего нельзя и не надо говорить в оправдание. И не в оправдание бескультурью на стройке хочу я рассказать о мыслях, которые возникли у меня позже, когда я снова обошел строительство уже не с целью подкрепить еще одним фактом критическую статью в газету, а, осматривая величественные сооружения, беседуя с людьми, сравнивая «Азовсталь» сегодняшний и стройку прошлого, вспоминая дни, когда на эту площадку впервые ступила нога строителя.

Было это около двух десятков лет назад. На левый берег реки Кальмиус, заросший камышом и пахучими степными травами, пришли люди, заложившие первые камни этого завода. Почет им и слава, этим людям, вспомним их добрым словом. Они сделали великое и трудное дело.

Была наша страна в то время совсем иной, чем сейчас. Это были годы, когда наш народ только начинал осуществление сталинской программы индустриализации страны. Мы были бедны, у нас не было еще своей техники. Тогда не в диковинку было рыть огромные котлованы для фундаментов лопатой.

Дороги «Азовстали» напоминают теперь широкие проспекты. Люди ходят по асфальтированным тротуарам, не задумываясь над тем, сколько труда потребовалось, чтобы перекопать, разравнять, покрыть асфальтом холмистую степь и комариные болота у реки. И никто в те времена не возмущался тем, что лопата была основным и единственным орудием землекопа.

Старожилам «Азовстали» памятен день, когда на стройке начал работать первый экскаватор. Люди ходили смотреть, как диковинная машина сразу захватывает почти полкуба земли, и с завистью глядели на поблескивавшую заграничную марку—у нас в то время не было еще своих экскаваторов.

...Кто сосчитает, сколько сейчас механизмов на «Азовстали»? Бетономешалки и экскаваторы, бульдозеры и растворо-мешалки, транспортеры и камнедробилки. И автомашины, автомашины... Десятки вереницей идущих автомашин.

Так наша страна перешла в высший класс техники. Очень неохотно прибегают сейчас к ручному труду землекопа, потому, что в нашей стране создана мощная строительная индустрия.

Когда мы заговорили об этом в кабинете руководителя отдела капитального строительства завода Якова Исааковича Брагинского, невольно напросилась аналогия с Америкой. Оттуда недавно вернулся из производственной командировки Сергей Сергеевич Крупенников. Он мог бы, разумеется, много рассказать о богатой строительной индустрии Америки. Мы догоняем ее в этом. Но уже перегнали в другом—в мастерах-строителях. И вовсе не о том идет речь, что у наших инженеров или рабочих-строителей квалификация выше. Оказывается, это дело не первостепенное, хотя и важное. А соль в том, что в силу своей классовой сознательности, революционной выучки, большевистской закалки наши строители смелее, творчески активнее, несравненно более заинтересованы в том, чтобы дело, к которому они приставлены, шло как можно успешнее.

Тот же Сергей Сергеевич Крупенников — пример этого.

При взрыве доменная печь № 4 «Азовстали» не обвалилась. Она сместилась со всей оси, наклонилась в сторону пылеуловителей и чудом держалась на трубах газопровода. По всем правилам строительной техники печь полагалась демонтировать, а затем строить фактически заново. Но советские специалисты не пожелали итти по проторенной дорожке, ибо демонтаж печи дорого обошелся бы и затянул восстановительные работы. Группа инженеров, среди которых был и Сергей Сергеевич Крупенников, разработала оригинальный, смелый проект восстановления домны без демонтажа и блестяще осуществила этот проект.

Будни строительства завода «Азовсталь» полны примеров смелости, творческой зрелости наших строителей. Об одном из многих фактов нам рассказали в машинном зале блуминга.

Обычно якорь мотора доставляется заказчику с впрессованным валом. Впрессовка производится на заводе, где изготовляют якорь, где имеются для этого специальные приспособления, где люди «набили себе руку» на такой работе.

На «Азовстали» получили якорь мотора блуминга с невпрессованным валом. Якорь и вал пришли отдельно, каждый в своей упаковке. Что делать? Не везти же якорь обратно. Это безвозвратно забрало бы время, которым так дорожили строители. Решили впрессовать вал в якорь на месте.

Уже тот факт, что в технической литературе много разно-

голосицы по поводу того, как нужно впрессовывать вал в якорь, сам по себе говорит о сложности предстоявшей задачи.

В американской литературе нашли указание, что надо прогреть втулку якоря до температуры 130 градусов: она расширится и тогда в нее войдет вал. Но на полученном якоре уже имеется обмотка — она больше 95 градусов не выдержит.

Американцы пользуются для прогрева якоря грелками. Но ведь якорь весит 50 тонн, прогрей-ка такую махину грелками в неприспособленных условиях! Подсчеты показали, что на это уйдет не меньше двух недель, не считая подготовительной работы.

Из американской литературы узнали еще об одном способе: пустота внутри вала набивается сухим льдом, вал охлаждается до температуры минус 80 градусов, сужается и таким образом его можно ввести во втулку якоря. Теоретически все это звучит хорошо, и, пользуясь специальными приспособлениями, в заводских условиях можно было бы применить этот способ. Но... Много оказалось этих «но»! Вал надо было бы очень осторожно направлять во втулку. Малейшая заминка, вал коснулся бы втулки, она охладилась бы в свою очередь и вся работа пошла бы насмарку. А направить с миллиметровой точностью вал, весящий 44 тонны, не имея специальных приспособлений, дело очень нелегкое. К тому же возник вопрос: где взять сухой лед? Его надо было везти самолетами из Москвы, требовалась специальная упаковка. В общем, времени и денег потратили бы изрядно...

И тогда потянулись долгие дни размышлений, бессонные ночи. Вспоминали подходящие случаи, рылись в технических справочниках, журналах, а больше—в собственной памяти. Николай Георгиевич Трошин, шеф-инженер по монтажу тяжелых машин, человек, вот уже несколько десятков лет занимающийся этим делом, вспомнил что трансформаторы прогревают индукционным способом. Что если этот способ применить для прогрева якоря? Он поделился со своим помощником Николаем Даниловичем Кабановым.

— А почему бы и нет!

Они подошли к якорю. Он был запакован в двадцатитонный круглый железный ящик. Вот она, одна огромная духовка вместо многих маленьких грелок! Пропустить через упаковочный ящик ток, и он прогреет якорь.

Предложение горячо поддержали. Когда главный инженер

«Южэлектромонтажа» Борис Алексеевич Соколов предупредил, что надо быть осторожнее, заранее все учесть, он знал, что это будет сделано и без предупреждения, а сказал для того, чтобы поднять ответственность людей.

Нет такой мелочи, которая не была бы заранее учтена. Строго распределили обязанности среди бригад. Одной поручили подмащивать шпалы, в обязанность другой входило направлять вал во втулку. В соседнем пролете держали наготове дежурный кран, на всякий случай подготовили домкраты, хотя заранее решили обойтись без них и в шутку выдвинули лозунг «Оставить бригаду домкратчиков без работы». Но шутки шутками, а бригада все же была наготове, хотя делать ей так ничего и не пришлось.

Никто не сомневается в безукоризненности технических расчетов, но не мертвые цифры решают успех дела, а люди. Можно рассчитывать все с точностью до сотых долей миллиметра, но кто обеспечит эту точность? Ведь зазор между валом и стенкой втулки не превысит миллиметра. Кто сумеет так четко орудовать сорокатонной деталью, чтобы нигде не застопорило, нигде не заело?

И снова сказалась техническая зрелость советских людей. Подбор бригад монтажников не представлял особых трудностей. Нашлись люди, которым можно было доверить любую, самую точную и сложную работу: бригада Митрофана Степановича Черница, Константина Леонидовича Прежевальского, комсомольская бригада Александра Александровича Олениченко и другие. Можно было не сомневаться, что они аккуратно и точно выполнят свое дело...

Наконец, все было готово. Включили ток. Упаковка якоря, превращенная в гигантскую духовку, начала отдавать тепло. Сколько терпения требуется, чтобы день за днем, дважды в день измерять втулку, ожидая, когда она расширится на миллиметр. Казалось, ничто не способно заставить этот металл раздаться в сторону даже на ширину волоса. Наконец, на пятые сутки измерение показало, что втулка расширилась на 0,95 миллиметра. Победа! Можно было начинать впрессовку! Без сухого льда, без грелок, не по совету американцев, который дорого обошелся бы нам, а по своему, новому, советскому способу!

И тогда шеф-инженер взглянул на часы и засек время. Вал обхватили тросами.

Через 28 мниут впрессовка была закончена...

Когда мы спросили руководителя отдела капитального строительства завода Якова Исааковича Брагинского, кого бы он хотел отметить на стройке, он, не колебаясь, назвал небольшой коллектив «Термоизоляции» и выделил его за деловитость и точность. Отдел капитального строительства завода «Азовсталь» является заказчиком. Его заказы выполняют многие подрядные организации. При всем том, что Яков Исаакович Брагинский хороший, умный собеседник и приятный человек, разговоры его с подрядчиками часто далеко не из приятных: споры о нарушении графиков работ, о недоделках и прочем. Заслужить одобрение у заказчика не простое дело. И такое одобрение заслужил у завода «Азовсталь» коллектив «Термоизоляции». Как-то руководитель этой организации тов. Кондруцкий позвонил Брагинскому и спросил:

— Есть ли у вас какие-нибудь претензии к нам?

Брагинский спохватился, что о «Термоизоляции» давно почему-то не вспоминал. Заглянул в график, — все как будто в порядке. Но не сказать же подрядчику, что так-таки совсем никаких претензий нет. И сделал пару замечаний.

Через неделю снова звонок:

— Говорит Кондруцкий. Интересуюсь, нет ли у вас каких-нибудь претензий к нам.

Претензий не оказалось.

Прошли уже месяцы. Каждую неделю раздается звонок, и в ответ на вопрос тов. Кондруцкого Брагинский не предъявляет никаких претензий. График соблюдается очень точно.

— Это — высокий класс работы, — говорит Брагинский. — Деловитость, быстрота, аккуратность.

На стройке все больше приверженцев ровной, аккуратной, быстрой работы, четкой организованности.

Накануне пуска блуминга мы беседовали с Анатолием Федоровичем Коротким, руководившим всем механомонтажом. У него был вид очень усталого человека. Последние дни он, как и многие его товарищи, спал по 3—4 часа в сутки. Но вовсе не это он ставил в заслугу своему коллективу. Он с большой охотой говорил не о штурмовых днях, а о днях, когда работали нормально, но зато в полную силу. Он сразу же предупредил, что очень ненаблюдателен и некрасноречив и поэтому вряд ли сможет хорошо рассказать о своем коллективе. Он давал скупые, но меткие характеристики героям монтажа блуминга. Алексей Степанович

Сущинский монтировал рабочую клеть блуминга, нажимное устройство рольганга и другое оборудование. Работает аккуратно, быстро. Петр Кривенко отличается тщательностью работы. Федор Шитов отличился на монтаже рабочего рольганга, конвейера обрезков. Андрей Алферов — на монтаже шестеренной клети, манипуляторов...

Анатолий Федорович Короткий тепло отзывался о своем коллективе, но даже в эти торжественные предпусковые дни говорил об организационных неувязках, тормозивших монтаж, о том, что сроки монтажа можно было еще сократить.

В этом выразилось чувство постоянной неудовлетворенности достигнутым, отличающее наших людей. Они творчески беспокойны, дерзновенны, всегда в поисках нового.

Это очень хорошее, драгоценное качество.

Завод «Азовсталь».
Июль, 1948 г.

С. БУГОРКОВ

ПИСЬМО СТАЛИНУ

Мой народ, негнущийся, прямой!
Шаг твой тверд.
Лучист и ясен взор.
Пишет, над столом склонясь, письмо
Сталину седой старик-шахтер.

«Вешним светом край наш озарен,
Степь в разливе солнечных цветов,
Шлем тебе наш искренний поклон
От семьи донецких горняков.

Вновь цветенье радости у нас,
Ярок дней стремительный полет,
Величавый трудовой Донбасс
В прежний рост отчетливо встает.

Вновь спешат на шахты горняки,
Вновь раскаты песен молодых.
Нарушают властные гудки
Крепкий сон курганов вековых.

Где над пеплом выжженых полей
В тучах дыма утопал закат —
Стройный ряд копров-богатырей
И колосья полные звенят.

В годы тяжких странствий и невзгод,
Когда зверь бродил в родном краю,
Верил наш прославленный народ
В волю непреклонную твою.

Самой светлой мудрости идей
Озарил все радостно вокруг—
Самый человечный из людей,
Самый близкий—вождь, отец и друг».

Мой народ, негнущийся, прямой!
Шаг твой тверд,
Лучист и ясен взор.
Пишет, над столом склонясь, письмо
Сталину седой старик-шахтер.

А. МИХАЙЛОВСКИЙ

ЛУЧШИЙ КРАНОВЩИК СОВЕТСКОГО СОЮЗА

I

Отслужив действительную двухгодичную службу в Красной Армии, Никита Беспалый только на короткое время вернулся в свое родное село Великая Павловка, что на Полтавщине. Ему хотелось приобрести какую-нибудь серьезную специальность. Служба в армии разожгла в нем жажду к знаниям. Отец, Артем Филиппович, коммунист с 1917 года, одобрял намерение сына. Но образование у Никиты Артемовича было только начальное. Правда, он был очень сметлив, настойчив.

— Куда же ты поедешь, Никита? — спрашивал отец.

— А в Поти.

— Куда, куда?

— В Поти, папаша. Город черноморский. Там мой дружок по армии в порту работает.

— А кем же ты будешь работать?

— Там видно будет.

Никита Артемович не имел в виду ничего определенного. Но смутно, в его мозгу возникали мысли о море, о быстроходных судах, о жизни, исполненной увлекательного труда и ярких впечатлений.

Действительность сразу отрезвила его. Он не имел ника-

кой специальности. Так Никита Артемович стал грузчиком Потийского порта. Но на этой работе он задержался недолго. Сталинские пятилетки изменили до неузнаваемости и все портовое хозяйство. Механизация морских причалов, которая еще недавно ограничивалась одними транспортерами, делала теперь семимильные шаги. Тяжелый, изнурительный труд грузчиков вытеснялся мощными портальными кранами. И для работы на этих кранах нужны были сведущие и искусные люди.

Начальник механизации Потийского порта инженер Катарадзе обратил внимание на Никиту Беспалого. В глазах этого стройного, сухощавого человека светился живой ум.

— Товарищ Беспалый, не желаете ли поступить на курсы крановщиков? — спросил он однажды грузчика, пришедшего в портовое управление за получкой.

Лицо Беспалого осветилось.

— Не только хочу, а всей душой стремлюсь, товарищ Катарадзе. Я к вам уже дважды приходил, да не заставал.

— А как у вас с общеобразовательной подготовкой?

— Я полгода уже сам занимаюсь. Думаю, что знаю не меньше других.

Инженеру пришлась по душе настойчивая решимость молодого грузчика.

— Хорошо. Завтра утром приходите ко мне.

Заниматься на курсах крановщиков Никите Беспалому было труднее, чем другим: сказывался недостаток общеобразовательной подготовки. Но преподаватели видели его необычайное усердие и это располагало их к Беспалому.

— Если вам тяжело будет готовить уроки, приходите ко мне домой,—сказал ему инженер Руднев, преподававший основы электрооборудования.

С той поры прошло более десяти лет, а Никита Артемович Беспалый до сих пор с теплотой вспоминает об этом пожилом инженере, оказавшем ему тогда большую помощь.

Недавний грузчик упорно изучал математику и физику, историю и электрооборудование. Но особенно много усилий отдавал специальному курсу—изучению механизмов под'емного крана и правил его эксплоатации.

И чем ближе становился день окончания учебы, тем ясней было, что курсант Никита Беспалый с честью оправдает и усилия преподавателей и средства государства, которые были затрачены на его подготовку.

На экзаменах он показал хорошие знания. Для прохождения месячной практики его направили к опытному крановщику Поплавскому, на мощный кран «Бабкок—Вилькокс». Это было летом 1938 года. Никита Артемович многое перенял у Поплавского, который не таил секретов своего выдающегося мастерства от способного и внимательного ученика. И два года спустя Беспалый, который к тому времени уже давно работал самостоятельно, обогнал своего учителя и завоевал первенство в соревновании потийских крановщиков.

Как он добился этого? Когда Никите Артемовичу задавали такой вопрос, он терялся и не находил ответа.

— Работаю, вот и получается, — неопределенно говорил он. Ему трудно было сформулировать ответ, собрать воедино все те крупицы передового опыта, который только рождался.

Самым ярким воспоминанием у Никиты Артемовича о работе в Потийском порту остался эпизод с пароходом «Курск». В этот день было необычайно жарко, даже море не освежало. Он стоял в кабине крана, попеременно действуя то ручками контроллеров, то педалями тормозов, то рычагами, нагружая чиатурским марганцем пароход. Обычно такой спокойный и уравновешенный, Беспалый нервничал. Два обстоятельства были причиной этого: сейчас, в эти часы и минуты, досрочно завершали свой годовой план Потийский порт и пароход «Курск». И внимание всего коллектива порта и команды парохода было сосредоточено на работе Беспалого. За каждым поворотом крана, за каждым движением стрелы и грейфера следили снизу десятки внимательных глаз.

Когда поздно вечером Никита Артемович спустился с крана, его окружили товарищи, к нему протянулись десятки дружеских рук. Пароход «Курск» был нагружен значительно раньше положенного времени. На другой день в порт пришла радиограмма: нарком наградил Никиту Беспалого денежной премией и значком «Почетный работник морского флота».

Когда началась война с немецко-фашистскими захватчиками, Никиту Артемовича в армию не взяли. Он нужен был в порту, который работал для фронта. Но портовых рабочих поубавилось и особенно острую нужду порт стал испытывать в электросварщиках. Никита Беспалый решил помочь порту: без отрыва от производства проучился он 4 месяца на кур-

сах электросварщиков. И теперь, когда нужно было срочно произвести электросварные работы, портовое начальство решало, можно ли на это время отпустить Беспалого с крана. Вскоре на Никиту Артемовича дополнительно возложили обязанности дежурного механика. Теперь он часто не ночевал дома, спать приходилось в порту, в кабине крана, урывками. Но чем больше он работал, чем сложней становились поручаемые ему задания, тем большее моральное удовлетворение испытывал Беспалый. Это чувство хорошо знакомо каждому советскому человеку, которому в трудные дни войны довелось работать в тылу.

Внезапно из Москвы прибыл приказ: немедленно отправить в Бакинский порт два мощных крана и с ними самого лучшего крановщика. Как ни жаль было начальнику порта лишаться такого работника, как Беспалый, а ничего другого нельзя было придумать. Лучшего, чем Никита Беспалый, в порту крановщика не было. И он уехал в Баку.

В ту суровую пору Бакинский порт приобрел столь важное значение, какого никогда не имел ни до войны, ни после нее. Стоит припомнить положение, создавшееся к тому времени на фронтах, чтобы понять это. Героическая Красная Армия, сражаясь один на один против гитлеровской Германии и соединенных полчищ ее сателлитов, в тяжелых оборонительных боях перемалывала живую силу и военную технику врага. Гитлеровцев гипнотически влекла к себе бакинская нефть. Все сухопутные дороги, ведущие в Закавказье, были перерезаны. Но враг был оставлен на подступах к Владикавказу, ему был нанесен мощный удар в танковой битве в селении Гизель. Дорога к Грозному находилась на стальном запоре. Со стороны Майкопа и Новороссийска немцу тоже не удалось прорваться обходным путем в Закавказье.

В гигантской битве за Кавказ Бакинский порт сыграл огромную роль. Он стал основным транспортным узлом. Сюда, с Урала, через среднеазиатские просторы, шла боевая техника и боеприпасы: отсюда, по Каспию, на Урал отправлялись тысячи тонн чиатурского марганца для металлургических гигантов нашего могучего индустриального востока.

Здесь, в Баку, Никита Беспалый сильней почувствовал грозное дыхание фронта. И это заставляло его с удесятеренной энергией работать на монтаже, доставленных им, мощных портальных кранов, в которых Бакинский порт ощущал сейчас такую острую нужду.

И наконец наступил день, когда Никита Артемович занял свое место в кабине крана у его контроллеров и педалей. Начался новый этап в трудовой биографии Беспалого. Все то, чем позже прославился этот ныне знаменитый крановщик, было впервые постигнуто им здесь, в Бакинском порту, в кабине крана, в лихорадочной работе, не имеющей конца, в труде, стершем границы дня и ночи, заставлявшем забывать об отдыхе, о семье, обо всем на свете, кроме этих кораблей, которые везли в своих трюмах материальное воплощение нашей грядущей победы.

Беспалого знали здесь мало. Но две недели спустя он уже получил первое поощрение: денежную награду. Она обрадовала его, как признание того, что он работает неплохо. Да, по бакинским темпам он работал всего только неплохо. А надо было работать чертовски хорошо, так, как никогда и никто из крановщиков в мире до него не работал. Ведь у причалов Бакинского порта в течение суток пришвартовывались десятки судов. Быстро обработать их, значит помочь скорей доставить на передний край танки и орудия, снаряды и минометы, а на уральские заводы руду. Беспалый глубоко ощущал прямую непосредственную связь своей работы с ходом войны и в кабине крана чувствовал себя как солдат в боевом строю.

И отсюда возникал только один вывод: заставить кран работать быстрее. Беспалый еще в Поти заметил, что соблюдение обычного режима работы крана дает возможность использовать его производительность лишь на половину. Но тогда он не решался делать выводы из своих наблюдений, боясь, что его сочтут легкомысленным зазнайкой. А теперь, здесь он решил действовать.

С чего же надо начинать? Прежде всего, сократить простои между циклами, и сжать до предела время, затрачиваемое на каждый цикл.

Цикл в работе под'емного крана, например, по варианту «судно-берег», складывается из следующих операций: 1) изменение вылета стрелы, 2) опускание грейфера в трюм, 3) захват грейфером груза, 4) под'ем грейфера, 5) подбирание стрелы, 6) поворот крана на склад, 7) вылет стрелы на склад, 8) высыпание груза, 9) подбирание стрелы, 10) поворот крана к трюму парохода, 11) вылет стрелы, 12) опускание грейфера в трюм и т. д. в зависимости от характера производимой работы.

Но так работали до войны, в мирных условиях. Военная обстановка все изменила. Токари заставляли свои резцы в сотни раз быстрее обтачивать детали; нефтяники в невиданно короткие сроки бурили новые скважины; сталевары выпускали скоростные плавки. Люди подчиняли технологию требованиям войны.

Никита Беспалый хотел добиться того же, а это означало, что нужно заставить свой кран работать производительней. Его смелые замыслы опирались на высокую техническую грамотность, на глубокое постижение всех особенностей под'емного крана.

Что же нужно для того, чтобы заставить этот мощный кран работать производительней? Ответ на этот вопрос давно уже был выношен Никитой Беспалым.

— Надо свести до минимума простои между циклами, а самое главное, — сократить длительность цикла, комбинируя, совмещая ряд рабочих операций! — так определил для себя Беспалый свою задачу.

В порт пришел танкер, переоборудованный под рудовоз. Предстояло погрузить на него 5700 тонн руды. Начальник погрузочного участка взобрался на кран и вошел в кабину к Беспалому:

— Норма погрузки — 48 часов. А каждый сэкономленный час, наш дополнительный вклад в общее дело. Понятно, товарищ Беспалый?

— Понятно, — улыбнулся Беспалый.

— За 45 часов погрузите?

— За 45 часов? — переспросил Никита Артемович. — Погружу. — Ответ его прозвучал очень уверенно. В ту пору, сократить на 3 часа норму погрузки считалось делом крайне трудным, ибо нормы были уже сжаты, как казалось тогда, до предела. Сэкономить 20—30 минут—это еще возможно, но три часа, помилуйте, как же это так, это ни что-нибудь, здесь технология, моторы, механизмы, хронометраж! И все таки Беспалый сказал «погружу», ибо внутренне уже был уверен в том, что добьется этого, ибо предложение начальника участка отвечало его собственным желаниям.

И хотя он вскоре во много раз превзошел достигнутые им в те дни результаты, Никите Артемовичу надолго запомнилась эта первая, правда еще не скоростная, а всего только ускоренная погрузка танкера. Все механизмы крана работали безотказно, Грейфер, захватив груз, быстро переносил его на

танкер. То подбиралась, то вновь вылетала гигантская стальная стрела, поворачивался кран, опускался и вновь плавно шел вверх грейфер. Работа велась в напряженном темпе. И 45 часов спустя, Никита Беспалый спустился на асфальт погрузочного участка. Свое слово он сдержал. Его поздравляли, а ему хотелось одного: скорей добраться до постели, чтобы коротким сном прогнать цепенящую усталость, вызванную беспрерывной, почти двухсуточной вахтой.

Несколько дней спустя рекорд Никиты Беспалого был побит... самим Никитой Беспалым. Он загрузил большое судно на 8 часов раньше срока. И это достижение далось ему легче первого, ибо теперь он уже лучше знал, как надо драться за экономию каждой секунды.

Имя Никиты Беспалого стало известным в Бакинском порту. О нем теперь говорили, как об одном из лучших крановщиков. Человек исключительной скромности, Беспалый испытывал чувство неловкости, когда его стали выделять среди других.

Но тут произошло событие, больно задевшее его самолюбие. Однажды утром, развернув свежий номер газеты, он прочел статью об изумительных достижениях крановщиков Владивостокского порта. Было чему удивиться: большой океанский транспорт, при норме в 14—15 суток разгружался за 30—40 часов. Все, чего добился Никита Беспалый, казалось, по сравнению с достижениями владивостоковцев, робкими шагами ученика. Шутка ли! Во Владивостоке, с парохода «Сталинград» крановщики снимали в час 235 тонн груза.

Все механизаторы Бакинского порта взволновались не меньше Беспалого. На совещаниях, в кабинах крана, в портовой столовой, всюду, где собирались крановщики, можно было в эти дни услышать разговоры о владивостокских рекордах, опрокинувших все представления о пределах темпов работы на кране.

Крепко задумался Никита Беспалый. Прикидывал и так и этак, и все никак не мог взять в толк, в чем секрет таких исключительных достижений владивостокских крановщиков. Но здесь ему на помощь пришла, полученная из Москвы, технологическая карта скоростной выгрузки парохода «Сталинград». Он изучал ее вместе с начальником участка.

— Смотрите, да ведь здесь полно механизмов! — удивленно воскликнул Беспалый, и стал считать... — четыре,

шесть, восемь...—Всего оказалось семнадцать кранов.

Никита Артемович вынул карандаш и стал подсчитывать на листе бумаги. За 41 час владивостоковцы сняли 9600 тонн груза. Но разгружали пароход 17 кранов. И выходит, что каждый из них перерабатывал в час всего 15—20 тонн груза. Удивление Беспалого сменилось разочарованием.. Конечно, хорошо, что пароход был разгружен в невиданно короткие сроки. Но разве можно считать достижением такую низкую производительность труда?

— Нет, дорогие друзья! — возвращаясь к себе домой из порта, вел молчаливую беседу с владивостоковцами Никита Беспалый. — На этом успокаиваться нельзя. Механизмы надо использовать полностью. У вас скоростной поток образуется благодаря тому, что вы собираете на разгрузке одного судна десятки кранов, а я буду бороться за рост производительности одного крана. В этом путь к победе, да, только в этом.

У Беспалого в порту было уже много учеников, перенявших у этого крановщика его точное и безукоризненное мастерство. Среди них выделялся Искандерьян. Никите Артемовичу нередко приходилось работать с ним спаренно, двумя кранами. Беспалый продолжал настойчиво учить Искандерьяна, хотя тот уже был сам старшим крановщиком. Искандерьян с радостью принимал помощь Никиты Артемовича. И теперь, когда Беспалый был полон решимости бороться за дальнейшее увеличение производительности крана, себе в помощники он взял Искандерьяна. С ним он делился своими мыслями, с ним вместе настойчиво изо дня в день улучшал режим работы, добивался экономии каждой секунды на том или ином движении крана.

Теперь в кабине крана Беспалого стояла койка. Здесь, отлучаясь только на короткое время, не только работал, но и жил Никита Артемович. Время было горячее, грузооборот порта увеличивался с каждым днем, и люди трудились не столько, сколько это было положено, а сколько могли.

Когда жена изредка, нет-нет, да и упрекнет Никиту, что он забывает о доме и семье, Беспалый, гладя вихрастую голову сидящего у него на коленях сынишки, отвечал:

— А как ты думаешь, на фронте воюют по часам? Когда нужно для победы, тогда и идут в бой. Вот и знай: я тоже на фронте. И кончим этот разговор.

Настойчивость Беспалого, его новаторство, целеустремлен-

ность, собранность вскоре принесли крановщику заслуженную победу. Вместе с Искандерьяном, они двумя кранами с грейферами погрузили на танкер № 267 5500 тонн руды за 10 часов. Такой производительности не добивался до них никто в Бакинском порту.

Слух об этом облетел в те дни все порты Закавказья. Одни удивлялись, другие не верили, третьи стремились разузнать подробней об опыте крановщика Беспалого, чтобы последовать его примеру.

Вскоре после этого выдающегося достижения, в жизни Никиты Артемовича произошло значительное событие: его приняли кандидатом в члены ВКП(б). Коммунисты порта голосовали за его принятие с радостью. В партию пришел человек, который давно уже был настоящим большевиком. Никита Артемович понимал, что теперь, когда он стал коммунистом, его долг — работать еще лучше, еще вдохновенней, чтобы своим трудом увлекать других, как самые смелые увлекают в атаку своих боевых товарищей.

Как-то утром в порт пришли три больших транспорта. Их надо было срочно разгрузить.

— Поставьте суда под краны Беспалого и Искандерьяна,— приказал начальник порта.

Но на этот раз Беспалого не оказалось на его обычном месте в кабине крана «Бабкок—Вилькокс». Накануне, почувствовав сильное недомогание, он, с разрешения начальника участка, ушел домой. Весть об этих транспортах в квартиру захворавшего крановщика принес один из его любимых учеников, семнадцатилетний Рафик Егиазаров.

— Подожди, сейчас вместе пойдем, — сказал ему Никита Артемович, с усилием поднимаясь с кровати.

— Куда ты? — подбежала к нему жена, и расставив руки сказала: — Как хочешь, а я тебя не пущу. Смотрите, Рафик, на нем ведь лица нет, температура, еле на ногах держится. Нет, Никита, не дури, ложись, тебе надо выздороветь.

— А кто же корабли разгрузит?

— Не один ты в порту, и без тебя найдутся крановщики.

— Найтись, то найдутся, но так быстро, как это смогу сделать я, другие, пожалуй, не смогут. — И уже строго продолжал: — Не мешай мне, я тороплюсь.

Когда Никита начинал говорить таким тоном, жена знала, что спорить с ним бесцельно.

Через полчаса Беспалый с Егиазаровым уже стояли в ка-

бине своего крана. Никита Артемович пришел в порт весьма кстати, ибо выгрузка предстояла очень сложная, и начальник участка никак не мог решить, кому поручить ее в отсутствии Беспалого.

Началась разгрузка. Но вскоре на кране Искандерьяна, работавшем спаренно с краном Беспалого, произошла неполадка: из замка кранового троса вылетел палец. Не имея сцепления с грейферным тросом, крановый трос взвился к верхнему блоку стрелы. Для того, чтобы ликвидировать эту неполадку надо было достать 80-метровый канат и прибегнуть к помощи еще семи человек. Как быть? Было уже позднее время, склад, где хранятся канаты,—закрыт. Пока разыщут заведующего складом, уйдет немало времени.

У Беспалого тотчас возникло решение. Он подозвал к себе Егиазарова.

— Слушай, Рафик, ты можешь выручить Искандерьяна.

— Как, Никита Артемович?

Беспалый внимательно посмотрел на Егиазарова, словно оценивая его. — А вот как. Надо подняться на грейфере нашего крана и трос соединить...

— Понимаю, — не дослушав Беспалого, прервал его Егиазаров. — Здорово придумано, Никита Артемович. Конечно, я смогу это сделать.

— Смотри, не сорвись!

Но Егиазаров уже не слушал предостережений .Через несколько минут грейфер крана поднимал его на головокружительную высоту.

Беспалый с волнением следил из своей кабины за Рафиком. Одно неверное движение, и Егиазаров сорвется вниз. Он ругал себя за то, что поручил это ученику, но сам он вряд ли смог бы это сделать, ибо недомогание все сильнее давало себя чувствовать.

Вот Егиазаров уже достиг цели, вот он подтягивает к себе сорвавшийся трос. Молодец!

И кран Искандерьяна снова протянул свою могучую стальную руку к трюму парохода.

На разгрузку трех судов надо было затратить, по самым точным подсчетам, 86 часов. Двое суток, без перерыва, работали краны Беспалого и Искандерьяна. Двое суток больной крановщик не покидал своей кабины. На исходе 48-го часа кран замер. Никита Артемович спустился из своей кабины вниз, на землю. И, странное дело, несмотря на то, что он не

спал двое суток, и перед этим чувствовал себя очень плохо, сейчас от его недавнего недомогания и следа не осталось. Глаза его ярко светились, лицо дышало воодушевлением. К нему подошел начальник участка и крепко пожал руку:

— Невиданный в порту диспач!

— Да, кажется, неплохо получилось—скромно согласился Беспалый.

— Ничего себе, неплохо! — воскликнул начальник участка. — На 38 часов раньше срока разгрузили три парохода. Да ведь так, Никита Артемович, у нас еще ни один крановщик не работал. Да и не только у нас. Ни в одном порту такими результатами не могут похвалиться.

II

Красная Армия, искусно выполняя гениальные стратегические планы великого полководца товарища Сталина, гнала с родной земли немцев. Фронт отодвинулся далеко на запад. Жизнь снова возвратилась в освобожденные советские города и села. Начиналось восстановление заводов, фабрик, шахт. Вместе с предприятиями оживали и порты Азовья.

Немецкие захватчики почти полностью уничтожили все механизмы и сооружения крупнейшего на Азовском море Мариупольского порта.

«Морские ворота Донбасса», — так с заслуженной гордостью называют не только мариупольцы, но и все донбассовцы этот порт, который ныне, как и до войны, выполняет большие грузо-перевалочные работы. Отсюда пароходы увозят донецкий уголь и металл, химикаты и украинский хлеб. Сюда доставляют для донецкой металлургии превосходный чиатурский марганец, строительные материалы и многое другое.

Мариупольским портовикам, вернувшимся к себе после изгнания немцев, представилась чудовищная картина. Все краны были подорваны и сброшены в море, железнодорожное хозяйство разрушено, паровозы пущены под откос, рельсы сняты.

Но ни у кого из портовиков не опустились руки. Это были закаленные люди, привыкшие преодолевать трудности. В дни войны они работали на Черном море, на Балтике, в портах Архангельска, Мурманска. И сейчас с удесятеренной энергией взялись они за возрождение Мариупольского порта, который до войны рос на их глазах, строился их собственными руками.

Их было много этих энтузиастов восстановления: и начальник порта Н. Иванченко, и механик паровозного парка В. Шиунов, и механизатор Г. Гуров, и крановщики Боцман, Ярмаш и многие другие. Каждый из них не жалел сил, не думал о личных удобствах, заботясь только о том, чтобы родной порт снова мог принимать у своих причалов корабли.

Была победоносно завершена Великая Отечественная война. Из Баку, по указанию министерства, вместе со своим краном «Бабкок-Вилькокс» в 1945 году в Мариуполь направили знаменитого бакинского крановщика Никиту Артемовича Беспалого. Это было вызвано необходимостью усилить возрождаемый Мариупольский порт, на который в новой послевоенной пятилетке возложены значительные задачи. Нелегко было Никите Беспалому расставаться с дружным коллективом бакинских портовиков. Но приказ есть приказ. И Никита Артемович приехал в Мариуполь. Здесь его встретили радушно. С уважением глядели мариупольские портовики на высокого худощавого крановщика, на груди которого сверкали орден «Знак Почета» и медаль «За оборону Кавказа». Они знали, что эти награды Беспалый заслужил в дни войны своей самоотверженной работой на под'емном кране.

Приближалось к концу восстановление порта. Ему на 1947 год впервые дали производственный план. Перед началом навигации состоялось партийное собрание, посвященное подготовке к грузоперевалочным работам.

В прениях выступил Никита Беспалый. Портовые коммунисты внимательно слушали человека, за плечами которого был замечательный опыт работы в Баку.

— Необходимо найти внутренние резервы для успешного выполнения производственного плана,—говорил Беспалый. — И в этом нам большую помощь может оказать осуществление скоростного режима работы на кране. Тем самым мы сможем увеличить количество рейсов азовских рудовозов. Каждый кран должен и может работать со значительно большей производительностью, чем это обусловлено существующими нормами, которые давно уже отстали от жизни, от передового опыта лучших стахановцев-крановщиков.

Словам Беспалого все аплодировали. Все были согласны с тем, что он говорил. Но далеко не все верили в возможность в несколько раз увеличить производительность крана. Так в Мариуполе не работали. Были здесь свои отличные крановщики, такие, как Загнойко и Кривой. До войны они слави-

лись в этом порту. Но таких задач они не ставили перед собой. И вдруг приезжает в порт новый человек, и говорит, что можно заставить кран работать в несколько раз быстрее. Было от чего прийти в недоумение крановщикам.

— На словах, конечно, все легко,—говорили некоторые.— А вот посмотрим, что получится, когда навигация начнется.

И навигация началась. С первых чисел апреля в Мариупольский порт стали прибывать первые азовские рудовозы. Никита Артемович Беспалый тщательно подготовился к навигации. Раньше, когда он работал в Поти, а потом в Баку, ему, главным образом, приходилось грузить чиатурскую руду. А в Мариуполе руду выгружали. Выгрузка руды является более сложным делом, чем погрузка. Но это не смутило Беспалого. Он все заранее продумал и пришел к выводу, что и на разгрузке можно также успешно применять принципы скоростного режима работы на кране, как и на погрузке.

Однажды в порт пришла с грузом баржа № 1. Она привезла из Поти 1300 тонн чиатурской руды. Для разгрузки баржа была поставлена под два мощных портальных крана.

Несколькими часами позже у причала пришвартовался рудовоз «Райкомвод». Груз — 1060 тонн, время на обработку —24 часа. Это хорошо знал Никита Артемович, которому было поручено разгрузить судно.

— Беспалый начинает, — сказал, подходя к причалу, крановщик Загнойко своему товарищу, тоже крановщику Кривому. — Говорил он, что заставит кран в несколько раз быстрее работать. Давай посмотрим, как это на деле получается.

— Давай!

Сначала они наблюдали снизу. Их удивило, что Беспалый поставил свой кран не точно по поперечной оси трюма, как это делали они сами, а несколько в стороне.

— Что-то он мудрит, — недовольно сказал Кривой.

— Постой, не торопись с выводами, остановил его Загнойко, и они оба замолчали, пораженные увиденным. Обычно крановщики крайне редко совмещают движения крана, стрелы и грейфера. Это запрещается и инструкцией и традициями работы. А тут на глазах, Беспалый одновременно совершил под'ем грейфера, поворот крана и изменение вылета стрелы.

— Да ведь он аварию сделает! — заметил один из молодых крановщиков порта, подходя к Загнойко и Кривому. —

Смотрите, грейфер только вышел из люка, а он уже начинает кран поворачивать. Вот сейчас зацепится!

Но тут они увидели, как, благодаря изменению вылета стрелы, грейфер отодвинулся в сторону, обходя препятствие.

— Здорово! — восхищенно проговорил Загнойко. — Никогда бы не поверил, если бы сейчас собственными глазами не увидел. Давай поднимемся к нему.

И вместе с Кривым они стали взбираться по крутым лесенкам крана.

— Здравствуй, Беспалый,—вошел в его кабину Загнойко.—Вот, прибыли полюбоваться твоей работой.

Никита Артемович внимательно посмотрел на Загнойко. Ему показалось, что тот иронизирует. Но в голосе старого крановщика звучало неподдельное уважение, а глаза смотрели с дружеской приязнью.

— Пожалуйста. Я секретов не имею, — улыбнулся Беспалый и снова повернулся к панельной доске.

Два часа простояли Загнойко и Кривой в кабине у Беспалого. И уходя, оба, в один голос, сказали:

— Молодчина!

То, чему они не верили, оказалось правдой. Никита Беспалый не хвастал, когда говорил, что можно заставить кран работать в несколько раз быстрее, благодаря применению выработанного им нового скоростного режима.

— А ты обратил внимание, как он плавно краном управляет, — говорил Кривому Загнойко, идя по улице порта. — Кран у него не дрожит, не дергается. Нет, ей богу, он замечательный мастер.

— Да, скорости он переключает исключительно ловко.

Оба крановщика были несколько подавлены тем, что они сейчас увидели. И это было понятно. Много лет они работали на кране и неплохо работали, и ни одному из них не пришло в голову, что можно все делать по другому, как Беспалый. Но ни у Кривого, ни у Загнойко не было ни злобы, ни зависти.

— Придется, видимо, нам с тобой к нему в ученики итти,—усмехнулся Кривой.

— А чего ж. Хорошему делу никогда не поздно поучиться,—согласился Загнойко.

Тем временем у причалов все складывалось необычно. Семь часов пятнадцать минут спустя, после того, как началась разгрузка, «Райкомвод» отшвартовался от берега и ушел

из порта. На его место, под кран Беспалого стал только что подошедший пароход «Краснодон».

И снова Никита Артемович включил моторы.

960 тонн чиатурской руды были выгружены Беспалым из трюмов «Краснодона» за 6 часов 30 минут. Итог был внушительный: «Райкомвод» — 1060 тонн, «Краснодон» — 960 тонн, итого 2020 тонн, выгруженных за 13 часов 45 минут при норме на оба парохода —44 часа.

Беспалый возвращался к себе домой, когда его остановила посыльная из управления порта:

— Вот вам радиограмма,—передала она лист бумаги.

— Мне?—удивился крановщик и, с трудом разбирая скверный почерк радиста, стал читать:

«Теплоход «Краснодон»

Мариупольский порт тов. Беспалому.

Ваша работа по выгрузке 1060 тонн руды одним краном за 7 часов 15 минут ярчайший образец стахановского труда советских людей. Трудовая дружба портовиков и моряков дает нашей стране дополнительные тонны грузов, ускоряет восстановление и развитие народного хозяйства нашей Родины. Мы обязуемся превратить наши рейсы в скоростные. От нашей с Вами слаженной работы зависит успешное выполнение взятых перед страной обязательств. Желаем успеха в подлинно творческой совместной работе на благо нашей Родины.

По поручению экипажа капитан Парчелли».

Так, моряки, только что ушедшего из порта теплохода, приветствовали своего товарища, показавшего, чего может добиться советский человек, воодушевленный сознанием важности своей работы для всей Родины.

В эти минуты у причала все еще стояла баржа № 1, пришедшая на два часа раньше первого из двух обработанных Беспалым пароходов. Ее до сих пор продолжали разгружать двумя кранами.

Никита Артемович уже подходил к дому, когда из-за угла перед ним вдруг вырос заместитель начальника порта Козинчук.

— Ну, как дела, Беспалый?

— Неплохие.

— Ты из порта?

— Да.

— А кто «Райкомвод» разгружает?

— Я разгружал.

— То-есть, как «разгружал»? Почему же ты ушел?

— Уже разгрузил.

— Знаешь, я шуток не люблю.

— Да, я не шучу, — не выдержав, улыбнулся Беспалый

—Здорово! Ну, а «Краснодон» подошел всего несколько часов назад. Пойду посмотрю, как там дела идут.

— И «Краснодон» уже разгружен и ушел, — рассмеялся Беспалый.

— Кто же его разгрузил?

— Я.

— Ты? — не доверяя своему слуху, переспросил Козинчук и нахмурился. — Знаешь, Беспалый, я тебя считал человеком серьезным, а ты, оказывается, людей морочить любишь.

— Да нет, товарищ Козинчук, я вам чистую правду докладываю .

Козинчук внимательно поглядел на Беспалого и вдруг понял, что все обстоит именно так, как ему сказал крановщик.

— Да, ты просто богатырь, товарищ Беспалый! Ну дай я тебя расцелую за такую работу. — И не в силах сдержать переполнивших его чувств, он обнял крановщика.

Весть о небывало высокой производительности, достигнутой крановщиком Никитой Беспалым разнеслась по всем портам Советского Союза. Повсюду интересовались опытом его работы, появились последователи, стремившиеся применить его метод.

Никита Артемович спокойно относился к славе, которая пришла к нему. Попрежнему его каждый день можно было увидеть в кабине крана, захваченным напряженной работой.

Беспалый изо дня в день добивался новых успехов, превосходя свои прежние достижения. А спустя несколько месяцев он добился совершенно исключительного результата: пароход типа «Краснодон» при норме в 20 часов он теперь разгружал за 4 часа

В Мариупольском порту его методы переняли и старые крановщики Загнойко и Кривой и молодые — Благочинный, Арисанный и другие.

Но Никиту Артемовича это не удовлетворяло.

— Надо, чтобы в наше соревнование были вовлечены и потийские крановщики и моряки, — сказал он в партийном комитете порта.

И партийная организация горячо поддержала его предложение.

Потийцам был отправлен по радио вызов на социалистическое соревнование. Помимо этого, Беспалый обратился к потийским крановщикам с личным письмом.

«Дорогие друзья! — писал он. — Загружайте наши суда рудой только досрочно. Мы их в Мариуполе будем отпускать также раньше положенного времени. Этим мы увеличим оборачиваемость флота, больше перевезем руды для металлургии Юга».

Вызов мариупольцев и письмо Беспалого встретили горячий прием у потийцев. Они тотчас откликнулись, приветствуя начало этого замечательного соревнования. А несколькими днями позже из Поти в Мариуполь один из рудовозов доставил ответное письмо, адресованное Беспалому. Крановщики Потийского порта Шота Турдзеладзе, Евгений Чернов и Марфа Буряк писали:

«Товарищ Беспалый! Мы хорошо помним тебя на работе в нашем порту. Вызов твой на соревнование принимаем. Обязуемся отпускать суда Азовского флота, грузящиеся в нашем порту марганцевой рудой, только с диспачем. Будем держать крепкую постоянную связь».

«Мы хорошо помним тебя по работе в нашем порту» — эти слова письма больше всего взволновали Никиту Артемовича. Многое вспомнилось ему. Там, в Потийском порту, начинал он свою работу на кране. Первые ошибки и первые успехи, первые печали и первые радости неразрывно были связаны в его сознании с тем далеким черноморским портом, откуда теперь в Мариуполь пароходы везли чиатурский марганец. Социалистическое соревнование связало тысячами нитей чудесной трудовой дружбы эти два порта, отстоящих друг от друга на много километров.

...Из Поти в Мариуполь идет теплоход «Тракторист». Он везет в своих трюмах сотни тонн чиатурской руды, досрочно погруженной крановщиком Турдзеладзе. Когда судно приближается к порту, капитан «Тракториста» заходит в рубку радиста и просит его немедленно передать начальнику порта короткую радиограмму:

«Просим поставить теплоход под кран Беспалого».

Попасть под кран Беспалого стремится каждый капитан рудовоза. Если краном будет командовать Никита Беспалый, значит судно разгрузится досрочно на несколько часов.

Просьба капитана «Тракториста» удовлетворена. Вот и раздельный мол Мариупольского порта. Никита Беспалый уже на своем посту, в кабине. Он хорошо знает это судно, детально знаком с особенностями устройства его грузовых помещений, с тем, как расположен груз в трюмах. Это помогает крановщику еще больше ускорить работу. Грейфер крана Беспалого с поразительной точностью проникает сквозь узкий просвет в трюм, поднимается обратно и засыпает рудой поданный под погрузку вагон.

Теплоход отходит от причальной стенки на шесть часов раньше.

— Передайте привет Шота Турдзеладзе и Марфуше Буряк!—кричит капитану Никита Беспалый.

— Обязательно передам. А вам привет и спасибо от всего нашего экипажа.

Так возникла скоростная рудная линия «Поти-Мариуполь».

Как-то в воскресный день почтальон принес на новую квартиру Никиты Беспалого, в которую он недавно перебрался, большую телеграмму. Министр морского флота писал знатному крановщику:

«Начавшееся по вашей инициативе социалистическое соревнование крановщиков Мариупольского и Потийского портов имеет большое государственное значение. За вашими успехами и достижениями крановщиков товарищей Загнойко, Турдзеладзе, Буряк и других новаторов пристально следят советские моряки и портовики».

Это пристальное внимание к его работе Никита Беспалый ощущает ежедневно. Он знает, что за его соревнованием с потийцами следят на причалах Архангельска и Риги, Мурманска и Одессы, Владивостока и Калининграда.

Но всеобщее внимание и всесоюзная известность не кружат ему голову. Наоборот, это заставляет его работать с еще большим напряжением сил, добиваться все новых и новых успехов. Никита Беспалый принадлежит к тем людям, которые никогда не успокаиваются на достигнутом.

Как всегда, он и теперь приходит на причал за час до начала своей вахты. У него есть железное правило: осматривать кран, когда на нем еще работает крановщик, которого Никите Артемовичу предстоит сменить. Беспалый зорко следит за работой крана, ибо в эти минуты лучше всего можно выявить, как действует кран или механизм этой сложной машины.

Хотя Никита Артемович напамять успел изучить инструкцию по технической эксплоатации, все же он всегда заглядывает в нее, сличая действие электрической части крана с требованиями этой инструкции. Затем он начинает тщательно проверять и регулировать тормоза, смазывает все трущиеся части крана, включает рубильник и вслушивается в работу моторов.

И когда его спрашивают о причине его исключительных успехов, он неизменно отвечает:

— Первая причина, тщательный уход за краном. Когда кран в исправности, знающий крановщик может выжать из него максимум производительности. Работаешь не боясь, что у тебя могут подвести механизмы.

Закончив осмотр, Беспалый перед тем, как начать работать, оглядывается вокруг. Перед ним, из окна кабины, с высоты крана, открывается широкая панорама. Он видит порт, мариупольские металлургические заводы, пепельное Азовское море, по которому, дымя, идут в далекое Поти рудовозы за новым грузом чиатурского марганца. И к сердцу Никиты Артемовича приливает теплая волна. Нет, не зря он живет на свете. Родина недавно наградила его вторым орденом «Знак почета». Начатое по его инициативе соревнование потийцев и мариупольцев теперь стало всесоюзным, охватило всех крановщиков морского флота. Приказом Министра ему присвоено звание «Лучший крановщик». По методу Беспалого ныне работают во всех портах от Черного до Белого моря, от Одессы до Владивостока. Нашлись молодые крановщики, которые даже превзошли своего учителя. Вот, например, ученик Беспалого Покотилов, на 10 минут быстрее, чем Никита Артемович, разгрузил пароход типа «Краснодон». Молодчина, Покотилов! Но и это не предел для роста производительности крановщика.

У Беспалого возникают новые планы.

Сильный скрежет наполняет кабину крана. Стальной великан начинает свой новый трудовой день. Его движениями управляет человек со светлой головой и горячим сердцем, имя которого с уважением называют во всех портах нашей Отчизны.

Мариуполь-порт.
Июль, 1948 г.

П. БЕСПОЩАДНЫЙ

ПО ДОРОГЕ К ШАХТЕ

Минуя «Ключевую балку»,
Идут, сутулые слегка,
Идут, как моряки, вразвалку,
Идут два знатных горняка.
Над головою синь без края,
Скворец стрекочет на суку.
Спешит сирена заводская
Навстречу шахтному гудку.
Один сказал:—Как верно дружат!
Второй ответил:—Время встреч...
Одной Отчизне честно служат,
Одну любовь должны беречь!
Поют отзывчиво, приветно...
Высок, могуч свободный труд!
...Так в разговоре, незаметно
К воротам проходным придут.
И длятся, длятся разговоры
О новых методах работ,
О знатных горловских шахтерах,
Забои двинувших вперед!
Где день за днем берут высоты,
Там—верховодом Тюренков,
Как пчелы, наполняют соты
Добром на славу горняков!
— Ну, пчелы, муравьи, такое
Сказал,—Бойцы! Богатыри!

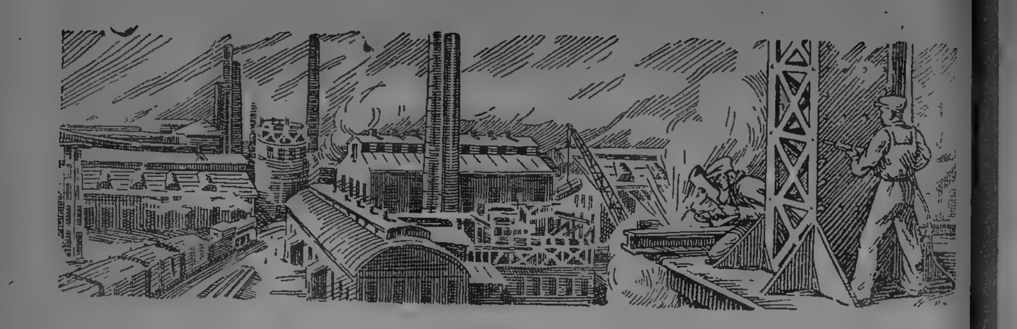
Там уголь Волгою-рекою
Бушует, что ни говори!
— А что ты новое придумал,
Чтоб проходить ловчее штрек?
И с нормой, кажется, в ладу мы,
А мало, милый человек!
Электровоз бежит по штреку—
Ему подай большой разбег...
Ведь Сталин дал движенье веку,
Чтоб были на виду у всех!
Найди такую радость в мире,
Как наша дружная страна...
Нам Ленинград сказал: «В четыре»,
А надо «в три»—рубать сполна!

Пойдешь вперед без остановки
Пласты и рушить, и крушить.
Кузнец быстрей дает поковки,—
И сталь скорей в ковши бежит.
Комбайны—корабли на поле,
Паровики дружней гудут...
Все в нашей силе, в нашей воле,
Ведь мы у мира на виду!
Да, на виду! И труд советский
Нам по душе, нам по плечу!
Твои проценты ценны, вески,
А я вот—большего хочу!

—По-твоему, я не желаю,
Идя с тобой в забой чуть свет,
Добра Донбассовскому краю?
Нет, ты не прав, не прав сосед!
Волнуясь, бросил папиросу,
И снова просит прикурить,
И на соседа смотри косо.
— Тебе не стыдно?—говорит.

Я план сегодня предлагаю,
Чтобы не только ты да я
Гремели по родному краю,
А вся шахтерская семья!
Сегодня с главным инженером,
С парторгом нам держать совет,
Как штрек крепить иным манером,
Готовься выступать, сосед...

Присядь, соседушка, на бровку,
Поговорим под звон криниц...
И проведем здесь подготовку,
Пока скачают клетью вниз.—
Один погасит папиросу,
Второй предложит прикурить,
Один украдкой глянет косо,
Второй надеждой озарит.
И спор закончен полюбовно,
Ладони клятвенно сплелись...
Решен вопрос горячий, кровный,—
Соседи с бровки поднялись.
Один сказал:—Ликуйте, птицы,
Цвети, природа, торжествуй!
Второй сказал:—Зовут криницы
Отведать хмель студеных струй...
Так решено! На «шаг широкий»
Перевести просторный штрек!
Обгоним время, сблизим сроки,
Откроем двери в светлый век!
Минуя «Ключевую балку»,
Идут, сутулые слегка,
Идут, как моряки, вразвалку,
Идут два знатных горняка:
Над головою синь без края...
Скворец стрекочет на суку,
Спешит сирена заводская
Навстречу шахтному гудку.
«Поют отзывчиво, приветно...
Высок, могуч свободный труд!»
...Так в разговоре, незаметно
Соседи к проходной идут.

Р. ХАРСЕЛЬ

ВОССТАНОВИТЕЛИ

С КРЫШИ восстанавливаемого цеха, с высоты 45 метров открывается величественная панорама индустриального Краматорска. Отсюда в ясную солнечную погоду видны все концы этого огромного города заводов. На севере маячат мощные, приземистые корпуса «Станкостроя», далеко на юге красуются домны завода имени Куйбышева. Почти бок о бок с восточной заводской стеной бегут свежевыкрашенные трамвайные вагоны: в город и на «Станкострой». Рядом со стройными столбами, поддерживающими красиво изогнутые кронштейны троллея, вьется шоссе, беспрерывным встречным потоком несутся автомашины: и в Сталино, и в Славянск. А дальше, на восток — утопающие в зелени квадраты кварталов рабочих поселков — и так почти до самого горизонта.

На западе—прямо перед нами, загораживая перспективу города, высится гигантское сооружение восстановленного термического цеха. Его 56-метровый корпус, несмотря на массивность и величественность, кажется ажурным, просвечивающимся. Да это и в самом деле так. Это не только самый высокий на ордена Ленина Ново-Краматорском заводе тяжелого машиностроения цех. Это также самый светлый цех. Больше половины площади его стен это железные сварные

остекленные рамы. Кроме того—это также самый «глубокий» на заводе цех: в нем вырыты 30-метровые закалочные и томильные колодцы.

— Этот цех тоже мы восстанавливали,—не без гордости говорит начальник третьего строительного участка Владимир Георгиевич Федоров.

Замечательная эта фраза «мы восстанавливали... наша работа», произносится здесь с чувством заслуженной гордости, как нечто само собой разумеющееся, не могущее вызвать и тени сомнения в истинности вложенного в нее понятия. Эту фразу с одинаковой интонацией произносят и начальник первого стройуправления Иван Витальевич Марценюк, и техник Людмила Устинова, и бригадир плотников Григорий Котенко, монтажники, каменщики, стекольщики, маляры, штукатуры, грузчики...

Здесь, на крыше рождающегося первенца донецкого экскаваторостроения, восстанавливаемого руками этих людей, фраза эта приобретает особое значение, звучит утверждающе. Владимир Георгиевич Федоров, не спеша, повествует нам историю возрождения завода заводов. Рассказывая, он то и дело поворачивается и указывает рукою в ту или другую сторону.

— Пришли мы сюда в 1943 году сразу же после изгнания немцев. Трудно сейчас передать, какое запустение мы здесь застали. Вот в этой зелени, которая покрывает большую часть заводского двора, на свободе бегали зайцы; в цеху, на крыше которого мы сейчас находимся, среди покареженных взрывами конструкций и подкрановых балок, люди выслеживали лисиц. Страшно, обидно было вдыхать нежилой, затхлый воздух запустения в когда-то красивых цехах, многие из которых я строил.

Советская Армия еще добивала полчища оккупантов, а строители приступили уже к восстановлению сердца завода—теплоэлектроцентрали. Это был первый восстановленный коллективом об'ект. Здесь была одержана и первая победа: весь комплекс ТЭЦ был сдан в эксплоатацию досрочно. Котельная, машинный зал, здание главного щита управления, распределительных устройств, угледобычи, склады, узел гидрозолоудаления—все это вступало в строй значительно раньше намеченного графика. Фундаменты под турбину были готовы на полмесяца раньше срока.

Опережение графиков стало трудовой традицией славного коллектива восстановителей. За два с половиной месяца до

срока дала энергию подстанция № 3, затем ток пошел и от подстанции № 6. Живительная сила электричества привела в движение транспортеры, бетоно и растворомешалки, циркуляционные пилы и электрофуганки, засияли в ночной темноте фиолетовые зарницы электросварки, деловито зарокотали первые небольшие подвесные краны. Встал из руин механический цех № 3. Здание, фундамент и каналы здесь восстановлены строителями третьего участка.

— Трудно сейчас перечислить все, — говорит тов Федоров.—Сталелитейный, электропечь, мартен... Одних только бытовых и подсобных помещений мы сделали более 4 тысяч квадратных метров.

— Трудно перечислить напамять, без сводки, — говорят и в парткоме треста «Донмашстрой». Парторг ЦК ВКП(б) на строительстве тов. Брилев перечисляет крупные стройки: заводы им. Сталина, им. Орджоникидзе, «Сталинстрой» им. Куйбышева, где три домны уже восстановлены, а четвертая в монтаже, завод минеральной ваты — в Краматорске, «Машчермет» — в Славянске, «Автостекло» — в Константиновке, динасовый—в Деконской, керамический завод «Красная звезда»—в Кондратьевке, болтовый—в Дружковке. Рука его невольно потянулась к лежащей на столе сводке.

...Трудно даже только перечислить поднимающиеся из руин заводы и шахты Донецкого края. У морских ворот Донбасса—в Мариуполе—снова дымят разрушенные когда-то немецкими варварами трубы гигантских заводов, снова бесконечной лентой идет прокат Макеевского блуминга, уже три домны работают в Сталино, работают сотни восстановленных шахт, возродились могучие электростанции, наполнились веселой молодежью с орденскими ленточками на груди просторные и светлые аудитории институтов, побежали трамваи по улицам шахтерских городов...

Трудно, очень трудно перечесть все то, что уже возвращено к жизни в Донбассе после изгнания фашистских вандалов.

Помощник главного инженера первого строительного управления по технике безопасности Григорий Михайлович Муров находится на заводе с первого дня освобождения этой территории нашими войсками. Он очень ревниво ценит труд восстановителей. И, глядя на искалеченные корпуса цехов, ждущих восстановителей, он говорит с негодованием:

— Никогда мы не забудем того горя, которое нам причинили фашисты. Этого нельзя забыть, нельзя этого и простить.

Заводы можно восстановить, но нельзя залечить те раны, которые остались в сердцах наших людей в результате этой страшной войны.

И словно извиняясь, он смущенно добавил:

— Не так кажется выразился. Но все это пережито.—А через несколько секунд, он уже спокойнее рассказывал: — Партийная организация послала меня на этот участок в качестве агитатора. Я здесь провожу беседы с рабочими, выпускаю стенгазеты «Крокодил», «Молния», популяризую опыт передовиков. Но никогда, ни на минуту меня не оставляет впечатление от первого знакомства с разрушенным заводом. И во всей своей агитационной работе я веду одну линию: нужно работать сегодня лучше, чем вчера, а завтра — лучше, чем сегодня. Нужно максимально скоро и предельно прочно строить, строить так, чтобы мы были еще сильнее. Мы молоды. Наша страна — это весна человечества и поэтому мы должны быть сильными и мы будем строить и строить.

Пройдя несколько шагов по крыше первого пролета, Муров указал на огромные щиты и транспоранты шеренгой вытянувшиеся вдоль всей строительной площадки. Огромные яркие буквы были хорошо видны: «Каменщики! Берите пример с бригады Николая Егоровича Сметанко! Они работают уже в счет 1949 года». «Бригада жестяников Василия Растеряева приступила к выполнению плана последнего года послевоенной пятилетки». Другие плакаты призывали монтажников следовать замечательному почину бригад скоростников —товарищей Шиша, Беленко, Носенко, которые с 15 июня работают по нормам 1950 года. Перед входом в цех стоит большой щит, на нем написано: «Восстановитель! Работая по-стахановски, ты выполняешь почетное правительственное задание. Сдадим досрочно экскаваторный цех под монтаж! Дадим возможность в сентябре выпустить первый краматорский экскаватор!»

Обходя крышу этого величественного цеха, занимающую площадь величиною с футбольное поле, удивляешься об'ему проделанной работы. На срезе, незаделанных еще отверстий для дождесборников, можно проследить последовательность работ кровельщиков. На стальные конструкции потолочного перекрытия уложены железобетонные плиты. Швы между ними залиты битумом. Поверх плит засыпан слой утеплителя— ведь цех механический печей не имеет—этот слой шлака необходим для удержания тепла калориферов, которыми цех

будет обогреваться в зимнее время. Шлаковый слой покрыт несколькими слоями мягкой кровли, обильно смазанной битумом и присыпанной мелким песком. Здесь уложено более 20 тысяч квадратных метров различных видов кровельных материалов. Несколько вагонов стекла понадобилось для того, чтобы остеклить пять фонарей над кровлями каждого пролета.

По отсутствию на крыше механизмов, по малому числу людей можно догадаться, что работы идут к концу. У одного из фонарей мы познакомились с лучшим жестяником участка Василием Ивановичем Растеряевым. Вместе со своим подручным, недавно закончившим школу ФЗО—Василием Пашко, он быстро выбирал из лежавшей возле него кучи жестяных жолобков один и ловко прилаживал его в стыке фонаря с крышей.

Разговорились. Василий Растеряев с увлечением рассказал о своих рационализаторских усовершенствованиях, о работе своей бригады.

— Где же ваша бригада сейчас работает? —спросили мы.

— А вот она—я да Вася, вся бригада.

Эти два человека, гордо именующие себя бригадой, в действительности выполняют работу целой бригады. Для того, чтобы обеспечить фронт для рабочих других профессий здесь должны были трудиться 8 жестяников. А они вдвоем разрезали, согнули и установили ввиде жолобов фартуков и гребней на крыше будущего экскаваторного цеха 200 тонн утолщенного кровельного железа. При норме 22 погонных метров они за смену укладывают по 360 погонных метров жестяных фартуков под фонари.

— Мы не только для себя стараемся, а для общего дела. Нужно, чтобы не только мы работали, а чтобы и другие не стояли, — говорит Растеряев. — Фронт работ нужно ширить.

Чудесное боевое слово — фронт работ — повелевает всеми и каждым. Та же бригада Растеряева в своем стремлении расширить фронт работ для других профессий, отлично справилась и с более сложными работами. Гигантская крыша цеха подвержена влиянию температуры. Для того, чтобы предохранить все сооружение от деформации, здесь, через равные промежутки, устроили температурные компенсаторы-гармошки «температурные швы», как называют их восстановители. На установке щитков из утолщенного железа над этими швами бригада Растеряева в 5—7 раз перекрыла плановую производительность.

Не богатырская физическая сила помогла Василию Растеряеву добиться таких результатов (его нельзя назвать атлетом: худощавый, немного сутулый, но с сильными жилистыми руками). Ему помогла рабочая сметка, желание сделать побольше, поскорее и получше. Долго ломал он голову над тем, как механизировать свой труд и в конце концов добился этого.

На машинно-прокатной базе стояли без дела роликовые ножницы. Растеряев попытался их выписать, но ему отказали, ссылаясь на отсутствие мотора к ним. Он рассказал об этом на партийном собрании. Ему помогли, ножницы были доставлены на площадку. Вращая их вручную, Растеряев ускорил резку листа в три раза. Через пару дней к ножницам поставили моторчик и резка, по сравнению с ручной, пошла в восемь раз быстрее. Но он не успокоился и на этом. Из двух обрезков рельсов сам сконструировал и смонтировал на кровельном верстаке ручной гибочный станок. Здесь оказалось возможным огибать жолоба и фартуки всех нужных профилей. Подготовительная работа проводилась на земле, затем заготовки краном подавались наверх. Процесс установки сам по себе занимал очень мало времени. Так стахановец опередил все предложения инженеров.

— Случалось и так, — говорит Растеряев, — что мы другим фронт работ подготовим, а самим работать негде — нам его не подготовили. Что ж, и в этих случаях мы не сидели, сложа руки. Я сам и помощник мой, Вася Пашко, овладели несколькими строительными профессиями. В случае надобности мы работали на всех видах кровельных работ: и на мягкой кровле, и на шифере, и бетонные плиты укладывали на арматуру. Работали также бетонщиками, малярами, стекольщиками. Что касается приспособлений, так мы их на всех участках внедрили. Я сам целый день ходил инструктировать жестянщиков. Прививается: уже несколько бригад работает по моему методу.

Энтузиаст, изобретатель, настоящий большевик — Василий Растеряев соревнуется с лучшей в тресте комсомольско-молодежной бригадой монтажников Бориса Шиш.

...Через неостекленную еще сторону фонаря четвертого пролета можно наблюдать работу монтажников. Их передвижения по подвесным стеллажам и фермам перекрытия напоминают трудовую суетливость муравьев. Находясь на большой высоте, они поворачиваются осторожно, но как-то споро и уверенно. Перемещая рамы переплетов, намного превышаю-

щие их рост, молодые монтажники, несмотря на кажущуюся медлительность движений, быстро заполняют зияющие провали между ферм решетчатыми переплетами. Почти одновременно — сверху и снизу — сверкают огоньки электросварки. А к приваренному переплету уже подносят аккуратно нарезанные пластинки стекла.

Двадцатилетний полтавчанин Борис Шиш приехал в Краматорск немногим больше двух лет назад. Сметливый, энергичный парень попал в бригаду опытного монтажника Ивана Носенко. Здесь Борис впервые познал радость труда, радость созидания. Каждое утро, идя на работу, он как зачарованный любовался выполненной вчера работой. А теперь, проходя мимо великана термического, он с наслаждением говорит:

— Это я восстанавливал!

Дружная комсомольская семья приняла к себе этого черноглазого с курчавой головой и словно из бронзы вылитыми мышцами юношу. Он стал агитатором в общежитии, научился читать монтажные схемы, освоил основные приемы работы. Большую помощь ему оказало большое любопытство и желание делать все по-своему, быстрее, лучше, чище. В первый год приезда он стал бригадиром.

— Для нас сейчас уже кончается 1950 год — последний трудовой год послевоенной пятилетки, — говорят в бригаде тов. Шиш.

Эти шесть веселых парней, незаметно для многих старых монтажников, обогнали время. Комсомолец Георгий Сморков, стахановец Василий Недбайло, Сергей Сидорчук и его брат Василий, выполнивший уже свою пятилетку, электросварщик Михаил Завгородний, недавно покинувший стены школы ФЗО — все они давно уже перешли на удвоенные нормы выработки.

Сам бригадир Шиш дает очень высокие нормы. Ко дню пуска экскаваторного цеха он завершит свое пятилетнее задание. У него свой счет вкладов в возрождение завода. В знаменитом термическом цехе он подвешивал такелаж для стекольщиков, монтировал переплеты фонарей, в чугунно-литейном цехе устанавливал 26-метровые мачты, на газостанции и в сталелитейном пустил кран «ДИП» и канатную дорогу для монтажных работ; в модельном — на день раньше срока смонтировал бетономешалку на каркасе.

В будущем экскаваторном цехе товарищ Шиш и его бригада монтируют перекрытия фонарей и переплеты торцевых стен. Работают они, как выражается сам Борис, «строго по

графику». На самом деле «строгость» эта слишком уж сурова. Много неприятностей принесла она плановикам. Судите сами: за месяц бригада — по графику — должна была закончить монтаж переплетов в третьем пролете, а когда до конца этого месяца оставалось всего шесть дней — здесь уже заканчивали остекление четвертого пролета.

— Вы спрашиваете, как мы обогнали время? — усмехаясь, говорит Борис. — Не так просто, не одними словами. Рассказать об этом, правда, трудновато.

И он поведал о спорах в бригаде о том как лучше приспособиться к работе, об удачах и неудачах.

— Ведь мы — восстановители, а не строители, — говорит он. На новостройке совсем иное дело — там легко организовать поток, а у нас — труднее. Возьмите для примера работу каменщика. На строительстве ему поставят леса или подвесят стеллажи и работай себе 2—3 часа подряд. А на восстановлении — нужно, скажем, заделать небольшое отверстие высоко в стене, почти под потолком, пробитое осколком при взрыве. Вот и решай задачу: поднимать каменщика в люке, или строить ему высокий помост с тем, чтобы через час разобрать его.

Чтобы обогнать время бригада призвала всю рабочую сметку, использовала все свои технические возможности. Для работы в повышенных частях, восстанавливаемых цехов применяются теперь струнные металлические подвесные леса — они легко монтируются и разбираются. Монтажники решили обеспечить комплексную, поточную работу стекольщиков, побельщиков, маляров и штукатуров. Для этого нужны прочные, удобно расположенные леса. Возникла мысль: в качестве устоев для лесов использовать балки и фермы перекрытий. На них укладывались рельсы, которые, в свою очередь, застилались досками. Но тут встретилась новая трудность: рельсы «укладывались» очень медленно. После под'ема 1—2 отрезков приходилось менять точку подвешивания блочка. Делая в день по 3—4 подвешивания, бригада успевала поднимать не более 8 рельсов. Тогда товарищ Шиш решил зацепливать рельсы не с обоих концов, а посредине. Получилось неустойчивое равновесие, из которого подвешанный рельс легко выводится одним человеком. Стало гораздо легче «заводить» концы перекладин на фермы готовых конструкций. Устойчивые леса стали расти вдвое быстрее.

Для укладки балок междуэтажных перекрытий здесь при-

менили «воздушную дорожку» своей конструкции. Две лебедки, блок и закрепленный «намертво» трос позволили монтажникам утроить производительность.

Разумное использование приспособлений принесло трудовую славу и другим бригадам монтажников, верхолазов и такелажников. Главный инженер стройуправления Давид Михайлович Агрест называет имя Владимира Беленко. В его бригаде — все мастера своего дела — хоть сегодня назначай бригадирами. Комсомолец Алексей Соколенко заканчивает норму шестидесятого месяца новой пятилетки, замечательно работают Дударчук, Ватунин, Стадниченко, Мельник. В бригаде царит полная взаимозаменяемость профессий.

Чтобы иметь первоклассных мастеров — их нужно воспитывать, готовить, «делать»,—как говорят монтажники. И вот таким человеком, который «делает» бригадиров здесь является Иван Васильевич Носенко. Его бригада — своеобразная школа бригадиров. Товарищи — Шиш, Беленко и десяток других, славящихся сейчас монтажников и бригадиров прошли эту школу. Нынешние ученики товарища Носенко —Иван Кабанов и племяник самого бригадира, тоже Иван Носенко, работают только по полтора года, но стали уже высококвалифицированными верхолазами. Илья Чернов, перешедший к Носенко из плотницкой бригады, стал не только монтажником, но и автогенщиком.

В первом и втором пролетах полным ходом идет монтаж оборудования. Уже собирается один из самых мощных мостовых кранов на заводе. А на крыше последнего — пятого пролета заканчиваются кровельные работы. Здесь на участке молодого мастера-техника Людмилы Устиновой битумируются последние метры кровли возвращающегося к жизни цеха.

Процесс покрытия мягкой кровли расплавленным битумом кажется до предела простым. Присмотримся ближе. Оказывается, что и здесь все работы «механизированы».

Жидкий горячий битум подается на крышу лебедкой в аккуратных бачках одинакового размера с замысловатыми петельчатыми ушками по бокам. К висящему над отверстием в крыше бачку подкатывается легкая тележка, похожая на те, что применяются на кислородных заводах для перевозки баллонов. Но и она «модернизирована»: вместо плавных загибов на концах ее круто изогнутые крючья. Они и подхватывают ушки бачка, а рабочий, не дотрагиваясь до его горячей поверхности, подвозит материал к заливщикам.

Раньше битум разливали прямо из бачков и разравнивали его волосяными щетками. Работа эта была утомительной, опасной и требовала огромного расхода щеток. Тогда здесь придумали оригинальные ковшики с резиновыми фартушками. Заливщик набирает таким ковшиком жидкую массу из бачка и, разливая ее, одновременно разравнивает тонким равномерным слоем.

Все эти нехитрые приспособления, рожденные в пылу творческого труда, сливаясь воедино, в общий комплекс, превращают восстановительные работы в рентабельное предприятие. Рабочий, с малой затратой труда, дает больше продукции, причем продукции более высокого качества.

Рационализация и малая механизация — это лишь немногие из слагаемых, составляющих в сумме успех восстановителей. Беспримерный энтузиазм и самоотверженный труд поднимают из развалин индустриальный гигант под их благородным воздействием, как на фотографической пленке, сначала смутно, несмело, а затем резко и уверенно проступают четкие контуры цехов и заводов.

Так и здесь. Здание цеха уже почти готово, скоро уйдут отсюда восстановители на другие площадки. И здесь уже проявляются черты цеха... По этим балкам побежит кран; на этом месте расположится огромный станок, по этим рельсам приедут сюда заготовки; на этой площадке будет собираться и испытываться экскаватор; через эти двери, похожие на шиберы шлюзов многоводного канала, бесконечной рекой пойдут готовые донецкие землеройные машины.

Хорошо бы тогда зрительно преодолеть необ'ятные просторы Родины, посмотреть их работу на вскрыше кузнецких угольных пластов, увидеть как острыми зубьями мощных ковшей впиваются они в плотный грунт, прикрывающий карагандинские угли. Мы смогли бы увидеть их на сланцевых карьерах Кохтла-Ярви, на прокладке новых газопроводов и железнодорожных путей, на рытье котлованов для постройки новых заводов, домов, электростанций. Мы увидели бы их в Часов-Яре, в Еленовке, в Артемовске, в Амвросиевке...

Слава вам, восстановителям замечательного индустриального социалистического Донбасса, слава людям, победившим страшные разрушения.

г. Краматорск.
Июль, 1948 г.

Н. ХАРЧЕНКО

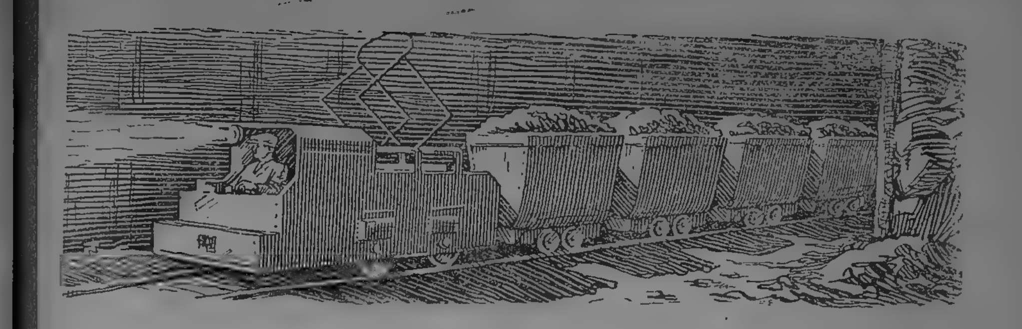
Посвящается слушателям
Высших Инженерных курсов.

ШАХТЕРЫ

Аудитории иной сегодня вид,
Чем все года, что знал ее доселе.
Забойщик знатный здесь за партою сидит,
Здесь угля мастера за интегралы сели.
Героики труда великий опыт здесь.
Оставив дом по дорогому зову,
Здесь, большевистской преданной звезде
Шахтер свое в науке скажет слово!
Есть похвалиться чем у каждого за жизнь!
Вот он стоит перед доской в смущеньи.
Он защищал отчизны рубежи,
Он сна не знал в года восстановленья.
За двадцать лет то в шахте, то в боях,
Он поседел. И вот учеба снова.
Ему ль, казалось, у доски стоять
С мелком в руке,
в раздумьи хмуря брови,
Ему ль, привыкшему большую
жизнь творить,
Отважно властвуя над тайнами забоя,

Сидеть над книгою порою до зари
И засыпать с больною головою.
Беда не велика. Отвык немного. Что ж...
Лишь год пожди, до нового лишь мая.
И перегонишь, верь мне, молодежь.
Ни утомления, ни старости не зная,
Душа советская всегда в избытке
сил!
Шахтер под вузовским высоким
светлым кровом
Сегодня книге годы посвятил.
Шахтер свое в науке скажет слово!
В сраженьях побеждал,
в забое побеждал.
И здесь, товарищ, победишь наверно.
В твоей работе новый интеграл
Окажется могучим беспримерно.
Карандашами, перьями скрипят
Рабочие взволнованные руки.
Что сеть морщин, волос седая
прядь?—
Ведь сердце бьется
с юношеским стуком.
Так думаю, рассказывая им
О функциях—растущих без предела,
А за окном плывет вечерний
дым.
Дымится мой Донбасс,
Мужей отчизна смелых.
Дымится и цветет —
Весна ведь...
Жизнь в цвету.
Составы с углем лязгают за парком
Закатный луч по-новому
мосту

Ложится полосой торжественной и
яркой.
Я говорю, и голос мой дрожит.
Учитель, ученик... Взволнованны
мы оба.
Аудитории сегодня новый вид,
Студент особый, человек особый.
По-новому у мыслей ярок строй.
И функции живут сегодня
жизнью новой
Как будто и они озарены
мечтой.
Шахтер свое в науке скажет слово!

Б. ШАРАНСКИЙ

СТАРАЯ ГВАРДИЯ

1. Человек и шахта

Болтающаяся на шее лампа скупо освещает нависшую над головой кровлю и выступы стен, мимо которых тащит двадцатипудовые сани ползающий на четвереньках шахтер — человек, превращенный в лошадь. Дрожат колени, томительно ноют перехваченные лямкой плечи, пот, грязными ручьями растекаясь по лицу, раз'едает глаза, попадает в широко раскрытый рот, жадно ловящий воздух.

Много лет прошло с того времени, а Зябченко, как будто бы сейчас чувствует как последние силы покидают его измученное тело. Как часто хотелось тогда распластаться на сырой земле, приникнуть разгоряченной грудью к влажной породе и лежать так, покуда мышцы не нальются снова силой. Но отдыхать некогда было. Тесные выработки, похожие на звериные норы, быстро заполнялись отбиваемым углем, и злая ругань забойщиков, которым уже нечем было дышать и негде работать, словно удары хлыста, подстегивает молодого саночника.

До тридцати раз за смену тащил он без передышки от забоя к штреку груженные углем сани. Отдыхать в шахте нель-

зя было. Невозможно было по-настоящему отдохнуть и после работы.

— Баня была очень крохотная, — вспоминает он. — Два раза в неделю она обслуживала мужчин и дважды женщин. Попасть в нее было очень трудно...

Зябченко из забоя шел прямо в казарму и, не снимая грязных «шахтерок», заваливался спать. В землянке было тесно и смрадно. На каждого шахтера приходилась только одна доска на нарах. Во время работы в две смены шахтеры еще кое-как размещались, но когда обе смены были в казарме, одна занимала нары, другая располагалась на голом полу. Холостяки жили вместе с семейными, дети спали на грязном и сыром полу.

Обычная картина артельного барака: в углу плакал голодный ребенок, на соседних нарах стонал ушибленный в забое шахтер, горланили песню захмелевшие коногоны. Водка приносила забвение.

Кабак был единственным местом отрады шахтера. Здесь завязывалась дружба и решались споры, здесь, обычно, начинались кулачные бои, в которые нередко втягивались все казармы. Курские дрались с орловскими, харьковские с белоруссами, а потом все вместе об'единялись и шли «стеной» на соседнюю шахту.

Каждое землячество имело свои казармы, свои клички, своих вожаков и героев кулачного боя...

Так было!

Октябрьская буря вымела с шахты высокопревосходительного хозяина — генерала Пастухова и его управляющего, немца Деттера. Сбежал главный подрядчик — итальянец Перроль, бравший у директора «в откуп» самый мощный и производительный пласт. Сбежали и свои доморощенные пауки: артельщики Куратов и Черевенко, лабазники Толпека и Ночвин — все те, кто на слезах и крови шахтера строил свое благополучие.

Большевики вооружили шахтеров машинами, облегчающими труд человека. На смену каторжным санкам пришли скребковые транспортеры. Желонги и кайла вытеснила врубовка. Мускульный труд откатчиков заменили лебедки и мощные электровозы.

До революции на Щегловке было несколько десятков сырых и зловонных землянок. Сейчас вокруг шахты раскинулся

прекрасный поселок, насчитывающий около 25.000 квадратных метров жилой площади. Подавляющее большинство кадровых шахтеров: забойщиков, крепильщиков, врубмашинистов проживает в собственных домах, а молодежь—в благоустроеных общежитиях.

До революции на руднике была только одна начальная школа. Все 4 класса помещались в одной комнате и единственный учитель обучал 60 детей всем наукам одновременно. В то время, когда малыши, сидевшие в первом ряду (первый класс) учились рисовать палочки, ребята постарше — во втором ряду решали задачи, третий ряд писал диктовку, а четвертый разучивал стихи. Сейчас на руднике имеется десятилетка, в которой занимается 630 учеников и преподают 16 учителей. Рядом расположена средняя школа для взрослых, две школы ФЗО, учебный комбинат, годичные курсы соцмастеров.

Жены и дочери шахтеров обучаются в клубе кройке, шитью и художественному вышиванию. Молодые шахтеры увлекаются игрой на струнных и духовых инструментах. Старики проводят свой досуг в читальне.

Кто взял первое место на районной олимпиаде художественной самодеятельности? Шахтеры Щегловки! Кто поставил в подшефном селе пьесы Островского «Без вины виноватые» и «Бешеные деньги»? Они же — горняки Щегловки.

...Сегодня в доме заместителя начальника шахты «Щегловка» № 1 — бывшего саночника Владимира Фроловича Зябченко большой праздник. Ему, как и шахте, исполнилось пятьдесят лет. Поздравить старого шахтера пришли дети и внуки и друзья, вместе с ним начинавшие свою горняцкую карьеру в сырых и душных забоях шахты генерала Пастухова. И вспоминая свое прошлое и прошлое шахты, они с благодарностью поднимают свой первый тост за большевиков, за тех, кто в тяжелые годы бесправия указывал им единственно-верный путь к свободе, за тех, кто поднял их на борьбу и привел к победе, за мудрого и любимого Сталина, превратившего каторжный труд шахтера в дело чести, доблести и славы.

2. Творцы победы

Они стояли склонившись над планами горных работ—озабоченный начальник участка—«ответственник» Ильяшенко и весь ушедший в свои думы седой партгруппорг Гололобов. Расчерченные на кальке, лежали перед ними выработки их

участка, угледобычу которого надо было удвоить. У соседей случилась беда — выклинился пласт и лава, еще совсем недавно выдававшая на-гора 50 тонн угля в сутки, стала давать одну лишь породу. Нужно было перекрыть потери, а действующих участков во всем шахтоуправлении № 8—9 остался только один.

— Ну, как Владимир Порфирьевич, справимся? — подняв глаза на командира, спросил Гололобов.

— Если поможете—непременно справимся,—скромно отвечал Ильяшенко.

В тот же вечер, собрав коммунистов и комсомольцев участка, Гололобов говорил:

— Соседний участок недодает стране 50 тонн угля в сутки. Из этого угля можно было бы выжечь 40 тонн кокса, достаточно для выплавки 34 тонн металла. Трактор весит 6—7 тонн, это значит, что страна теряет ежесуточно 5 тракторов. Для того, чтобы отыскать пропавший пласт, соседям понадобится 60 дней. 300 тракторов недополучит за это время Родина. А каждый трактор может обработать за год 750—800 га земли. Вот и посудите, можем ли мы допустить, чтоб наша старая шахта, на которой мы с вами так давно работаем, подводила страну в такую ответственную минуту. Не стыдно ли нам будет после этого людям в глаза глядеть.

С напряженным вниманием слушали своего парторга коммунисты и комсомольцы участка. 34 года работает на этой шахте Ефтей Федорович Гололобов. Вместе со старейшими горняками шахты он проходил ее первые выработки. Вместе с ними защищал ее от белогвардейцев. Здесь на этой шахте он женился, растил детей и воспитывал внуков. Отсюда с последним эшелоном ушел в 1941 году на фронт. И сюда вернулся для того, чтобы вместе с другими шахтерами в третий раз вдохнуть в нее жизнь.

Слова партгруппорга глубоко проникали в душу шахтеров. Цифры, которые он приводил, жгли сознание. «Нельзя допускать, чтобы шахта, наша родная старая шахта, подводила страну в такую ответственную минуту».

И они не допустили.

По требованию Ильяшенко участку была дана врубовая машина и перегружатель для механизации подготовительных работ. В штреке, который проходился раньше узким ходом, была сделана 35-метровая раскоска. На 20 метров удлини-

ли и лаву. Длительность переноски скребкового транспортера, продолжавшуюся раньше целую смену, сократили больше, чем вдвое, а оставшееся время выдавали из лавы уголь.

Воодушевленные примером бурильщика - партгруппорга, ежедневно выполнявшего по 2,5—3 нормы, горняки участка творили чудеса. При том же количестве людей и забойных точек, участок стал давать в 2,8 раза больше угля, чем давал раньше.

— Мы перехитрили природу,—лукаво усмехнувшись, говорит горный мастер Демидов,—за каждую тонну угля, которую она украла у нас на участке № 12, мы заставляем ее расплачиваться вдвойне на тринадцатом участке.

Иван Григорьевич Демидов работает на шахте № 8—9 18 лет. Безусым пареньком гонял он здесь лошадей по штреку, бутил породу, ставил рамы, рубил уголь. Сам бывший забойщик, он отлично знает, что нет такого шахтера, который, опустившись в шахту, не хотел бы стать мастером. И если шахтер сорвался и не выполнил даже своей нормы, то в этом, в первую очередь, повинен ты,—командир, не обеспечивший ему необходимые условия для производительной работы.

Вот почему, принимая смену, он так придирчиво проверяет надежно ли поставлена крепь, хорошо ли защищен забой, все ли механизмы в исправности. А когда обнаружил, что предыдущая смена, руководимая его лучшим другом горным мастером Логвиненко, оставила после себя земник, он категорически отказался подписать ему путевку на право выезда из шахты, покуда бракоделы не исправят свою работу. Как ни сердился Логвиненко, как ни грозился «порвать дружбу», Демидов заставил его вместе со сменой лишний час просидеть в шахте.

— Это раньше говорили «дружба дружбой, а табачок врозь»,—сказал он Логвиненко.—Сейчас у нас другие поговорки. Хочешь дружно жить—давай и работать дружно.

Производственная дружба, основанная на горячей любви к своему делу, к чести своей шахты пустила глубокие корни на участке № 13. Это она помогла бригаде бывалого шахтера Василия Маросина опередить время и вместо 8 часов производить переноску конвейерной установки за два с половиной часа; это она надоумила старейшего врубмашиниста шахты Смирнова взять шефство над молодым крепильщиком Иваном Гречишкиным, когда он пожелал сменить свою профессию на специальность водителя врубовки; это она заставила

передовых людей участка пойти вместе со своим начальником Ильяшенко на соседний отстающий участок, чтобы поделиться с его горняками опытом своей работы.

С чувством горячей признательности говорят бывшие колхозники Киевской области—ныне проходчики Федор Кузьменко, Иван Омельченко о своем старшем товарище—бригадире горнопроходческой бригады Василие Федоровиче Коных, который взял их в свою семью, терпеливо учил своему мастерству, щедро делился с ними накопленным за многие годы работы производственным опытом, настойчиво прививал им любовь к своей шахте, воспитывая в них гордость за свою профессию.

«Хранить честь родной шахты» — таков закон участка № 13, заставляющий горных мастеров старательней заботиться о подготовке рабочего места не только для своей, но и для следующей смены, побуждающий горняков с большей требовательностью относиться к своей работе. И не случайно поэтому на участке № 13, даже среди бывших учеников ФЗО, только недавно закончивших школу, нет людей, невыполняющих свои нормы.

И если в 1946 году среднемесячная производительность одного забойщика и навалоотбойщика составляла здесь в среднем 38 тонн, то в 1947 году она уже повысилась до 79 тонн, а в 1948 году—до 198 тонн. Соответствующим образом повысилась и производительность труда трудящегося на участке. С 10,5 тонны она поднялась до 27,6.

* * *

В ответ на призыв ленинградцев о досрочном выполнении пятилетнего плана в четыре года, коллектив участка шахты № 8—9 треста «Красногвардейскуголь» взял на себя обязательство выполнить его за 3,5 года. Слово свое горняки участка сдержали с честью. Пятилетний план добычи угля был завершен 27 июля 1948 года—за 31 месяц.

Начальник участка Ильяшенко, партгруппорг Гололобов, горный мастер Демидов, бригадир навалоотбойщиков Маросин, старый врубмашинист Смирнов, бригадир проходчиков Коных, как и многие другие шахтеры, обеспечившие победу участку,—это простые советские люди, сознающие важность своего труда, понимающие свою ответственность перед любимой Родиной за доверенное им дело.

Творческое горение, подлинный коллективизм, настойчивость и твердость в преодолении стоящих перед ними трудностей помогли партийным и непартийным большевикам участка № 13 добиться исключительных успехов и первыми в Донбассе рапортовать Отчизне о выполнении пятилетней программы угледобычи.

Честь им и слава!

Шахта Щегловка.
Июль, 1948 г.

П. ШАДУР

ЛЕГЕНДА О ВЕЛИКАНЕ

Легенду создает Донбасс,
В ней творческий простор:
Есть «Великан»—
подземный пласт
И великан—шахтер.

Они схватились
в глубине—
Стихия и народ.
Всегда—
в труде и на войне
Идет шахтер вперед!

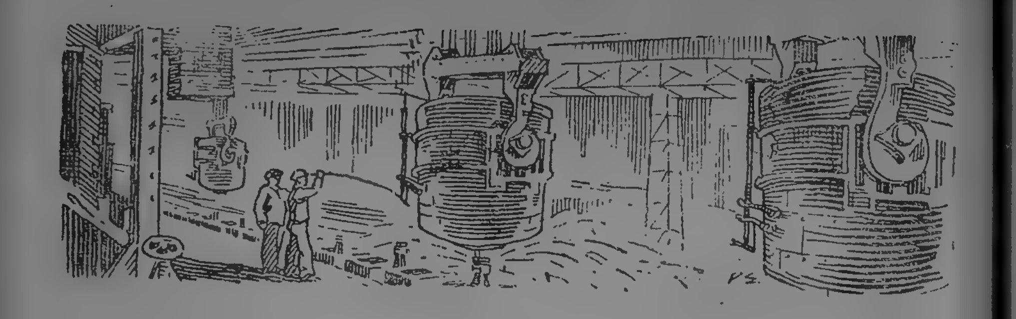
Он проложил подземный штрек,
Сломал пласту хребет,
И кровлю
восемь человек
За ним крепили вслед.

Гремя,
катились глыбы вниз,—
Один уступ,
второй...

Ведет забойщик-коммунист
Подземный,
славный бой.

Мы рубим уголь,
строим дом,
Мы говорим—«рекорд»,—
То к коммунизму мы идем
Врагам наперекор.

Не на вершине мы пока,
Но нам она видна.
Идет к вершине сквозь века
Уверенно страна.

В. ЛИНЕВСКИЙ, П. ШАДУР

ДВА СТАЛЕВАРА

Четвертого апреля Григорий Клименко пришел в цех задолго до начала смены. В этот день, казалось, он был чем-то особенно встревожен. Перед тем, как принять смену, по-хозяйски осмотрел печь.

На стеллажах уже стоял ровный ряд мульд, загруженных доверху шихтовыми материалами: известняком и железной рудой. Невдалеке, попыхивая отработанным паром, весело посвистывал паровоз, давая знать, что скрап прибыл.

Григорий Евгеньевич вышел на площадку, откуда открывался вид на шихтовый двор. Внизу, на четвертом пути стояло шесть платформ, нагруженных металлоломом. К месту прибытия спешил шихтовальщик.

— Ну, браток, давай скоростную плавку! Видишь, какой скрап прибыл,—стараясь пересилить шум цеха, выкрикивал шихтовальщик.

— Скрап первосортный,—добавил он, кивая в сторону шихтовального двора,—остатки немецких танков.

Не в первый раз в мартеновский цех Сталинского завода привозили подобный скрап, но Клименко не мог отказать себе в удовольствии взглянуть на эти обломки, когда-то грозной немецкой техники. По узкой железной лесенке он сошел вниз и остановился у платформы. Разглядывая куски метал-

ла, раздробленные молотом, согнутые и сплющенные, он на одном из них заметил остаток фашистского креста, выведенного желтой краской. Сколько различных воспоминаний вызвал у него вид этого скрапа. Разве можно забыть ночь, когда форсировали Сиваш. Их часть прошла в эту ночь 15 километров, из них около 4-х — по воде. На рассвете они вступили в бой. Боеприпасы им доставляли в лодках. Клименко был пулеметчиком, первым номером. Накануне, перед боем, он заявил, что если погибнет в бою, то просит считать его коммунистом. Но он не погиб. Он выстоял, выжил, чтобы драться до полной победы и дрался, как коммунист.

Немцы не ожидали удара с левого фланга. Оставив окопы, они в панике бежали. В это время Клименко со своим пулеметом проник вглубь вражеской обороны и окопался Бегущих немцев он встречал огнем.

За выполнение этой боевой операции, Григорий Клименко был награжден медалью «За отвагу».

На пути к Севастополю в одном из боев Клименко был ранен. За время пребывания в госпитале далеко продвинулась часть, в которой он служил. После выздоровления его зачислили в штурмовую бригаду. Кто знает, может быть из стали, сваренной в его печи и был изготовлен тот танк, который впоследствии на полях Австрии не раз нес его в бой, как автоматчика десантной группы.

При взятии Вены и Будапешта, уже будучи парторгом роты, Клименко воодушевлял бойцов на новые боевые подвиги.

Находясь на фронте, он не терял связь с родным заводом.

—Как-то,—вспоминает Клименко,—в перерыве между боями фронтовая почта доставила газету «Правда». С большой радостью я узнал, что завод, на котором я когда-то работал, восстанавливается. С этого же дня я начал переписку с коллективом завода. Бывшие товарищи по работе в ответных письмах рассказывали, как идет восстановление мартеновского цеха, как они помогают фронту. По моему примеру многие бойцы наладили переписку с родными колхозами.

Ему было приятно вспоминать сейчас об этом потому, что именно в эти дни, четыре года тому назад, перед наступлением на Севастополь, он получил партбилет.

...Клименко мысленно прикинул: таким скрапом можно загрузить печь за полтора часа. Остальное будет зависеть от него самого. В своих подручных он был уверен. И сталевар начал продумывать порядок работы над скоростной плавкой.

С этой мыслью он шел в помещение контрольно-измерительных приборов. Под ногами поблескивал паркетный пол. На большом щите были расположены многочисленные приборы, регистрирующие работу печи. Стрелка манометра показывала хорошее давление газа. Это еще крепче вселило уверенность, что газ не подведет.

Огромная мартеновская печь полыхала белым пламенем. Клименко на минуту прислушался. В этом, чуть слышном, ведомом только опытному сталевару гуде, он услышал ровный ход печи.

Перед началом смены каждый подручный получил точное задание от сталевара, знал, что и когда надо сделать.

У завалочных окон печи, которые ежеминутно раскрываются, быстро поворачивался длинный хобот завалочной машины. Пылающая печь принимает одну мульду за другой, новые порции металлической шихты. Сквозь синие очки, прикрепленные к низко надвинутой фуражке, Клименко наблюдал, как таяли обломки немецких трофейных танков. Белые капли металла, стекая, терялись в пенистом шлаке.

Клименко держал высокую температуру печи. Он хорошо помнил советы Макара Мазая: не студи печь, держи ее все время белой, особенно перед началом завалки. Потеряешь час—не нагонишь за два.

Давно сделана завалка и заливка чугуна. Заканчивался период плавления шихты. Все чаще подходил сталевар к разливочному пролету; его тревожила мысль, что канава может не быть готова под плавку.

— Андрюша,—обращаясь к третьему подручному, сказал Клименко,—беги к начальнику смены, пусть сейчас же торопит канавщиков, а то провалится наша скоростная.

Но беспокойство его было напрасным. Начальник смены, инженер Леонид Михайлович Покрасс уже давно находился на литейном пролете. Предвидя задержку, он заранее выделил второй двенадцатитонный кран для быстрейшей постановки канавы. Через минуту начальник смены был уже около печи.

— Григорий Евгеньевич,—окликнул он сталевара, который только что, находясь в помещении контрольно-измерительных приборов, наблюдал за подачей газа, а теперь направлялся к печи, чтобы посмотреть на яркость пламени,—почему темпы сдаете? Через два часа канава будет готова.

Но то, что сейчас происходило на рабочей площадке его

успокоило. Начальник смены видел как дружно работает весь коллектив. Подручные сталевара Владимир Бугаев и Андрей Савенко, закончив подмазку передней стены, принялись за подготовку раскислителей. Они уже взвесили для плавки необходимое количество ферро-марганца и разложили его по кучкам на площадке перед печью. Массивные, темно-фиолетовые куски ферро-сплава отсвечивали золотистыми переливами. На стеллаже стояло несколько мульд с заранее заготовленной известью для наводки шлака. С левой стороны печи был приготовлен боксит.

Начальник смены вынул из бокового кармана синее в коричневой оправе стекло и через круглый глазок крышки садочного окна заглянул в печь.

Сталевар Григорий Клименко, видя явное беспокойство начальника смены, поспешил его заверить:

— Плавление закончил. Беру первую пробу.

Поднялась крышка среднего окна. Защищая левой рукой лицо от огня, подручный Владимир Бугаев длинной металлической ложкой зачерпнул из печи металл и вылил его на чугунную плиту. Золотистый сноп искр брызнул вверх. Металл хорошо сливался с ложки, что показывало его достаточный нагрев. Тонкая лепешка разлитой стали, остывая, быстро темнела.

— Давай руду!

Вскоре цеховая лаборатория сообщила анализ первой пробы. Начальник смены и мастер были довольны, что анализ показал хорошую шихтовку. Это вселяло в них еще большую уверенность в том, что плавка не задержится.

На разливочном пролете, которым руководил мастер Михаил Тамкин, также оживленно шла работа. Все было направлено к тому, чтобы принять плавку в срок. Разливщик Федосеенко готовил 130-тонный разливочный ковш. Бригада канавщика Николая Кузнецова заканчивала последние приготовления по установке канавы. Из-под жолоба вытащили длинным металлическим канатом кадушку, наполненную доверху шлаком и заменили ее порожней.

На печной пролет поднялся мастер Тамкин. Радостный он сказал сталевару:

— Давай плавку. У меня все готово.

Пока мастер был занят работой на других печах, сталевар Клименко довел плавку до конца.

Вскоре открыли выпускное отверстие. Широким потоком

хлынула по жолобу огненная масса. Огромный, поднятый на весу ковш, принял скоростную плавку весом в 130 тонн.

Начальник смены, стоя у перила, дружески похлопывал Григория Клименко по плечу и, поглядывая на часы, радостно сообщил:

— На два часа 15 минут раньше графика.

...Это была не рекордная, можно сказать, обычная плавка, каких немало сварил на своем веку Григорий Клименко. Но в том, как провел ее сталевар, чувствовалось высокое профессиональное мастерство, граничащее с искусством. Клименко умел четко организовать все процессы, спаять все звенья этой длинной цепи, потому что он понимал: хорошо проведенная, а тем более скоростная плавка, есть результат усилий целого коллектива людей. Бывший боевой парторг роты, ныне—партгруппорг смены—Григорий Клименко умел организовать людей, сплотить их для выполнения одной задачи.

Этой плавкой Григорий Клименко положил начало предмайскому соревнованию сталеплавильщиков Сталинского завода.

* * *

...В один из майских погожих дней перед входными воротами завода им. Сталина остановился шустрый, небольшого роста 17-летний паренек. Подняв голову, он с трудом, по слогам читал написанное на куске фанеры об'явление о том, что заводу нужны чернорабочие. На выпуклом мальчишеском лбу блестели капельки пота.

Охранник, стоявший у проходных ворот, измерил взглядом с головы до ног паренька в потрепанном деревенском одеянии.

— Ты, как я вижу, до завтрашнего дня не прочтешь! Сколько классов кончил?

— Совсем не пришлось учиться, дяденька, — подавленным голосом ответил Григорий Клименко,—некогда было, сызмальства батрачил, а теперь вот хочу на завод поступить.

— Больно мал ты ростом, боюсь, что тебя не возьмут,— сказал ему охранник,—а впрочем попытайся.

И охранник направил его в отдел кадров завода.

Через два дня, довольный Григорий, с лопатой в руках уже набрасывал на тачку доломит, который другой рабочий отвозил к мартеновским печам.

Так в 1928 году началась трудовая жизнь Григория Кли-

менко на заводе. Совершенно неграмотным деревенским парнем пришел он на завод, но жадно тянулся к новому, вступил в комсомол, начал учиться в школе ликвидации неграмотности.

Зрелым, политически подкованным комсомольцем возвратился Григорий Клименко после двухгодичной службы в кадровых частях Красной Армии. Большая перемена произошла в это время и на заводе. Того самого старо-мартеновского цеха, где работал Клименко, с его тяжелым каторжным трудом уже не существовало. Все его друзья работали в рядом расположенном огромном корпусе ново-мартеновского цеха, где весь труд был полностью механизирован. Радостно было на душе, когда он зашел в здание нового мартена. Широкий солнечный пролет цеха был наполнен перезвоном грузопод'емных кранов. Вся тяжелая работа выполнялась машинами.

Григория Клименко поставили работать на третью печь к сталевару Илье Рябкину вторым подручным.

— Теперь нам не приходится валить скрап в печь руками, как было на старом мартене! Видишь как работаем?! — показал сталевар Илья Рябкин на мощную завалочную машину, которая поминутно подавала в печь двухтонные порции скрапа.

Клименко на минуту задумался. Он вспомнил тот тяжелый труд, который существовал на старом мартене. Обливаясь потом, рабочие, не разгибая спины, забрасывали в печь тяжелые куски скрапа.

Потом товарищи ему рассказали о приезде на завод Серго Орджоникидзе и о том, как нарком велел стереть с лица земли наследие Юза — старый мартен, а вместо него построить в новом мартеновском цехе еще одну печь с производительностью равной всему старому мартену.

Приступая к работе у новой печи, Григорий Клименко думал, что теперь больше он не уедет отсюда, не зная, что ему еще предстоит долгая разлука с любимым делом, что он еще прошагает по полям Европы, испытает много горечи и радость победы.

* * *

Почти также сложилась и судьба Ивана Черткова. Родившись в семье рабочего в Алчевске, он не смог закончить даже начальной школы. У отца было пять душ детей. Голодный 1921 год навсегда разлучил его со школой. Надо было искать заработков, и Чертков поступил на швейную фабрику.

— Как-то раз, — рассказывает Чертков, — мне попался в руки свежий номер газеты. На первой странице красовался большой портрет. Гордо смотрело с печатного листа лицо молодого сталевара. Не помню уже, как была его фамилия, но мне захотелось быть таким же, как он.

Через некоторое время желание Ивана Черткова сбылось. Он поступил на Сталинский завод и работал уже в бригаде оправщиков на тех самых мартеновских печах, на которых опытные сталевары делали чудеса. Несложна работа оправщика, но и среди оправщиков Чертков выделялся своей энергичностью, подвижностью, точным выполнением порученных работ.

Сталевар третьей печи Илья Рябкин, у которого вторым подручным тогда работал Клименко, присмотрелся к горячей ухватке Черткова, и сказал:

— Надо взять этого парня к себе. С него будет толк.

С тех пор Клименко и Чертков работали вместе. Иван Чертков был моложе Клименко, выше ростом и сухой в кости. Приглядываясь к его работе, Клименко вспоминал себя в той же роли. Ему хотелось помочь новичку. Он дал ему несколько дельных советов. Так завязалось их знакомство. Теперь, работая на одной печи вместе со сталеваром Рябкиным, они составили дружный коллектив. Когда они втроем брались за оправку печи и вели ее в бешеном темпе, шутками подзадоривая друг друга, сталевары с других печей приходили полюбоваться их работой.

Бывало, надо за короткий срок оправить печь. На передней площадке насыпан ворох в несколько тонн доломита. Рябкин берет человека четыре-пять из оправочной бригады, выстраивает их цепочкой, сам становится впереди и, набирая лопатой доломит, подбегает к печи и через раскрытое окно делает первый бросок на заднюю стенку. За ним Григорий Клименко, Чертков и так далее. Через минуту кольцо раскручивается, как карусель, и печь моментально оправлена. Только далеко были слышны радостные возгласы. Один подгонял другого:

— Давай! Давай!

Любая работа в бригаде Ильи Рябкина спорилась. Эту хорошую черту усвоили его ученики — подручные Чертков и Клименко. С каждым днем, постигая новое, все более совершенствуясь, готовясь самостоятельно варить сталь, они предвидели будущее соперничество.

Первым ушел на самостоятельную работу Григорий Клименко. Четвертую печь, по примеру прошлого, об'явили комсомольско-молодежной и Клименко стал сталеваром. Вторым подручным он взял к себе Войчак, третьим — Лазарева.

Комсомольцы знали, что теперь взоры всего цеха будут обращены сюда, на четвертую печь. Не уронить чести славного ленинского комсомола,—такая задача была поставлена перед каждым членом его бригады.

Стоя у печи, до мельчайших подробностей вспоминал Григорий Клименко тот опыт работы, который он воспринял от старших сталеваров — Николая Плетнева, Ильи Рябкина, Дмитрия Буренко. Раздумывая, он убедился, что старые сталевары. часто боясь поджечь свод печи, недостаточно использовали тепловой режим печи. И он смело подходил к рукоятке и, следя за движением стрелки манометра на белом циферблате, подавал в печь больше газа и воздуха, следил за полным его сгоранием. Это позволяло ему сокращать время на плавлении и других операциях плавки. Заводская многотиражка почти ежедневно начала сообщать об успехах молодежно - комсомольской бригады. В тот же год молодой сталевар Григорий Клименко был награжден значком «Отличник социалистического соревнования Наркомата черной металлургии».

В начале Отечественной войны Клименко варил снарядную, броневую сталь, а позже, когда сам стал участником Отечественной войны, он в боях мог убедиться в крепости этой броневой стали.

* * *

...Когда в 1948 году на заводе началось предмайское соревнование, сталеплавильщики первыми откликнулись на этот призыв. После работы во всех сменах проходили собрания. Слово взял и Григорий Клименко. Он, не спеша, поднялся со скамьи, положил запыленную серебристыми блестками фуражку, к козырьку которой наглухо прикреплены темно-синие очки, и, обводя светло-серыми глазами своих товарищей, точно взвешивая каждое слово, сказал:

— Товарищи сталевары! Я призываю в апреле работать так, чтобы завоевать право итти первыми в заводской первомайской колонне.

— И бороться за звание лучшего сталевара области, — не вставая с места, добавил Чертков.

Уходя с собрания, Григорий Клименко унес с собой твердую и настойчивую мысль упорно добиваться первенства. С того времени не было дня, чтобы, придя на смену, Клименко не взглянул на доску показателей социалистического соревнования, которая висела у входа в цех.

Как-то раз, придя в цех, он застал у доски показателей Ивана Черткова. Чертков дружески сказал Клименко:

— Ну, Гриша, в этом месяце нам придется меряться силами. Видишь, я не намного отстал от тебя:—117,6 процента!

Теперь первенство среди сталеваров по цеху прочно удерживал Клименко. За ним на втором месте стоял Чертков.

— Держись, Гриша, — шутили сталевары, — Чертков тебе наступает на пятки.

Иван Чертков, всегда бодрый и подвижный, также славился в цехе, как мастер скоростного сталеварения. Он с благодарностью вспоминает то время, когда Клименко обучал его умению держать ложку, чтобы правильно вылить пробу, заправлять печь. Далеко уже осталось позади то время. Сталевар Чертков окончил курсы мастеров социалистического труда, стал высококвалифицированным мастером своего дела.

Через девять дней после выпуска плавки, в которой он добился с'ема стали 11,76 тонны, показатели социалистического соревнования у Клименко и Черткова сравнялись, а к концу месяца Чертков оказался даже несколько впереди.

Первого мая сталеплавильщики подвели итоги соревнования. Клименко выполнил месячное задание на 128,4 процента. Сварил 4 скоростных плавки, и добился среднего с'ема с квадратного метра пода печи 7,8 тонны, при плане 5,92 тонны. Чертков выполнил апрельское задание на 132,3 процента, сварил 7 скоростных плавок и добился среднего с'ема стали с квадратного метра пода печи 8,07, при плане 5,92, обеспечив хороший уход за печью и высокую ее стойкость.

Областное жюри социалистического соревнования присвоило им обоим почетное звание лучших сталеваров области.

...Многообразны пути к мастерству этих двух лучших сталеваров Сталинского завода. Каждый из них соревнуется с другими сталеварами области. Например — Клименко соревнуется со сталеваром Мартыновым Макеевского завода. Но самое азартное, подлинное соревнование у них между собой. Они пристально следят за успехами друг друга. Когда подвели итоги за первое полугодие 1948 года, впереди оказался Чертков, выполнивший полугодовой план на 117,4 процента. Зато Клименко сварил больше скоростных плавок.

Григорий Евгеньевич Клименко — депутат областного Совета. На квартире у него можно встретить самых различных людей, пришедших за помощью, за советом. Грустно ему было встретить своего старого подручного Войган, который вернулся с войны инвалидом. Клименко принял самое горячее участие в его судьбе. Он помог Войган отправить детей в дом отдыха, добился в жилотделе завода, чтобы ему пристроили комнату. О внимании Клименко к людям красноречиво говорит такой факт: плотники, занимавшиеся пристройкой, сделали свою работу кое-как и удалились. Клименко решил проверить качество строительных работ. Оказалось, что бревна плохо пригнаны, стекла не вставлены. И, что особенно возмутило Клименко, — это высокий порог, который соорудили плотники. Обращаясь к депутату райсовета Остапенко, Клименко указал ему на порог:

— Разве коляска может перебраться через такой высокий порог, — спросил он, и сам ответил, — не сможет.

Вызвали снова плотников, Клименко сам показал им, каким должен быть порог, и не уходил до тех пор, пока работы не были закончены.

* * *

Являясь инициаторами борьбы за выпуск скоростных плавок, сталевары Клименко и Чертков создали в цехе стахановскую школу и обучали молодежь скоростному методу сталеплавления. Бывший подручный Григория Клименко — Антон Василенко — теперь уже самостоятельно управляет печью, перевыполняет план. С гордостью смотрит Григорий Клименко на доску почета, где, наряду со своей фамилией, он находил имена своих учеников-комсомольцев, которые стали сталеварами — Владимира Волкова, Николая Бычкова и других.

За достигнутые высокие производственные показатели в первом полугодии 1948 года Ивана Федоровича Черткова наградили почетной грамотой. Григорий Евгеньевич Клименко, в праздничные дни рядом с пятью медалями, полученными за боевые дела на фронте, вешает орден «Знак почета», которым его наградили в день 30-летия Советской власти на Украине.

Сейчас Григорий Клименко борется за выполнение своего пятилетнего плана в четыре года. Иван Чертков тоже от него не отстает. Так работают, совершенствуя свое мастерство, два лучших сталевара Сталинского завода.

г. Сталино.
Июль, 1948 г.

П. БЕСПОЩАДНЫЙ

МЫ ПРИШЛИ

Наши ль мускулы остынут?!
Мы живем в горячем веке.
Мы пришли, чтоб горы сдвинуть,
Обуздать шальные реки.

В этой ломке, перестройке
Будут кровные потери.
Устоит, кто будет стойким,
Устоит, кто в стройку верит.

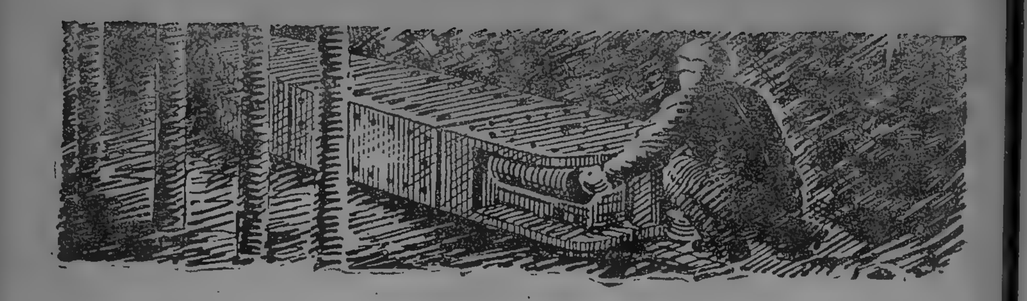
Пусть ценою крови купим
Эту общую работу,—
Никому мы не уступим
Политое нашим потом.

Труд огромен, труд огромен,
И упрям постройки камень.
Строим в строй отряды домен,
Строим вместе с рудниками.

В миллионов рук порыве,
Рудников, заводов, пашен,
В неустанном коллективе —
Радость наша,
Счастье наше!

Наливайся сталью, мускул,
Стройной музыкой звени там!
Нам нести, нести нагрузку —
Из железа и гранита.

Наши мускулы не стынут,
Мы живем в горячем веке.
Мы пришли, чтоб горы сдвинуть,
Обуздать шальные реки!

И. ЗЕНИН

ВОРОШИЛОВГРАДЦЫ

I. Старая гвардия

Возвышаясь над местной округой, стоит высокий двухглавый пирамидальный шахтный террикон, побелевший от дождей и буйных донецких ветров. Много лет шахте; громада террикона как бы служит величественным памятником горняцкому труду. Уголь был добыт, его погрузили в вагоны, развезли по стране и он вдохнул жизнь в заводы и фабрики, порода же осталась при шахте. Рядом с терриконом высоко и гордо поднял голову новый красавец-копер. И всюду бетон; всюду новый бетон. В бетон одеты вновь построенные и восстановленные механический цех, кочегарка, под'емная машина, компрессорная станция. На фронтоне зданий обозначено время завершения работ: 1946—1947 годы.

И ко всему этому деталь, резко отличающая восстанавливаемые шахты от эксплоатационных: еще не видно угольной пыли. Обычно на действующих шахтах ею изрядно присыпана поверхность. Тут, на шахте № 1—бис «Криворожье» из недр до последних дней шла только порода, верный предвестник угля.

Трудно представить, сколь страшными были разрушения,

произведенные руками немецких захватчиков. Устье шахтного ствола было превращено в огромный котлован. Подземная вода подступала к горлу шахты. И, казалось, огромное внутришахтное озеро питали не только подземные ключи, но и текли в него в темную, беспросветную пору немецкой оккупации Донбасса горькие слезы женщин, детей и стариков, оставшихся на шахте.

Но теперь шахта восстановлена почти полностью. Наше государство обеспечивает быстрое возрождение Донбасса на базе передовой техники и делает все для того, чтобы шахты были еще мощнее и краше, чем до войны, чтобы труд горняка был еще легче и производительнее. Восстановленная поверхность принимает плоды труда тех, кто каждый день спускается в шахту и подземными ходами пробивается вперед, к угольным пластам.

Это они, проходчики, с полным основанием могут быть названы героями нынешнего этапа восстановления шахты-гиганта. Теперь, когда откачали воду, надо скорей пробиваться к углю, к источнику тепла и света для родной страны. Сила основного горняцкого удара ныне сосредоточена здесь, под землей.

Проходчики довоенного Донбасса знали одно дело—они пробивали горные выработки в девственной целине многовековых пород, по крепости иногда не уступающих граниту. Зато как держались такие горные выработки! Некоторые из них даже не нуждались в креплении. Сверху и с боков не падал ни один лишний кусок породы. Совсем иные условия у проходчиков сейчас. Идут они теперь по изуродованным подземным тропам,—надо восстанавливать ими же пройденные десятки лет назад штреки, квершлаги, уклоны. И это труднее и сложнее, чем новая проходка.

Путь вперед преграждают сплошные завалы. Проходчики убирают породу, а она, как из прорвы, все идет и идет сверху, заваливая штрек и образуя вверху огромные пустоты. Поднимет шахтер над головой аккумуляторную лампу, и не видно кровли,—одна черная зияющая пустота.

От воды и времени нарушилось строение горных пород и они стали отваливаться огромными плитами и кусками, весом в несколько тонн. Часто бывает так: день и ночь работает бригада проходчиков, убирает породу, нагружает ею одну вагонетку за другой, а сизые плиты все ползут и ползут сверху. В южном квершлаге за семь дней работы поставили лишь одну крепежную раму и убрали при этом более двухсот

вагонов породы. Шутка сказать, двести вагонов с одного погонного метра! Услышь это проходчик до войны, ни за что не поверил бы. В северном квершлаге с десятиметрового отрезка пришлось убрать одну тысячу тонн породы. Это—в десятки раз превышает обычный выход пустых пород при проходке. Временами сверху начинает сыпаться мелкая, как песок, горячая порода. И почти везде и всегда дорогу вперед восстановителям преграждает самый страшный и коварный враг шахтера—углекислый газ.

В этих тяжелых условиях проходчики упорно шли вперед, к углю. Шахтеры хорошо знали характер подземных сил, и они противопоставили трудностям свою несгибаемую волю. Они спешили вперед.

Среди проходчиков-восстановителей особой славой пользуется бригада Петракевича. Мы встретились с бригадиром на шахтном дворе. Кряжистый старик достает из кармана старую алюминиевую табакерку и закуривает. На крышке табакерки выгравирована такая же старинная шуточная надпись:

Табачок наш,—
Бумажки дашь,
Огня добудем,
Вместе курить будем.

Матвей Трифонович с удовольствием затягивается и о чем-то задумывается. Потом по-юношески улыбается и говорит:

— Восстановлю шахту на полную мощность—поработаем. Дадим угля стране.

Он пенсионер, ему шестьдесят лет, но он руководит одной из лучших бригад шахты. Он восстанавливает самый широкий и ответственный ход—квершлаг, ведущий к богатейшей Алмазнянской свите пластов коксующихся углей, к самому большому сундуку подземных кладов шахты.

— Какие запасы угля вскрывает квершлаг,—спрашиваем мы. Глаза старика мгновенно загораются, он отвечает не сразу, медлит в предвкушении видимого удовольствия ошеломить собеседника и говорит:

Эх, что там у нас за пласты: «Толстый», «Аршинка», «Тонкий», «Верхне-Каменский», а дальше и глубже всех лежит пласт «Мария-Чудная».

«Мария-Чудная!» Какое прекрасное название пласта. Видно очень полюбился он горнякам, что так ласково зовут его

на шахте. Старик говорит, и кажется, он перечисляет не названия пластов, а имена любимых детей своих. С 1917 года он на этой шахте и все время работает проходчиком. Сколько пройдено этими узловатыми руками подземных ходов, сколько породы выдано на-гора, как много пользы принес он Родине.

Мы опускаемся с ним в шахту. По пути попадается белая щепа. Везде новые крепежные деревянные рамы. Весело журчат подземные ручьи и бегут они по новым расчищенным канавкам. Лишь местами встречается старая, оставшаяся от довоенного времени, крепь. Кое-где она покрыта белым мхом. При тусклом свете шахтерской лампы штрек имеет волшебный вид. Но как обманчива красота! Белая плесень представляет собой древесный грибок, с'едающий дерево. Это враг крепи, с ним надо бороться. Чем дальше от ствола, тем слабее воздушная струя. Очень душно. Сквозной вентиляции местами еще нет, и это дает себя знать. Но ничего, скоро будет пробит еще один штрек и тогда струя свежего воздуха будет омывать весь горизонт.

Здесь, под землей, мы видели, как мудро старый шахтер преодолевает силы стихии, как он использует малейшую возможность для быстрого движения вперед. Обычно проходка горных выработок ведется в лоб одним забоем. Матвей Трифонович расширил фронт. С этой целью в левой стороне квершлага он пробил вперед узкий забой и создал дополнительную площадь для ведения проходческих работ. Он научил свою бригаду не выпускать лишней породы. Крепильщики умеют во-время подхватывать ее, ибо они знают, что лишняя порода—это лишняя работа, которая задерживает их движение вперед. Бригаде установлен план—пятьдесят метров. В первый месяц она прошла 28 метров. Петракевич изучал обстановку в квершлаге. На другой месяц они продвинулись уже на 93 метра, на третий—на 99 и, наконец, бригада удивила всех, восстановила за месяц 190 метров квершлага. Такого темпа возрождения главнейших горных выработок никто не достигал в Донбассе. А старик все ворчит, все недоволен, все ему мало. И говорит: разве это проходка, вот дать бы за месяц триста метров, то было бы дело.

У Петракевича два очень серьезных соперника: проходчики Клюев и Никулин. Старик взлелеял в своем сердце мечту: первым дойти до угольного пласта. Как соскучились криворожцы по своему углю! Никто из них с 1941 года не видел ни крупинки угля со своей родной шахты. Даже домохозяйки

топят печи чужим, привезенным с соседней шахты углем. Топят и ворчат,—когда же будет свой уголь. Не очень-то приятно слушать такие вещи. И не у одного Петракевича желание первым пробиться к пластам. Другие проходчики тоже стремятся к этой цели. Между бригадами идет напряженная борьба за то, кто первым порадует Родину криворожским угольком, ибо какой другой более драгоценный дар может поднести своему народу донецкий шахтер!

Забойщик Даниил Клюев до войны славился на всю шахту, как лучший мастер отбойного молотка. Осенью 1941 года Клюев ушел на фронт. Кончилась война, вернулся на шахту. Хотелось сразу взяться за привычное дело, но путь к угольным пластам заграждали завалы. Тогда Клюев стал проходчиком. Говоря его словами, он мобилизовал в свою бригаду двадцатилетнего сына Юрку, который до этого работал слесарем в механической мастерской. Недавно отец сагитировал и старшего сына Николая, работавшего на соседнем заводе. Старый шахтер зовет на подмогу своих детей, он говорит им, что нет профессии более почетной, чем профессия горняка. Его бригада перевыполняет задание. С нетерпением ожидает Клюев дня, когда доберется до угольного пласта, возьмет в руки отбойный молоток и будет рубать уголь.

— А если откроются мои фронтовые раны, то честь шахтерского рода Клюева отстоят сыны,—с гордостью говорит Даниил Сергеевич.

Клюев выдвинул свой проект ускорения проходки, редко встречающийся в горной практике. И прежде, чем придумать этот способ, он ночами много раз выходил в палисадник своего домика и долго думал одну думу: как поскорее пробиться к углю. Мимо его квартиры, по железнодорожной ветке с соседней шахты мчались эшелоны с углем, а его шахта выдавала пока только породу. Он предложил способ, своей простотой и оригинальностью поразивший самых опытных проходчиков. Он ведет проходку уклона. Известно, что эту выработку обычно пробивают сверху вниз. Когда уклон пройден, от него засекают в сторону откаточные штреки и уже со штреков поднимаются вверх по угольному пласту, начиная разрез лавы. Новатор сломал этот традиционный принцип последовательности. Он предложил проходить лаву одновременно с уклоном: будет пробиваться уклон, а вместе, параллельно с ним, будет нарезаться лава. Правда, лаву придется разрезать, опускаясь, сверху вниз. В условиях крутопадающего пласта это связано с очень большими трудностями, но

трудности не страшат Клюева. Он радовался тому, что с окончанием проходки уклона будет сразу иметь готовую свеженькую лаву, иметь ее, безусловно, раньше Петракевича и, быть может, ему удастся обогнать и Нила Никулина. Да, самого Нила Никулина!

И Петракевича и Клюева волнует работа этого ветерана шахты. Нил Никулин их старый друг и товарищ, но дружба дружбой, а когда речь идет о соревновании, о достижении одной заветной цели, то тут уж извини, каждый старается проявить себя. Никто лучше Никулина не знает шахту, структуру ее горных пород и угольных пластов. Когда Нил ставит крепежную раму, то старый крепильщик узнает ее из десятка других, что ни говори—почерк мастера!

Шахтоуправление поручило Никулину пробивать уклон на нижний горизонт до самой глубокой точки, на 450-й метр. Уклон вскроет нетронутое еще угольное поле на пласте «Аршинка». Тут можно будет иметь много лав. Чтобы ускорить темпы, Никулин организовал проходку в четыре смены. Его бригада идет на основной нижний горизонт, который до войны был только вскрыт и еще не разрабатывался. Здесь —золотое дно шахты. Отсюда можно легко брать в сутки несколько тысяч тонн угля. Вот к какому кладу подбирается своим уклоном Нил Никулин.

Вся шахта с волнением следила, кто же первым дойдет до угля: Петракевич — к своей «Марии-Чудной», Клюев — к пласту «Тонкий» или Никулин — к «Аршинке».

Незаметно летели дни и месяцы в напряженном труде, и проходчики знали, что Родина, могучая и любимая Родина, внимательно наблюдает за их подземным наступлением. Они шли вперед, день ото дня увеличивая и ширя свой шаг.

И вот настал день, когда стальной бур в руках Петракевича вошел в нечто непривычно мягкое. Привыкший к сопротивлению крепчайших горных пород, о которые быстро стиралась сталь, Матвей Трифонович поразился перемене. Дрогнуло стариковское сердце, мелькнула мысль: неужели он дошел до угольного пласта? С силой нажал он на бур, и вот из отверстия, просверленного стальной штангой, поползла струйка порошка. Петракевич растер его между пальцами— сомнения не было, то был уголь.

— Друзья, уголь!—радостно воскликнул он, и все члены бригады бросились к старику. Как зачарованные смотрели они на тонкую твердую струю. Быстро закончили бурение, зарядили шпуры, взорвали породу, и перед ними открылось

черное, могучее тело угольного пласта. Да, то была «Мария-Чудная»! Это был пласт, к которому они шли три года сквозь завалы, воду и газ. При свете шахтерских лампочек уголь сверкал и искрился, как алмаз.

Проходчики сказали старику:

— Поднимайся, Трифонович, поднимайся, дорогой, на-гора. А мы уж за тебя закончим работу. Поднимайся и порадуй народ.

Через час Петракевич открыл дверь кабинета начальника шахты Константина Петрова, того самого Петрова, что был парторгом шахты «Центральная-Ирмино» в те дни, когда в ее забоях зародилось стахановское движение, и положил на стол драгоценный кусок угля.

— Подарочек с «Марии-Чудной»!

Начальник шахты взял уголь и подошел к окну, долго его рассматривал, затем подошел к старику и крепко поцеловал его:

— Спасибо, Матвей Трифонович, большое спасибо.

Новость быстро облетела шахту, и вскоре кабинет начальника наполнился горняками. С нежностью и гордостью смотрели люди на небольшой кусочек угля.

Через два дня с подарком к начальнику шахты пришел Никулин, а неделей позже—и Даниил Клюев. Теперь рядышком лежали куски угля с «Марии-Чудной», с «Аршинки» и с «Тонкого».

Это был общий праздник, знаменующий большую победу восстановителей. Горняки собрались на митинг. Константин Петров сказал:

— Вы помните, товарищи, что, приступая в возрождению своей шахты, мы приняли решение: назвать первые восстановленные горные выработки именами тех бригадиров, бригады которых эти выработки и угольные пласты возвратили к жизни. Соревнуясь между собой, бригады Петракевича, Никулина и Клюева с честью выполнили обязательства, досрочно справились с пятилетними нормами, показали себя передовыми борцами за пятилетку, за возрождение родного Донбасса. Как мы поступим теперь, какой будет воля коллектива, назовем эти выработки именами трех наших славных бригадиров?

— Обязательно назовем,— дружно ответили горняки, — честь и хвала проходчикам.

И вот теперь, когда люди спускаются в шахту и проходят по большим, надежно закрепленным горным выработкам, они

с гордостью читают надписи на прикрепленных к породе досках: «Северный квершлаг имени Матвея Петракевича», «Уклон пласта «Аршинка» Нила Никулина», «Уклон пласта «Тонкий» Даниила Клюева».

Пройдут годы и не одно поколение горняков шахты будет знать о трех почетных шахтерах, героях послевоенной сталинской пятилетки, представителях старой горняцкой гвардии, пробивших путь к угольным кладам в горячее и прекрасное время послевоенного возрождения социалистического Донбасса.

2. Забойщики-артемовцы

Крепкий черный пласт зажат с боков мощными горными породами. Кажется, что переложены тоненькой тесемкой страницы раскрытой колоссальной каменной книги. Добыча угля идет на глубине 370 метров. Выше, где-то далеко за шахтой, в донецких ковылях, сторчаком стоящий пласт вырывается на поверхность. Ничто не растет на углероде. Но время занесло место выхода пласта черноземом, и тут тоже весной зеленеет травка. Пласт убегает вглубь недр и никто не может сказать, где ему будет конец и как много горизонтов-этажей придется отработать людям, как долго придется спускаться вниз, пока доберутся они до самого дна угольного клада.

Вот лава Пантелея Рындина. Рындин направляет на пласт сноп света шахтерской лампочки. Он переливается всеми красками. Много пластов в шахте. Один из них за крепость назван «Алмазом». Ниже, под ним, лежит его брат, второй такой же пласт, окрещенный «Подалмазом». На этом пласте и работает Рындин.

Рындин шагает по пласту широкими ступенями уступов. Да, широкими ступенями. В шахте видишь эти могучие ступени рындинского забоя. Лава была разбита на десять уступов. Рындин предложил сделать меньше, осталось шесть. Невольно представляются ступени большой каменной лестницы. Сделать десять шагов по мелким ступеням и сделать шесть крупных шагов по шести большим. Разница!

Что выиграл от этого забойщик? Он получил простор в работе. И еще: в десяти уступах десять забойщиков десять часов в смену тратили на подготовительную работу—нарезку кутков. В шести уступах на это дело теперь уходит шесть часов. А каждый час весит около двух тонн угля. И главное:

в коротком уступе забойщик мог дать немногим более нормы, а в новом, удлиненном — почти триста процентов.

Но Рындин смотрел дальше этих трехсот процентов. Он хотел большего. Он стал рубить все шесть длинных уступов, применив при этом разделение труда. Один рубит, другой крепит за ним. Каждый в совершенстве знает свое дело и делает его.

Коммунисты Пантелей Рындин и Иван Дубина и беспартийный Роман Акиншин с первой минуты берут темп, который не спадает до конца смены. И это потому, что у них большой простор для работы, что каждый делает свое дело, а дело, что и говорить, они знают в совершенстве.

Попробовав пальцем острие пики отбойного молотка и, выбрав еле заметную в пласте мягкую струю, Рындин отбойным молотком стал крошить уголь. В пласте образовалась узкая щель и главное было достигнуто: пласт разорван на две части. Затем, опускаясь сверху вниз, наваливаясь на молоток то плечом, то грудью, забойщик откалывал глыбы угля и они, образуя черный водопад, с шумом неслись вниз, в магазин лавы. Так работая, он дошел до исходной точки, ни разу не оглянувшись назад. И только окончив, повернул голову, его друзья были рядом, они шли следом за ним и быстро крепили забой, плетя над его головой крепчайшую защитную сетку из деревянных стоек.

— Пошли дальше? — крикнул Рындин друзьям.

— Пошли! — послышалось в ответ.

Обрабатывая уступ за уступом, к концу смены они спустились вниз и полностью зарубили лаву. Три забойщика за смену сделали цикл. Прекрасное достижение! Угля было так много, что выход на штрек был завален.

— Ишь, старина сердится, из лавы нас не пускает, айда на обходную, — сказал Рындин, говоря об угле, как о живом человеке. По дороге они прикидывали, что сделали сегодня. Нарубили 126 тонн угля, около 1.500 процентов забойщицкой нормы.

— Хорошо сегодня поработали, — сказал Акиншин, когда они уже стояли на рудничном дворе, ожидая пока клеть принимала уголь и поднимала его на-гора.

— Было бы лучше, если бы вы так ежедневно рубили, — сказал стоявший в очереди коренастый забойщик.

Рындин повернулся. Позади него стоял Варламов.

— А, здоров, Гавриил Никифорович, — приветствовал за-

бойщика Рындин. — Это ты прав, не дают еще нам каждый день так рубить, но ничего, мы своего добьемся. Шахтеры — народ настойчивый. Вот, вроде этого, погляди, — и Рындин указал на угол рудничного двора.

С большой высоты, с бетонированной кровли двора, напоминающего собой тоннель метро, при ярком электрическом освещении падали редкие и светлые капли воды. Стоявшие рядом забойщики повернули головы туда, куда показывал Рындин. Падая и разбиваясь о крепчайшую породу почвы, маленькие светлые капли выдолбили большую чистую лунку.

— Настойчивость, достойная примера, — сказал Рындин и обратился к Варламову, — а как ты сегодня сработал?

— Три с половиной нормы.

— Один работал?

— Один, — ответил Варламов, — привык я один работать.

Стоявшие у клети забойщики знали, как работает Варламов. Его успех слагается из многих, казалось бы, на первый взгляд, незначительных усовершенствований. Это он на пять сантиметров увеличил ширину зарубки и это дало ему дополнительно три тонны угля, — а это полнормы. Это он приноровился нарезать куток за полчаса, в то время как другие забойщики тратили на это дело полтора. Это он работает так, что ни одна минута не пропадает у него зря. Он бережет время.

А время в шахте — это уголь. Вот забойщики теперь терпеливо стоят у клети, пропуская вагонетки с добытым углем.

— Пусть идет в клеть без очереди, — шутят они и счастливым взглядом провожают вагончики.

* * *

День клонится к вечеру.

Косые лучи заходящего солнца ярко освещают шахтерский поселок. Дома горняков скрыты плотной листвой сирени, акаций, тополей; эти деревья любят юг.

Возле одного палисадника Рындин остановился, раздвинул листву. На скамье сидели его напарники — Дубина и Акиншин, рядом — Варламов, братья Лисицыны. Они ожидали Рындина, чтобы вместе итти к гостям, приехавшим с шахты «Никанор» проверять результаты социалистического соревнования. Рындин спешит сообщить им радостную новость. Вчера он получил письмо Василия Байды. Рындин достает из кармана письмо и начинает читать: «Привет из Кировограда. Добрый день, мой друг и коллега по работе, Пантелей Дмит-

риевич! Сегодня я прочел в газете «Радянська Україна» статью под заголовком «Вибійник Пантелій Риндін». Я очень радовался твоим успехам. И я рубил уголь в шахте им. Артема. Но связала меня болезнь, в 1942 году я был ранен в плечо, в 1945 году — в живот, и сейчас я инвалид второй группы. Скоро еду на операцию. Если подлечусь, то буду у отбойного молотка. Если бы вы только знали, как я скучаю по шахте, как я интересуюсь Донбассом, как ищу в газетах хотя строчку про шахтеров. Пантелей, передаю тебе свой чистосердечный привет фронтовика и солдата и желаю всего наилучшего в работе, а также передавай привет всем друзьям забойщикам. С уважением, бывший забойщик шахты имени Артема Василий Байда».

— Хороший был забойщик, — сказал Рындин.

— Да, наделала война дел, — вставил слово Дубина. — Нам надо рубить уголь не только за себя, но и за Байду и за таких, как Байда. Вот я несколько дней болел и то истосковался по забою, а каково теперь Байде?

— А за это время ты меня здорово обогнал, — обратился Рындин к Варламову.

— Не очень-то, — ответил тот, — ничего, догонишь. На вашем пласте можно поднажать, уголек некрепкий.

— Это как сказать, — взволнованно ответил Рындин. — Сам знаешь, что на «Подалмазе» всегда был крепче, чем на «Атамане». Вот я тебе скажу другое, люди поговаривают, что вы у себя на «Атамане» рубили уголь отбойным молотком по нормам, что были для обушка.

— Мало ли что говорят...

— А ведь верно, Гавриил Никифорович, так и было, — вмешался в разговор Акиншин.

— Было всего несколько дней, нормировщик не успел вовремя дать новую норму, — согласился Варламов, — но скажу тебе, Пантелей Дмитриевич, давай сделаем так: сядем рядом на любом пласте, — не уступлю.

— Давай... — согласился Рындин, поднимаясь, чтобы итти к гостям.

Разговор с гостями был дружеский, горячий.

Среди делегатов был Николай Стоволосов, лучший на шахте навалоотбойщик, да и не только на шахте, а быть может во всем Донбассе. Большой, он спокойными светлыми глазами смотрел на Рындина и говорил:

— Слышал я, что вы решили выдавать семьсот тонн угля в месяц на отбойный молоток. А я вот лопатой шестьсот даю,

да и то не намерен на этом останавливаться. Давай, Рындин, соревноваться, ты отбойным молотком семьсот дашь, а я лопатой. А?

— Откуда ты, Николай Ипполитович взял, что мы боремся за семьсот. У нас идет борьба за тысячу тонн на молоток,—говорит Варламов,—вот за что давай соревноваться. Хочешь?

— Многовато для меня, — улыбается Стоволосов,— семьсот дам.

Между Рындиным и Варламовым словно не было вчерашней размолвки. Они дружно защищали друг друга, свою шахту. Затем разговор принял более мирный характер. Гости рассказывали о своих новостях, своем житье, о планах на дальнейшее. Они ввели у себя подземную диспетчеризацию, уже добрались до третьего и самого мощного пласта «Никанор», имя которого носит шахта. Они внимательно слушали рассказ артемовцев о том, что в шахте большинство лав переведено на длинные уступы, о том, что сейчас в шахте циклуют все лавы и что артемовцы хотят ко Дню шахтера прочно освоить довоенную добычу.

У гостей и у хозяев одна дума, как лучше выполнить клятву, данную в письме родному Сталину.

Уже поздно ночью Рындин и Варламов возвращаются домой.

— Знаешь, Пантелей, думаю я перейти на твой метод; поразмыслил и считаю, что твоим методом больше угля рубить буду,—говорит Варламов.

— Правильно решил, увидишь, что дело веселей пойдет,— ответил Рындин,—и его протянутая рука встретила в темноте горячую руку Варламова.

* * *

Недавно всей шахтой провожали Рындина в Горловку на знаменитую шахту им. Калинина для того, чтобы мог он, представитель забойщиков-артемовцев, своими глазами увидеть, как работает прославленный новатор Тюренков. Рындин вернулся из Горловки через неделю, полный впечатлений. Собрались забойщики шахты.

— Ну, Пантелей,—сказал начальник шахты Сенчуров, — начинай доклад, расскажи нам, как ездил, что видел, что слышал, чему надо нам научиться у горловчан?

— С шахтерской прямотой надо признать, товарищи, что мы от них отстали и по какому пункту? Мы сделали один,

два рекорда, а затем продолжаем работать обычными темпами, а калининцы метод Тюренкова ввели в систему. Вот чему нам надо учиться у горловчан. В дороге, в поезде думал я над тем, как нам перестроить работу.—С этими словами Рындин взял мел, подошел к доске и начал чертить новую горловскую систему работы в забое.

А через три дня забойщики второго рындинского участка вышли работать по-новому. Уже не в одном уступе добивались рекордной производительности, а во всех уступах. В лаве сделали за смену два цикла и нарубили 216 тонн угля при суточном плане в 100 тонн. Затем на участке № 9 освоили 2,8 цикла и дали 302 тонны, на участке № 3—три цикла, 460 тонн. Так ширилось соревнование забойщиков. Их двигало вперед желание скорее выполнить свои пятилетние нормы, быть первыми в соревновании с горловчанами.

Как-то недавно Пантелей Рындин поднялся из шахты, присел возле стены горной конторы, греясь под солнцем, закурил папиросу. Рындин кого-то ожидал. Следующая клеть вынесла на поверхность Варламова. Он подсел к Рындину и сказал:

— Сегодня мы во всех уступах работали с разделением труда, дали 513 тонн и каждый из нас выполнил норму на 650 процентов. В лаве освоили за смену 3,8 цикла.

— Поздравляю,—сказал Рындин и крепко пожал руку Варламова.—Так надо нам все время работать. Пора нам, дорогой Гавриил Никифорович, от единичных рекордов переходить к постоянной стахановской работе. Надо смотреть вперед, думать о том, как работать дальше, не стоять на одном месте. Вот я помню, в начале пятилетки нарубил отбойным молотком 126 тонн угля, это был вседонецкий рекорд. А сегодня вы уже дали за смену более пятисот тонн. Все время забойщики шахты работали по методу Пантелея Рындина, появился метод Тюренкова, и Пантелей Рындин с'ездил к товарищу Тюренкову, лично, можно сказать, привез из Горловки на родную шахту тюренковский метод и теперь забойщики-артемовцы рубят уголь, учитывая опыт горловчан. Неплохих результатов мы добились, но я все думаю над тем, чтобы найти новую, еще более короткую дорожку к углю. Товарищ Сталин говорит, что большевики никогда не должны терять чувство нового и нам, почетным шахтерам, особенно нужно помнить этот совет. Вот мы уже с тобой пятилетние нормы выполнили, а хочется большего.

Рындин замолчал. Он поднял взгляд на копер шахты. Ко-

лесо шкива мелькало и нельзя было разглядеть спиц. Через каждые две минуты шкив останавливал свой бег, и тогда площадка надшахтного здания принимала новую партию угля—забойщицкий дар. Рындин подумал и сказал:

— Вот, пока что работает только клетьевой ствол. Скоро пустят и скиповой. Придется нам угля больше рубить, готовиться нужно к этому...

— За забойщиками остановки не будет, Пантелей Дмитриевич,—ответил Варламов.

— Да, мы шахту не подведем,—согласился Рындин.

3. Беспокойное сердце

На сцену взошел одетый в военную форму средних лет шахтер. Председатель исполнительного комитета областного Совета депутатов трудящихся остановил взгляд на военных медалях, украшавших китель шахтера, протянул ему красную коробочку с лежащим на ней новым орденом, дружески пожал руку и сказал:

— Поздравляю, товарищ Смоляков, с высокой правительственной наградой.

— Служу Родине, — ответил врубмашинист, спустился в зал и сел на свое место среди рабочих шахты. Горняки «Анненской» в этот торжественный день занимали целый ряд в городском театре Ворошиловграда, где происходило вручение орденов и медалей награжденным.

Сидевший рядом переносчик конвейера с четвертого участка Василий Соломыкин прикрепил орден к кителю Смолякова, и врубмашинист продолжал наблюдать за вручением правительственных наград. Один за другим поднимались на сцену угольщики: поседевшие горняки-ветераны, помоложе— бывшие фронтовики, отличавшиеся выправкой и одеждой, нарядно одетые работницы, инженеры в форменных костюмах.

Смоляков думал о том, как много сделали эти люди, сколько угля выдали на-гора за свою жизнь, сколько крепей поставили в подземных галереях, сколько воды откачали из подземных водоемов.

Его шахта в этот торжественный день была, можно сказать, главной именинницей. Ее, единственную из всех шахт области, наградили орденом Ленина. Думал ли об этом Смоляков десять лет назад, когда переходил работать на новую

шахту-красавицу с соседней, старой небольшой шахтенки «Краснополье».

В памяти кое-как само собой возник день закладки шахты. В жизни горняков начало строительства новой шахты является болшим событием. «Анненскую» закладывали в мае, недалеко от шахты «Краснополье», в степи, покрытой белесым ковром ковыля. Сошлись рабочие со всей округи. Самый старый шахтер взял лопату и сделал в земле четыре лунки в углах обтянутого бичевой квадрата земли. Этим была начата проходка ствола, который должен привести людей к угольным пластам.

— А где же золотые рубли, — шутливо сказал кто-то в толпе.

Имелось ввиду, что до революции некоторые шахтовладельцы во время закладки новой шахты клали в четыре угла будущего ствола золотые десятирублевки, как символ того, что шахта должна принести им много золота.

— Наше золото, друзья, лежит пониже... — ответил приехавший из рудоуправления инженер. Тогда еще не было трестов, а были рудоуправления. Смоляков слушал рассказ инженера о том, какой будет новая шахта. Весь уголь из подземелья пойдет прямо в железнодорожные вагоны по единому транспортеру, лавы будут длиной в сто пятьдесят-двести метров, пласты мощные, есть где развернуться машинисту, раздолье в такой лаве.

—Ну, стройте скорее шахту, да принимайте меня на врубмашину, — сказал Смоляков инженеру.

Так оно и сбылось. В 1938 году новая шахта вошла в строй и Смоляков добился перевода на «Анненскую». Уже тогда гремела слава снежнянцев Кретова, Шашацкого. Смоляков стал участником вседонецкого соревнования врубмашинистов и довел производительность своего агрегата до 10 тысяч тонн в месяц. Наладилась жизнь, что и говорить, хорошая жизнь. Молодая шахта быстро набирала соки. В 1941 году намечали уже освоить проектную мощность. Война помешала. Смоляков ушел на фронт.

Перед уходом долго стоял возле террикона, прощаясь с шахтой и на железных дверях здания под'емной машины написал: «Мы скоро вернемся к тебе, родная «Анненка». Но вернулся не скоро, во всяком случае, позже других. Шахту освободили от врага в 1943 году, а Смоляков дошел до Бер-

лина и вернулся лишь после дня Победы. С какой же жадностью принялся он за работу, стараясь догнать товарищей!

И вот, теперь в его записной книжке подведен итог послевоенной борьбы за уголь: он нарубил около 60 тысяч тонн угля сверх плана. Интересно,—думал он,—есть у кого-нибудь из врубмашинистов области больше нарубленного угля.

Позже, когда окончилось вручение орденов, Смоляков обратился с этим вопросом к главному инженеру комбината. Тот подумал, а потом, улыбаясь, ответил машинисту:

— Кажется еще нет, товарищ Смоляков! Знаю, ты даешь 8.000 тонн в месяц. А как бы давать побольше? Помогают ли тебе, создают ли условия?

— Всякое бывает, но настоящий шахтер трудностей не боится, — ответил врубмашинист.

* * *

— Всякое бывает.

Эти слова Смоляков вспомнил, закрывая за собой дверь кабинета начальника участка. Он быстро зашагал по коридору горной конторы. Кто-то из стоявших в стороне рабочих бросил ему вслед:

— А Смоляков все по кабинетам ходит. Упорный какой...

Слова были произнесены тихо, но отчетливо и дошли до слуха Смолякова. Он хотел обернуться, ответить, рассказать о своем разговоре, но раздумал и только ускорил шаг.

Сегодня утром он вышел из шахты злой. В руках у него был обрывок стального каната. Зашел к начальнику участка и сказал:

— Товарищ Кирсанов, вчера ведущий канат рвался у меня четыре раза, сегодня пять. Всю смену я только то и делал, что стачивал канат. Когда же это кончится? Дело копеечное, а сколько угля теряем из-за этого...

— Нет каната,—ответил Кирсанов.—А потом, не понимаю, зачем ты так волнуешься, ты ведь сделал две нормы, участок перевыполнил план угледобычи.

— Да как же не волноваться,—воскликнул Смоляков.— Сегодня я потерял из-за этого проклятого каната полсмены и дал две нормы. Если бы я работал всю смену—было бы четыре нормы и участок дал бы вдвое больше угля. О чем это говорит? План у нас, значит, на участке, занижен, если моя врубовка столько простаивает, а план перевыполняется.

— Ну, это не твоего ума дело,—сердито ответил начальник участка.—План устанавливать не нам. Каждый должен

знать свой шесток. Большой или маленький план—позвольте уж нам знать.

— Я тоже в лаве не свидетель,—ответил Смоляков,—а насчет каната скажу так, до министра дойду, а своего добьюсь.

С этими словами он вышел из кабинета. И тут-то он услышал брошенную ему вслед фразу. Нет, чтобы не говорили Смолякову, а он останется при своем мнении—план участку дали вольготный—220 тонн. С цикла же выходит 270 тонн. А лава переведена на цикл. Поэтому-то лава и не осваивает цикла, что начальник участка довольствуется перевыполнением плана. «Не нам план устанавливать»,—с горечью повторял он слова начальника участка, а разве кто возражал бы против того, чтобы участок загрузить полнее, чтобы он давал больше угля?

Дома его встретила жена. В простом белом платье с короткими рукавами, с милым и простым лицом, она копалась на грядках огорода, примыкавшего к квартире. Спросила, будет ли он завтракать? Заметив взволнованное лицо мужа, сочувственно сказала:

— Опять канат?..

— Опять... — ответил Смоляков и широко улыбнулся. Его тронула осведомленность жены, — опять, Александра Михайловна, ну да ничего, я его связал так, что больше не порвется. Давай-ка завтракать.

Он хорошо закусил и прилег отдохнуть. Клонило ко сну, ночная смена давала себя знать. Но из головы не выходил разговор с начальником участка о плане. «А может я и не прав», — думал Смоляков. — «Он начальник участка, горный техник. Может так и надо».

Смоляков взял с этажерки переплетенную в строгое серое полотно книгу. Он искал то место, которое ему особенно врезалось в память.

... «Стахановское движение, это такое движение рабочих и работниц, которое ставит своей целью преодоление нынешних технических норм, преодоление существующих проектных мощностей, преодоление существующих производственных планов и балансов. Преодоление — потому, что они, эти самые нормы, стали уже старыми для наших дней, для наших новых людей. Это движение ломает старые взгляды на технику, ломает старые технические нормы, старые проектные мощности, старые производственные планы и тре-

бует создания новых более высоких технических норм, проектных мощностей, производственных планов».

А в другом месте книги было сказано: «Было бы глупо думать, что производственный план сводится к перечню цифр и заданий. На самом деле производственный план, есть живая и практическая деятельность миллионов людей. Реальность нашего производственного плана — это миллионы трудящихся, творящие новую жизнь. Реальность нашей программы — это живые люди, это мы с вами, наша воля к труду, наша готовность работать по-новому»...

Спасибо, родной Иосиф Виссарионович! Слова вождя укрепляли его решимость итти к новым высотам в освоении техники, выжать из врубмашины все, что можно. Нужна только воля, воля к производственной победе. «Я ведь для народа стараюсь»,—уже весело подумал Смоляков,—и от этой мысли легко и светло стало у него на душе.

Он бережно положил книгу на полку, повернулся к стене и сказал сыну:

— Толик, разбудишь меня в четыре часа.—Он решил итти к парторгу и главному инженеру шахты, те поддержат, в обиду стахановца не дадут: и канат будет, и машину помогут нагрузить как следует.

* * *

Шахтеры с полным основанием говорят:

— Лава — главное звено в угольной промышленности.

Верно, именно в лаве решается успех. Добычу угля в ней начинает врубовая машина. Стальными челюстями страшной силы грызет она угольный пласт.

Смоляков рубит пласт «Толстый». Рядом еще два пласта «Алмаз» и «Орловский». На шахте много сот рабочих, а врубмашинистов с десяток и эти десять человек подготавливают фронт работы всему коллективу. Справедливо говорят в Донбассе — водитель врубовой машины — центральная фигура угольной шахты.

Когда Смоляков начинает работу и вводит бар в угольный пласт, он знает, что за его спиной ожидают вруба навалоотбойщики, откатчики, машинисты электровозов, а за ними дальше, за шахтой, и металлурги Днепропетровска и текстильщики Иваново и машиностроители Харькова.

Все было бы хорошо, если бы не этот чортов колчедан.

Там и сям в пласте попадаются гнезда блуждающего серебристого колчедана. Мерно гудит мотор врубовой машины, слышно как хрустит уголь под стальными зубьями бара, из образующейся щели вырываются клубы угольной пыли, словно фонтаны воды за кормой мчащейся моторной лодки. И вдруг: гррр, гррр. Первое впечатление — коса налетела на камень. Нет, хуже, это бар встретился с невидимым, скрытым в глубине пласта гнездом колчедана, представляющим собой агломерат различных металлов и крепчайших горных пород. Если гнездо небольшое—зубья бара сумеют перегрызть колчедан и можно дальше нормально рубить уголь. Но иногда сплава так много, что рубить дальше—значит вывести из строя машину.

Смоляков водит врубовку около двадцати лет и он быстро решает как быть—рубить дальше или вывести из пласта бар, об'ехать колчедан и вновь начать зарубку. Смоляков сокращает ход машины и начинает короткими ударами бара разбивать колчедан. Если это не удается, он, не задумываясь, вытаскивает бар. Колчедан — зло лавы. Как загораются глаза Смолякова, когда он говорит о лаве. Что и говорить, трудный и беспокойный пласт, а любит его Смоляков, привык к нему, привязался как к близкому человеку. Смоляков умеет добиться своего. Он сочетает осмотрительность с риском и машина ползет и ползет вверх по лаве. Крепок колчедан, но еще крепче стальные зубья, кончики которых облиты сверхкрепким сплавом «победитом».

И даже эти крепчайшие зубки приходится менять, не окончив зарубки лавы. Метров двадцать пройдет машина и зубки напоминают затупившееся лезвие бритвы. Иной машинист чувствует, что затупились, ой, как затупились зубки, менять бы их надо, скорее менять, а он думает, прорублю еще три-четыре метра, дам больше уголька, а потом уж... Как ни говори, морока с этой заменой зубков. Старый вытащи, новый поставь, а время уходит. И вот это иногда губит дело. Цепь с затупившимися зубками еле-еле движется в угольном пласте, уголь как бы мстит за причиненную ему боль, сдавливает сталь, потерявшую способность резать. Наступает самое неприятное, пласт зажимает бар, как у пильщиков бревно зажимает тупую пилу, врубовка не может двинуться ни вперед, ни назад. Потом выручают ее, динамитом взрывают уголь над тем местом, где пласт зажал бар. На выручку уходит немало времени.

Смоляков научился безошибочно определять ту грань, когда нужно остановить машину и сказать помощнику: «Будем ставить новые зубки».

Тот, кто полагает, что врубмашинист добивается успеха каким-то одним изобретенным им способом, глубоко заблуждается. Успех машиниста складывается из десятка подчас незначительных деталей.

Почему Смоляков так ругался с начальником участка из-за каната? Речь шла об обыкновенном стальном тросе толщиною в 12—15 миллиметров, по которому врубовка подтягивается вверх. Машинисту нужен крепкий, вполне исправный трос, чтобы он не рвался во время работы. И подлиннее, обязательно подлиннее. Длина каната определяет рабочий шаг машины. Длина лавы, скажем, сто метров. Если иметь канат длиной в пятнадцать метров, то надо семь раз переставлять упорную стойку, а следовательно семь раз на 10—15 минут останавливать машину. Если канат будет тридцатиметровый, то остановки сократятся вдвое. Вот почему машинисту нужен хороший канат. После разговора с начальником участка, Смоляков обратился к главному инженеру шахты и получил добротный тридцатиметровый канат.

Длина бара врубовой машины два метра. Но это не значит, что машинисты на такую же глубину рубят пласт. Часто вруб составляет 165—170 сантиметров, Смоляков подсчитал, что если он прибавит еще 20 сантиметров, то лава будет дополнительно давать тридцать тонн угля, и он довел глубину вруба до 180 сантиметров.

Используя малейшую возможность, Смоляков добился того, что каждый день стал зарубывать всю лаву. Недавно он подрубил ее тридцать три раза, и лава сделала за месяц тридцать три цикла. Это было сделано уже при новом начальнике участка, энергично взявшемся за внедрение в лаве графика цикличной работы.

Смоляков очень спешит, он не хочет, чтобы его опередили другие машинисты и в частности Дмитрий Воронков. Вернувшись с фронта, Смоляков захватил только конец первого года послевоенной пятилетки. Он вновь, как и до войны, стал соревноваться с Воронковым. Воронков сделал в 1946 году две годовые нормы и первым на шахте дал слово закончить пятилетку в два года. Такое же обязательство взял и Смоляков. Разница была только в том, что Воронков должен был по обязательству кончать пятилетку в начале 1948 года, а

Смоляков — в начале 1949 года. Так выходило по всем расчетам.

— Эх, жаль, что у меня нет полного 1946 года, — говорил Смоляков. За три месяца 1946 года и в 1947 году он сделал три с половиной годовых нормы. Для того, чтобы выполнить пятилетку к маю 1948 года, т. е. в одно время с Воронковым, он должен был дать еще полторы годовых нормы или восемнадцать месячных норм. Он подсчитал, что если ежемесячно будет выполнять задание не менее, чем на триста процентов, то за шесть месяцев сумеет сделать эти недостающие для выполнения пятилетки полторы годовых нормы.

Ему дорог каждый процент, каждая тонна подрубленного угля. Он сказал себе: «Иван Никифорович, ты выходишь из шахты только с тремя нормами». И он приходил в бешенство, когда ему мешали выполнить обязательство. И вот прошел январь, за ним февраль, потом март и апрель. И каждый месяц Иван Смоляков выполнял норму на 300 процентов, а иногда даже и больше. Каждый день он выходил из шахты на поверхность с путевкой горного мастера, на которой был нарисован эскиз и написано: «лава зарублена полностью». В отдельные дни он готовил фронт работы на цикл с четвертью.

Он знал себе цену, знал, что он не подведет коллектив, что его машина будет работать без осечки. Но он хорошо понимал, что одному ему цикла не вытянуть, и он крепко подружился с навалоотбойщиками.

С бригадирами навалоотбойщиков: Николаем Соколовым и Иваном Уколовым он заключил условие: «Я вам—вдоволь хорошего вруба, вы мне—всегда дорогу для врубовки». Это условие свято выполняют шахтеры участка. По норме каждый навалоотбойщик должен забирать четыре метра вруба, а берет от семи до двенадцати. Машинист всегда имеет «зеленую улицу».

Когда в утреннюю смену навалоотбойщики приходят на участок, Николай Соколов, еще находясь на штреке, кричит:

— Иван Никифорович, готов вруб?

— Готов, — отвечает из лавы машинист.

— Порядочек, — довольно говорят навалоотбойщики.

Когда в ночную смену приходит Иван Смоляков, он еще со штрека кричит работающей в лаве бригаде навалоотбойщиков Ивана Уколова:

— Весь вруб забрали?

— Весь, — отвечает из лавы бригадир.

— Отлично, — говорит Смоляков, вводит бар в пласт и опять врубовая машина начинает свою монотонную, родную и милую сердцу песню, и поет ее до тех пор, пока не подойдет к верхнему «кутку», пока позади не останется полностью подрезанный пласт и машинист не скажет: «Ну, кажется, кончили. Отрезали еще один угольный ломоть».

Угольный ломоть!

Каждый день отрезает Смоляков врубовкой от черного каравая пласта ломоть угля весом почти в триста тонн. Каждый день! Но хочет резать больше, чтобы еще тяжеловеснее был этот ломоть, чтобы страна получала от него больше угля. Вместе с Воронковым в мае этого года он закончил выполнение пятилетнего задания, но ему этого мало и взгляд его устремлен вперед.

* * *

...Мы и наш собеседник Иван Смоляков сидим недалеко от шахты на краю глубокой донецкой балки, заросшей дубом и терном. Внизу, у ног с шумом бежит по каменистому извилистому ложу юркий ручей. Кругом все зеленеет и растет. Лето набросило изумрудный ковер на поле, на огороды, на полянки. По всей местности плывет тонкий запах цветущих трав. Куда ни глянь, возле каждого домика сады — вишни и яблони.

Продолжая неторопливый рассказ, машинист говорит:

— Знаете, возле многих шахт можно встретить такую вот балку. В Донбассе их много. Балка—любимое место отдыха шахтеров. К осени, бывало, еще мальчишками, мы хаживали сюда за кислицами. Начнется весна, мы идем открывать в балках криницы. Мать скажет: «Ну, Ванюшка, иди очистить криницу», и ты захватишь лопату и бежишь в балку. За зиму занесло ее илом, листвой. Но сквозь мусор видно, как пробиваются со дна живые, светлые струи. Очистишь,—перед тобой ясное зеркало. Вода такая хрустальная, такая вкусная, лучше нигде не найдешь. Бывало, отец вылезет из шахты, пообедает и крикнет мне:

— А ну, Ваня, принеси-ка водички из твоей кринички.

Да, далекое, далекое детство.

—И кринички эти приходят на ум потому, что сейчас в Донбассе происходит похожее... — и мой собеседник задумался, подыскивая подходящие слова:—знаете, Донбасс уже почти расчистился после разрухи, собрал мусор и щебень на раненых шахтах, добрались мы до угольных пластов, ведем до-

бычу. И сколько новых, светлых родников шахтерской инициативы забило сейчас. Каждый старается досрочно выполнить пятилетку. Вот скоро у нас большой праздник: «День шахтера». Берем новые обязательства, стараемся добыть побольше уголька. Почетный у нас труд, очень почетный.

Вот я, к примеру, хочу рубить больше угля, даже больше, чем другие врубмашинисты. И думаю, что своего добьюсь. Главное, мне ясно, как это сделать. Но мне нужна поддержка. У нас еще успехи врубмашиниста оценивают по тому, как выполнена им норма, а не по тому, как он загрузил мощность врубовой машины. Вот смотрите, — еще больше оживился Смоляков, попросил блокнот, карандаш и начал подсчитывать.—Врубовая машина может рубить в минуту 56 сантиметров, а за час 33,6 метра. Длина моей лавы сейчас 85 метров. Значит, если пустить машину на полный ход, лаву можно зарубить за 2,6 часа. Учтем всякие остановки, пусть будет 4 часа, а остальные 20 часов почему должна стоять она? Я спрашивал себя, друзей своих, неужели нельзя сделать наоборот, чтобы врубовка 20 часов работала, а остальное время оставлять на осмотр и ремонт. Теперь посмотрим, что можно сделать за 20 часов. За 20 часов можно было бы сделать 5 циклов. Вы понимаете, в сутки пять циклов! Я в лаве делаю один цикл, а делают в Донбассе и полцикла. Сейчас мы с цикла берем 270 тонн, а с пяти циклов было бы 1.350 тонн. И в месяц это дало бы 40.500 тонн угля. Из одной лавы! Дух просто захватывает от такой цифры, а дело ведь вполне реальное. Сколько дали Запорожец и Очепира со Снежнянки? Минимум 15 тысяч тонн в месяц. Ну, пусть я сразу и не достиг этих сорока тысяч, но двадцать тысяч тонн я хоть завтра мог бы начать рубить.

Мне скажут,—очень большие темпы, большие скорости. А как же иначе, как же коммунизм строить? На малых скоростях что ли? Именно на больших. Нас товарищ Сталин учит— брать от техники все, до дна использовать ее возможности. Да и раньше в Донбассе, собственно, имелись хорошие образцы. Еще лет одиннадцать назад у нас в Кадиевке на одной шахте в семидесятиметровой лаве добились четырех циклов в сутки. А Шашацкий ежедневно цикловал лаву длиной в триста метров. А это четыре таких лавы, как моя. Могут опять же сказать, подготовительные работы будут держать лаву. И это преодолимо. Ведь Лукичев проходил в сутки по 11—14 метров откаточного штрека. Почему же этого нельзя

сделать сейчас у нас? У нас на участке бригада Владимира Дорошенко может Лукичева за пояс заткнуть. Э-э, да что и говорить, все это можно сделать... Много, очень много у нас в Донбассе нетронутых еще резервов. Надо смелее и решительнее пускать их в дело. Шахтеры Донбасса готовы показать новый класс освоения техники подземных заводов. Среди них и я. Приезжайте к нам на шахту попозже и я думаю, что у меня будет не 8.000 тонн на врубовку, а побольше.

Смоляков поднялся. На этот раз на нем был уже не военный китель, а ладно сшитый мундир «Почетного шахтера» с серебряными нашивками на воротнике. Рядом с медалью «За победу над Германией», красовался орден Трудового Красного Знамени и нагрудный знак «Почетный шахтер». Этот настойчивый человек с беспокойным сердцем новатора добьется своего. Его товарищи рассказывали, что Смоляков часто ходит за семь километров в трест узнать, как работают машинисты соседних шахт.

— А как можно, если не стремиться к чему-то более высокому, — заговорил Смоляков, всматриваясь в синеющую даль.—Я рассуждаю так: вот живу я на шахте, известной в Донбассе, мне 36 лет, у меня четыре сына и одна дочь, Скажем, стать инженером я уже, видно, не успею, но у меня есть голова на плечах, знания, опыт, крепкие руки для того, чтобы сделать такое, чтобы врубмашиниста Ивана Смолякова знала страна, знала и уважала его за трудовые подвиги. А для чего же иначе жить? Вот я иногда и спрашиваю себя: для чего ты живешь, товарищ Смоляков? Трудом своим я хочу и должен на дальнейшее прославить свою Родину, свой Донбасс, шахтерский род Смоляковых. Сделать так, как, скажем, сделал доменщик Иван Коробов и его сыновья..

Смоляков говорил и смотрел вдаль. Смеркалось... Черным силуэтом выделялись на горизонте террикон и здание сортировки, а внизу, в балке, звенела старая криница, над которой весной цветут дикие груши и яблони. У горняцких домов зажигались огни, виднелись блестящие сочные листья деревьев; казалось — они все в весеннем цвету. Над шахтой плыла чудесная мелодия. Это пел трудовой народ Донбасса. Пел весь Донбасс, пели люди беспокойного сердца.

г. Ворошиловград.
Август, 1948 г.

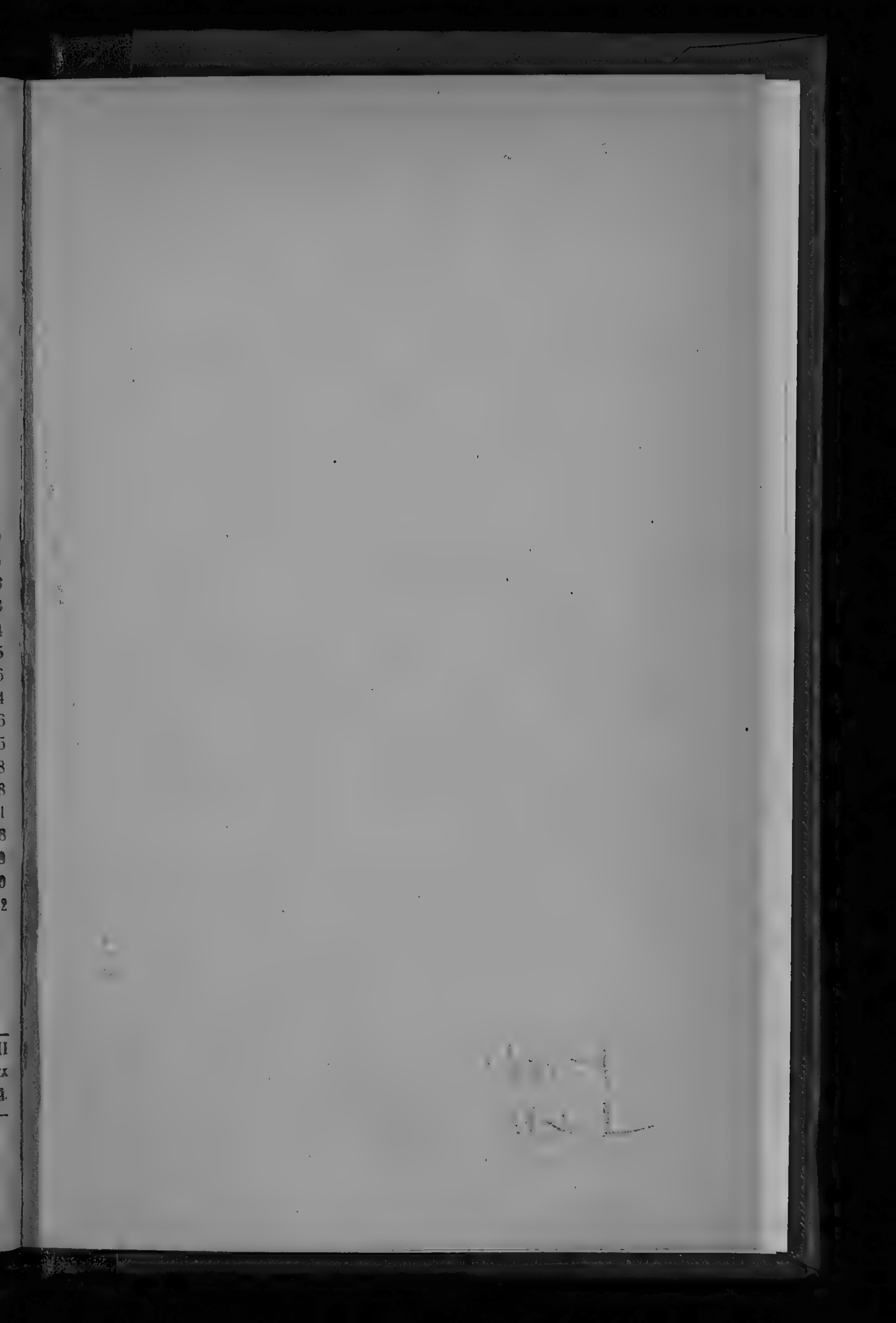

ОГЛАВЛЕНИЕ

Редактор Ф. Байдаченко

БП 12674, сдано в набор 7/VIII 1948 года, подписано к печати 21/VIII 1948 года, тираж 10.000 экз.. печатных листов 11, учетноиздательских листов 10, формат бумаги 60x84—1/16, заказ № 2863. Цена 5 рублей.

г. Сталино, типография № 1 Сталинского областного управления по делам полиграфии и издательств, Складская, 2.

Цена 5 руб.

